

ROSSICA OLOMUCENSIA

XLIV

(ZA ROK 2005)

3. část

Ročenka katedry slavistiky
na Filozofické fakultě
Univerzity Palackého

Olomouc 2006

*Этот сборник посвящен 80-летию Юбилею давнего друга нашей кафедры,
замечательного человека и филолога,
профессора Петербургского университета Галины Алексеевны Лилич*

Za jazykovou a stylistickou správnost odpovídají autoři.

© Zdeněk Pechal, 2005
ISBN 80-244-1313-2
ISSN 0139-9268

OBSAH

Životní jubileum doc. PhDr. Evy Vysloužilové, CSc.	17
Vstupní referáty	19
<i>Мокиенко, В. М., Степанова Л. И.:</i> Двойной славистический юбилей	21
<i>Выходилова, З.:</i> Старое и новое в системе современного русского языка на фоне развития Славии.....	33
<i>Поспишил, И.:</i> Русская литература: стабильность и лабильность концепций.....	43
A. Lingvistika	55
<i>Боронникова, Н., Овчинникова Е.:</i> Семантика и функции лексемы «один» в русском и македонском языках.....	57
<i>Браздилова, Н.:</i> О переводе пьесы <i>Чайка</i> А. П. Чехова на чешский язык (сравнение некоторых аспектов переводов Л. Сухаржипы и Б. Матэзиуса)	63
<i>Бремер, Б.:</i> Выражение отрицательной оценки в русском и немецком языках. На материале научных рецензий	69
<i>Будняк, Д.:</i> Эволюционные процессы русского и украинского языков.....	75

<i>Бурдина, И.:</i> Проект федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»	85
<i>Вагнерова, М.:</i> К характеристике одной группы заимствованных глаголов.....	91
<i>Верстрате-Ванде Виле, Х.:</i> Мир Сэйса Нотебоома: Язык и культура в переводе.....	97
<i>Воборжил, Л.:</i> Категория каузативности и выражение причинно-следственной связи в русском и чешском языках	103
<i>Грегор, Я.:</i> К характеру и типам согласованного определения в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях (на материале публицистического стиля русского языка).....	111
<i>Григорянова, Т.:</i> Функция и характер англицизмов в творчестве современных русских писателей.....	121
<i>Дрёмина, А. Ю.:</i> Свойства SMS как письменного текста	127
<i>Ерофеева, Е. В.:</i> Современное соотношение социальных баз кодифицированного литературного языка, разговорной речи и просторечия	133
<i>Ерофеева, Т.:</i> Пермская социолингвистическая школа: итоги и перспективы исследования	139
<i>Коростенски, Й.:</i> Метафора в чешской и русской лексике	145

<i>Кузина, В.:</i> Место русского языка в прошлом, настоящем и будущем	151
<i>Лавриненко, А.:</i> О чешско-польском влиянии на язык южной и юго-западной Руси XIV–XV веков	157
<i>Ляхур, Ч.:</i> Проблемы описания предложных единиц в польском языке (к Межнародному проекту «славянский предлог в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»)	163
<i>Мазур-Межва, Л.:</i> К вопросу о переводе поэзии (на материале польских переводов поэтического творчества Б. Окуджавы)	169
<i>Мамонова, Ю.:</i> Время как фрагмент наивной картины мира русских и чехов	175
<i>Милевская, Т.:</i> Мемуары и их место среди фактуальных жанров	181
<i>Милютин, Т. А.:</i> Соотношение общего и индивидуального в языке писателя с позиций перевода (на материале сравнительных оборотов повестей В. Распутина)	187
<i>Морозова, Г.:</i> Особенности ударения имен существительных женского рода на -а (-я) в поэтическом языке А. Майкова	193
<i>Мрвещова, Л.:</i> Социокультурный контекст и семантика ключевых терминов языка сферы торговли и предпринимательской деятельности – «коммерция», «бизнес» в русском и чешском языках	201

<i>Надь, А.:</i> К проблеме классификации грамматической синонимии: параллели – варианты – синонимы.....	207
<i>Оганесян, Д.:</i> Динамичность как свойство текста: переводческий аспект (на материале русского и чешского языков)	213
<i>Перчиньска, Б.:</i> Значение исследования агиографических памятников для истории русского языка	219
<i>Пилатова, Й.:</i> Стилистическое отражение общественно-политического события в русской и чешской газете.....	227
<i>Разумовская, В.:</i> Категория значения и выражения в лексике современного русского языка и их отражение в переводе	235
<i>Рыковска, М.:</i> Названия лиц по роду занятий в русском языке в культурологическом аспекте	241
<i>Соболева, Л.:</i> Некоторые параметры номинации личности по речевым признакам в различных языковых субкодах.....	247
<i>Соколова, И. А.:</i> Несвободные словосочетания с ядерным семантическим компонентом «значение, значимость» и их роль в текстоорганизации	253
<i>Тарасенко, Т.:</i> Речевой жанр как лингвистический и филологический объект.....	259

<i>Терехова, С.:</i> Система координат в сознании и языке русских и украинцев	265
<i>Флидрова, Г.:</i> О некоторых особенностях научной речи в области синтаксиса простого предложения (в русско-чешском сопоставительном плане)	271
<i>Франковска-Козак, Б.:</i> Аббревиатуры в приморской хремотонимии конца XX века	279
<i>Хазагеров, Г.:</i> Перспективы русской стилистики: от функции к интенции.....	285
<i>Харцярек, А.:</i> К проблеме некоторых вводных слов в польском, русском и чешском речевом общении.....	291
<i>Хисамова, Г.:</i> «Речевые маски» героев Василия Шукшина.....	297
<i>Чапига, З.:</i> <i>Пожалуйста</i> и его польские эквиваленты	303
<i>Шима, П.:</i> Спорные вопросы модернизированного перевода древнерусских текстов	309
<i>Шульга, М.:</i> Множественное число как исходная словоформа в славянском именном словоизменении.....	315
<i>Юнкова, Л.:</i> К русским юридическим текстам с точки зрения функциональных стилей	321

В. Literatura..... 345

Апанович, Ф.:

«Внутренняя связь явлений»
в поэтической картине мира Осипа Мандельштама 347

Богатырёва, Н.:

Интерпретация современной российской действительности
в творчестве Александра Курляндского..... 353

Васильева, И. В.

Элементы пародии в стиле и языке прозы А. С. Пушкина..... 359

Вельг, Т.:

«Из Москвы в Петушки, или из Петушков в Нью-Йорк?»
К проблеме интерпретации литературы 365

Гржибкова, Р.:

Детство и концепция человека
в русской классической литературе 371

Догнал, Й.:

Пласты интерпретации литературного произведения 377

Заградка, М.:

И. С. Тургенев в оценке чешских критиков
Ф. Кс. Шалды и А. Новака..... 383

Калита, Л.:

Незаурядные люди и их необычные судьбы
в *Портретах* Марка Алданова 391

Карль, Ш.:

Антропологические подходы к изучению литературы.
Радикально-антропологические концепции в «Страхе»
А. Афиногенова и в «Самоубийце» Н. Эрдмана..... 397

<i>Ковальска-Паит, И.:</i> Русская неофициальная литература второй половины XX века и соцреализм (на материале поэзии Иосифа Бродского).....	403
<i>Комендова, Й.:</i> К методологии изучения древнерусского жития (на материале Жития Стефана Пермского).....	409
<i>Малей, И.:</i> Феномен поцелуя в творчестве Константина Бальмонта.....	415
<i>Моклецова, И.:</i> Возвращенная литература: жизнь и творчество А. М. Муравьева (1806–1874).....	421
<i>Мяновска, И.:</i> В кругу неизвестных имен литературы русского Израиля – путь к духовному совершенству Славы Курилова.....	429
<i>Пашкевич, А.:</i> Женский вопрос в творчестве Александра Амфитеатрова.....	435
<i>Пехал, З.:</i> Интерпретация литературного текста и метаморфозы ее контекстов.....	443
<i>Подчинов, А.:</i> Современные интерпретации творчества Ф. М. Достоевского.....	457
<i>Попова, Н.:</i> Концепт <i>немец</i> в произведениях В. И. Даля.....	463
<i>Рихтерек, О.:</i> К вопросу о переводе чеховской метафоры.....	469

<i>Рыбиньска, К.:</i> Мотив танца в <i>Петербурге</i> Андрея Белого и в <i>Улиссе</i> Джеймса Джойса.....	479
<i>Рычлова, И.:</i> Молодая русская драматургия («Новая драма») и ее интерпретация как вопрос.....	487
<i>Скотницка, Л.:</i> Сюжет дороги в русских путешествиях и путевых очерках XIX века	493
<i>Смирнов, В.:</i> Интерпретационные возможности журнального контекста в анализе некрасовской поэзии 70-х годов XIX века.....	499
<i>Смирнова, А.:</i> Значение интертекста в интерпретации художественного смысла произведений В. П. Астафьева.....	507
<i>Снигирев А.:</i> Образ Властителя в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» и С. Соколова «Палисандрия».....	515
<i>Снигирева, Т.:</i> Мотив «моление о чаше» в творчестве поздней Ахматовой.....	521
<i>Трояновска, Б.:</i> Литературные связи: праведники в творчестве Николая Лескова и Ивана Шмелёва	529
<i>Тышковска-Каспжак, Э.:</i> Возвращение жанра. «Русские анекдоты» Вячеслава Пьецуха.....	535
<i>Фролова, Е.:</i> Поэтика «Колымских рассказов» В. Шаламова.....	541

<i>Хойнацка, С.:</i> Дионисизм, аполлинизм и православие в <i>Золотом узоре</i> Бориса Зайцева	549
<i>Хорчак, Д.:</i> <i>Близость и удаление</i> в аксиологическом восприятии <i>Няни из Москвы</i> Ивана Шмелева.....	555
<i>Шевченко, Л.:</i> Римейк в современной русской литературе: специфика инноваций и особенности интерпретации.....	561
<i>Шульженко, В.:</i> Концепт «Кавказ» в русской литературе и его интерпретация в историко-культурном контексте (XIX–XXI вв.).....	567
<i>Щедрина, Н.:</i> Авторская интерпретация текста (на примере «Красного Колеса» А. Солженицына)	573
С. Lingvodidaktika	597
<i>Бендова, Г.:</i> Как мы ходим по интернету?.....	599
<i>Выслоужилова, Е.:</i> Устный перевод и межкультурная коммуникация	605
<i>Гаваркиевич, Р.:</i> Образ России и Польши в языковом сознании немецких студентов	611
<i>Гузи, Л.:</i> Исторические символы в русском языке и в русском языковом сознании	621

<i>Данецка, И.:</i> Дидактическая серия «Кл@сно!» для польских гимназистов как образец воплощения уровня А1 и А2.....	627
<i>Демешкина, Т.:</i> Лингвистическое моделирование процессов восприятия (на диалектном материале).....	633
<i>Домбровский, Т.:</i> Лексико-семантический анализ русских деловых писем на занятиях по русскому языку специальности со студентами экономического профиля	639
<i>Дускаева, Л.:</i> Функционально-стилистический статус и жанровая дифференциация политической коммуникации	645
<i>Зенталя, Г. А.:</i> Элементы социокультурного материала в обучении бизнес-языку.....	651
<i>Коссаковска-Марас, М.:</i> Формирование автокреативной компетенции студентов русской филологии на занятиях по практикуму русской речи и методике – избранная проблематика, избранные примеры.....	659
<i>Макаровска, О.:</i> Концептный анализ аутентичных и учебных текстов как источник социокультурных знаний в процессе подготовки учащихся к межкультурному общению.....	665
<i>Манова, Н. Д.:</i> Критерии отбора фильмов из киножурнала «Ералаш» для учебного пособия.....	671
<i>Райнохова, Н.:</i> Проблемы интерференции при обучении чешскому языку русскоговорящих слушателей.....	677

<i>Рогальова, Э., Рогаль, М.:</i> Лингводидактический учет разновидностей языковых картин мира в процессе иноязычного образования.....	683
<i>Сеги, О.:</i> Современное состояние и перспективы преподавания русского языка в Венгрии	689
<i>Сипко, Й.:</i> Языковая картина истории нашей современности	695
<i>Смола, И.:</i> Проблематика методической ошибки в подборе и способе применения упражнений, формирующих умение говорить по-русски на начальном этапе обучения.....	703
<i>Хлебда, Б.:</i> «Кл@ссно!» – новый дидактический комплекс	709
<i>Хазагерова, И.:</i> Методика преодоления коммуникативных неудач в бизнес-общении.....	715
<i>Яковлева, Е.:</i> Ономастическое пространство многонациональной Уфы (новые названия на улицах города)	719
D. Frazeologie	725
<i>Барболова, З.:</i> Отношение болгар к грекам в прошедших веках, отраженное в фразеологизмах и поговорках	727

<i>Гренарова, Р.:</i> Фразеосемантическое поле <i>характер человека</i> в устойчивых сравнениях с союзом <i>как</i> и с <i>антропонимами</i>	733
<i>Дьёрке, З.:</i> Отражение фразеологической энантиосемии в русской и венгерской фразеологии	739
<i>Игнатович-Сковроньска, И.:</i> Фразеологические инновации с семантической перспективы	745
<i>Кабанова, Н.:</i> Функционирование устойчивого словесного комплекса «Вера, Надежда, Любовь и София» в славянских языках.....	751
<i>Королёва, Е.:</i> Проблемы и перспективы изучения русской диалектной фразеологии, записанной в латгалии.....	757
<i>Коротенко, М.:</i> Функционирование устойчивых словесных комплексов фразеосемантической группы «обязанности богопочитания» в сочинениях Ивана Неронова.....	763
<i>Ксенофонтова Л. В.:</i> Языковые свойства и текстообразующие потенции фразеомоделей с лексическим повтором в произведениях В. Маканина.....	769
<i>Куныгина, О.:</i> Проблема статуса фразеологических частиц в системе служебных частей речи.....	777
<i>Малоха, М.:</i> Социальные аспекты в системе ботанической номенклатуры восточных славян и поляков.....	783

<i>Митурска-Бояновска, Й.:</i> Народные поверья в русской и польской фразеологии.....	789
<i>Паевска Е.:</i> Фразеология как средство выражения эмоций в современной польской экономической прессе.....	795
<i>Савенкова, Л.:</i> Фразеология и паремика в системе русского языка: область переходных явлений.....	805
<i>Селиверстова, Е.:</i> О семантическом статусе компонента пословицы в паремийном варьировании.....	811
<i>Симеонова, М.:</i> Лексико-фразеологические особенности в развитии болгарской военной терминологии.....	817
<i>Складана, Я.:</i> Сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахроническом аспекте.....	823
<i>Степанова, Л.:</i> Словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» как источник для исторического изучения фразеологии.....	829
<i>Тарса, Я.:</i> Трансформации крылатых слов (на материале российского Интернета).....	837
<i>Федосов, О.:</i> Считать ли словом уникальный компонент фраземы?.....	841
<i>Финк, Ж.:</i> Хорватские сравнительные фразеологизмы со значением «классный» и «классно».....	847

<i>Хлебда, В.</i>	
Маленький личный каталог нерешенных фразеологических задач ...	853
<i>Чепкова, Т.:</i>	
Проблемы фразеологической номинации в языке современной газеты.....	859
<i>Янковичова, М.:</i>	
Реплики-клише в русской фразеологии	865
Е. Kronika	873

C. LINGVODIDAKTIKA

КАК МЫ ХОДИМ ПО ИНТЕРНЕТУ?

Гана Бендова, Чешская Республика, Пардубице

Компьютеры и вообще ICT в наши дни входят во все области общественной жизни. С конца 80ых до 1996 года Совет Европы поддерживал проект, направленный на обучение языкам «Language learning for European citizenship». Одно из заключений проекта касалось роли ICT, рассматриваемой как важный фактор глобализации современной жизни!

Новые технологии открывают доступ к огромному количеству разнообразной информации и, таким образом, открывают окно в мир новых культурных ценностей, в том числе в мир иностранных языков.

С самого начала, однако, применения ICT в школе – в специальных дидактических и педагогических работах – существует довольно критический подход к выше сказанному, а именно, насколько так называемое «call for CALL», то есть призыв к внедрению компьютеров и ICT в процесс обучения языкам представляет собой, на самом деле, новый дидактический и методический подход.

В противоположность простому «call for CALL» многие дидактики обращают внимание на трудности применения ICT как единственного учебного средства.

Они заранее предупреждают о возможных проблемах. По их мнению опасна пассивность учащихся, неудовлетворительная социализация их – они работают один на один, только с компьютером и также опасаются некоторой фрагментарности полученных знаний.

Важной проблемой является также оснащенность школ и учебных заведений вычислительной техникой. По последним данным, в 2002 году среди молодежи в возрасте 15–30 лет владело компьютером всего 38 % лиц и другие 35 % могло им пользоваться. Всего 73 % молодых людей имело в своем распоряжении персональный компьютер.

И в нашем университете не все помещения оснащены компьютерами. Русский в нем преподается только как факультативный предмет. Аналогично с испанским, французским, шведским и японским языками. Приоритетны, конечно, английский и немецкий. Для РЯ – как факультатива – выделена ограниченная дотация учебного времени – все-

го 104 часа за два года. Несколько последних лет нам приходится работать с начинающими, чаще всего без входного знания азбуки.

Начальный уровень обучения требует от нас перехода к проработыванию пассивных знаний, имея под этим в виду традиционное чтение, перевод и понимание текста, стремясь добиться хотя бы начальных, по-роговых знаний.

В свое время мы старались вообще подыскать источники мотивации выбора нашими студентами русского языка, с учетом общей ситуации в стране, т. е. в условиях не кончающейся, хотя несколько слабеющей руссофобии (некоторые ее мягко обозначают как «тени 68 года»). Мы узнавали, что ведущим является родительский мотив (семья рекомендует своим питомцам познакомиться с тем, что знают или когда-то знали они), мотив выгоды (он важен для будущих переводчиков). Наконец, мы очень рады мотиву познавательному – многие студенты уже разобрались в минимуме своих знаний о России и до них, к счастью, дошло такое явление как недостаток. В широком понимании мы, таким образом, имеем дело с внутренними мотивами, часто обозначаемыми как мотивы индивидуальности. Есть, конечно, и студенты с живым настоящим интересом к русскому языку и к русской культуре.

Для нужд прямых учебных занятий мы пока имеем возможность снимать избранные учебные материалы с компьютера, печатая с них в достаточном количестве нужные нам копии.

Применение материалов снятых с компьютера дает возможность актуализировать учебный материал. В условиях минимума информации о современной России неудивительно, что мы часто шокируем многих студентов, предлагая им снятые с сайта выражения, как, например: студгородок, второе высшее, кинотеатр для автомобилистов, петербургский детектор лжи, «Волга» обгоняет иномарки.

Приведенные примеры содержат для наших студентов настолько новый лексический материал – денотативный смысл которого им неизвестен, так что при его расшифровке они открывают непознанное – удивительные и невероятные стороны современной российской жизни. Учебники, будучи перманентным, постоянным учебным материалом, не могут содержать новейшие политические, культурные и научные события. От преподавателя поэтому зависит, насколько умело он вводит в учебный процесс злободневные факты с русских веб-страниц. Причем

он должен соблюдать два важных принципа: принцип соразмерности и принцип аутентичности текста.

В нашем распоряжении тексты, определяемые нами как **демонстрационные серии**, т. е. грамматические и лексические запасы, служащие нам средством разучивания избранных лексических и грамматических единиц. Применение упоминаемых видов текстов в повседневной практике иноязычного обучения ничем незаменимо. И мы допускаем серьезную методическую ошибку, забывая о них или пренебрегая ими.

И теперь более конкретно о нашем методическом выигрыше – рубрике сайта КП.ру **ЕСТЬ ВОПРОС**.

Добиться цели научить студентов понимать информацию из популярных вебовских страничек сайтов КП.ру и Газета.ру мы хотим и с нашими начинающими и с этой целью мы беремся за простейший – в языковом смысле – текст. Мы пользуемся дополнительной постоянной рубрикой КП.ру – **ЕСТЬ ВОПРОС**, которая представляет собой своего рода **распрос**, с подсказкой возможного ответа.

Имея в виду формальную сторону дела, напрашивается вопрос, проблема, что вообще считать текстом, и можно ли данную рубрику считать текстом. Опираясь на психолингвистические исследования природы текста, мы считаем названную рубрику связным и цельным текстом из-за того, что похожие текстовые материалы отличаются следующими основными признаками – грамматическими (такими как синтаксический параллелизм и синтаксическое усечение) – внешними количественными признаками (в том числе по длине) и размещением вопросно-ответного комплекса на сайте и соотносительностью по контрасту и по уподоблению.

Для выявления затруднений при усвоении неродного, особенно близкородственного языка, имеет огромное значение не только системное, но и функциональное сопоставление. Например, на основании грамматического материала, т. е. примеров взятых из грамматической коллекции, можно формулировать упражнение на определение исходной формы данного слова, напр., определить инфинитив глагольных форм, приводимых в следующих образцах:

**ЕСТЬ ВОПРОС:
КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К БОГАТЫМ?**

- люблю
- ненавижу
- завидую
- равнодушен

**ЕСТЬ ВОПРОС:
ЕСЛИ ВЫ СТАНОВИТЕСЬ «ЖЕРТВОЙ» ПЕРВОАПРЕЛЬСКОГО РО-
ЗЫГРЫША, ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?**

- смеюсь со всеми
- придумываю ответную шутку
- обижаюсь
- злюсь
- меня не разыгрывают

И еще примеры из лексической серии;

**ЕСТЬ ВОПРОС:
КАК ДОЛГО ВЫ АДАПТИРУЕТЕСЬ К ПЕРЕХОДУ НА ЛЕТНЕЕ/ЗИМ-
НЕЕ ВРЕМЯ?**

- сразу
- неделю
- месяц
- до обратного перехода

**ЕСТЬ ВОПРОС:
ВЫ ПРИСТЕГИВАЕТЕ РЕМНИ БЕЗОПАСНОСТИ В АВТОМОБИЛЕ?**

- обязательно
- иногда
- никогда

**ЕСТЬ ВОПРОС:
ЧТО ВАС РАЗДРАЖАЕТ БОЛЬШЕ ВСЕГО?**

- телереклама
- пробки на дорогах
- толчея в транспорте

- правительство
- начальники
- Пугачева с Киркоровым

(интересно заметить, что последняя ответная реплика у студента-иностранца ни с чем не связана, экстравагантную пару они уже не знают).

Сайтовую рубрику «ЕСТЬ ВОПРОС» – в наши дни «ВОПРОС ДНЯ» – мы считаем элементарным видом диалога, в дидактическом смысле необходимым. Каждый вопрос имеет своей целью получить новую или дополнительную информацию. Вопросы несут основную логическую и языковую нагрузку, направляя диалог в определенное русло.

Искусственный характер его не мешает целям живой разговорной практики. Основное отличие только в том, что в естественной обстановке живого устного общения роли спрашивающего и отвечающего быстро меняются. В ситуации сайтового диалога они зафиксированы. Приводимые нами образцы «вопросно-ответной рубрики» могут послужить основой прогнозирования явлений межъязыковой интерференции и для реализации дифференцированного методического подхода к грамматическим фактам с учетом степени их трудности для учащихся.

Использованная литература

- веб-странички КП.ру, рубрика «Есть вопрос»
 Бельчиков, Ю. А.: Интимизация изложения. РР, 1974, № 6.
 Vygotskij, L. S.: Psychologie myšlení a řeči (výběr J. Průchy). Praha, Portál, 2004.
 Choděra, R. a kol.: Didaktika cizích jazyků na přelomu století. Praha, Editpress, 2001.
 Hendrich, J.: Didaktika cizích jazyků. Praha, SPN, 1988.
 Daneš, Fr. a kol.: Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, Academia 1997.

Key words:

pages of web KP.ru, lexical item and grammatical item, methodics, didactics, problems of questions and answers

Summary

The article describes teaching Russian for beginners with using Russian webs KP.ru. It deals with a traditional problem of conversation: query and rejoinder. The results can be used as a base for beginners.

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Ева Выслоужилова, Чешская Республика, Оломоуц

Современный глобализирующийся мир и коммуникация – это два сопряжённых, неотделимых друг от друга понятия. Наше десятилетие можно без всяких колебаний воспринимать и как десятилетие стремления более комплексно познать человеческую коммуникацию, стараясь заодно эксплицитно определить и некоторые из основных направлений, партиципирующих на понимании этого феномена, уделяя особое внимание так называемой межкультурной коммуникации. Общеизвестно, что не только в лингводидактике, но и в целом ряду других, причём самых разных дисциплин, тщательное рассмотрение коммуникации и связанных с ней проблем вопрос вовсе не новый. Относительно лингводидактики мы глубоко уверены в том, что вследствие бурно меняющихся условий обучения русскому как иностранному наступило время не только пересмотреть накопившийся до сих пор теоретический и практический материал, но и установить новые сферы применения имеющихся фактов. Дальнейшее рассмотрение проблемы может идти прежде всего по следующим путям:

1. **понятийному** (т. е. по пути постоянного уточнения термина «коммуникация», руководствуясь новыми обстоятельствами и предъявляемыми к современной дидактике требованиями в качестве ответа на новые условия применения иностранных языков и требуемых уровней овладения). В этой связи можно упомянуть о разработке уровней владения иностранным языком в рамках Европы.
2. **экстензиальному** – т. е., более широкому распространению термина «коммуникация» в новые сферы применения с фактом соблюдения социолингвистической и психолингвистической специфики функционирования языка в данной области, учитывая профиль обучаемого специалиста. В качестве примера можно сослаться на обучение технологии устных и письменных жанров профессиональной коммуникации в вузе.

3. **теоретическому** (т. е. уровню метаописания), направленному на теоретическое описание и опробирование эффективных моделей обучения, отвечающих современным требованиям видов коммуникации, в том числе и межкультурной.

В нашем докладе внимание будет сосредоточено именно на специфике устного перевода как особого вида коммуникации, причем с учётом межкультурных аспектов. В этом контексте имеет немаловажное значение факт, что уже в 1999 году на X конгрессе МАПРЯЛ в Братиславе ярко выделилось как одно из ведущих направлений современной лингводидактики именно исследование межкультурной коммуникации. Факт более менее ожидаемый, так как взаимоотношению разных культур уделялось постоянное внимание в рамках других дисциплин, напр., лингвострановедения, – однако в наши дни уже не только необходимый, но и неоспоримый. Таким образом, изучение межкультурных проблем имеет свою историю, его корни уходят не только к лингвистике (у нас, напр., к работам членов Пражского лингвистического кружка).

Относительно новыми можно считать области, в которых раньше термин «коммуникация» эксплицитно не применялся, напр., коммуникация на предприятии.

Аналогично другим дисциплинам, стремящимся выявить свою специфику путём применения контрастивно-сопоставительного метода, и познание лингводидактической специфики устного перевода должно исходить из результатов сравнительного описания отдельных его типов, включая с одной стороны межкультурные, с другой интержанровые и интерстилевые сопоставления. Умение устно переводить текст является комплексным коммуникативным умением, одним из структурных составных коммуникативной компетенции нашего студента. Обучение каждому из видов устного перевода покоится на объединяющем общем грамматико-лексическом и межкультурном начале, выделяясь у каждого вида своей особой структурой операций, навыков и умений, своими речеповеденческими техниками. Завершающий переводческую подготовку синхронный перевод по праву считается труднейшим из всех видов устного перевода из-за своей экстремальной психофизиологической трудоёмкости, проявляющейся не только в процессе освоения, но и на самой практике. Для него неоспоримой базовой основой является прежде всего способность безошибочно понимать и передавать смысл

рецептированного текста, опираясь на усвоенный лексико-грамматический минимум и определённую сумму межкультурных знаний. Высокая степень автоматизированного владения грамматическими формами в речи наряду с текстообразующими способностями считаются неоспоримыми составными профессионального уровня переводчика.

Обучение устному переводу начинается с усвоения специфики отдельных его подвидов. При их сравнении, напр., перевода с листа и синхронного перевода, с первого взгляда заметны прежде всего расхождения. Несмотря на то, что оба вида начинаются с фазы рецепции, перевод с листа опирается на выработанные в процессе обучения чтению технику чтения и технику понимания, нередко используются и невербальные характеристики общения. Опора на зрительный текст и способность быстро в нём ориентироваться помогают переводчику ускорять процесс решения при выборе оптимального эквивалента единицы перевода, что впоследствии оптимизирует и окончательный результат перевода всего текста. Положительное влияние отмечается здесь и на беглость перевода, длину пауз, применение супrasegmentных средств при продуцировании текста перевода, как и на минимизацию количества необходимых поправок. Включение компенсационных техник в процесс перевода позволяет переводчику избежать непростительных с межкультурной точки зрения погрешностей, делая, т. о., перевод для реципиента комфортным и вполне приемлемым.

Синхронный перевод «лишён преимуществ» перевода с листа. В нём не действует и типичный для речевой деятельности закон «коммуникативной целесообразности», так как синхронным переводчиком не применяется (или она сильно ограничена) паралингвистическая сфера. Трансфер освоенных при переводе с листа умений и навыков в процесс синхронного перевода может иметь и негативное влияние, так как синхронный перевод в фазе рецепции опирается не на зрение, а прежде всего на умения и навыки аудирования, т. е., слушания с пониманием незнакомого текста и на роль памяти. Навыки переводить письменный текст, при котором переводчик зачастую работает с большей чем слово или словосочетание единицей, иногда и с целым предложением, учитывая смысл всего текста, может в процессе обучения синхронному переводу вести к самым разным ошибкам. Не умея в начале обучения еще применять операции синхронного перевода, студенты или переводят слово в слово, опасаясь потерять смысл, или выжидают, когда услышат «ядро» сообщения, про-

пуская даже несколько единиц перевода, навестать смысл которых уже не удаётся и, т. о., сбивается весь результат.

Обучение устному переводу необходимо воспринимать и как процесс постоянной акультурации, когда говорящий в своей речи создаёт виртуальную обстановку своей культуры и устный переводчик обязан правильно передать все её приметы (коннотации) реципиенту.

Многие затруднения в процессе обучения синхронному переводу преодолеваются сознательным использованием позитивных психологических факторов, прежде всего сильной мотивации студентов, желанием научиться переводить, их настроенностью на достижение цели, что объясняется высокой практической применимостью данного умения. Противонаправленное, негативное влияние на процесс усвоения нового умения и типичных для него речеповеденческих тактик оказывают факторы психического барьера, вызываемые обстановкой психического дискомфорта, в котором студент начинает новое речевое поведение усваивать. Это обстановка, будто бы порицающая все законы свободного создания и ведения разговора. Дискомфорт, в котором студентом осваивается роль переводчика-посредника, характеризуется прежде всего «запретами»: подавлением собственной интенции, сдерживанием личных эмоций, запрета выражать своё одобрение или критику говорящего и его текста, отстаивать свою точку зрения, не применять любые средства комментирования, свои личные привычки говорения и т. п., что студентом воспринимается в качестве антиправил к тем, которые он усвоил в виде предпосылок успешного решения коммуникативной ситуации. В начале усвоения переводческой компетенции правила выработки речеповеденческих техник устного переводчика создают своего рода «психологический барьер», не позволяющий студенту вести себя непринуждённо, сосредоточивая своё внимание на смысле, а не на соблюдении правил.

Успешное решение начального этапа обучения устному переводу обусловлено, т. о., и постоянным преодолением психического барьера студента. Одним из методов, удаляющих стресс и помогающих студентам профессионализировать их речеповеденческие тактики, причём у всех видов устного перевода, является комментарий. Процесс формирования умения устного перевода сопровождается переводческим комментарием, касающимся всех уровней текста, начиная с фонетического. В зависимости от трудности текста комментарий может носить, напр., лингвистический характер, но чаще всего он носит межкультурный характер (т. е.

комментирование фактов отдельных культур на сравнительной основе и возможности их перевода). Коллективное обсуждение факта обеих культур на основе их сопоставления, выявление в ходе анализа совпадающих и отличающихся черт, поиск путём выбора из предлагаемых самого оптимального языкового решения, т. е. нахождение эквивалента перевода, его сознательное аргументирование с опорой на междисциплинарный контекст и т. д. не только избавляют студента от стресса, показывая ему, что и с проблемой межкультурных контактов можно справиться, но одновременно они закладывают и методологическую основу будущей транслатологической компетенции переводчика. Метод комментирования оказывается особенно важным в случае, если весь смысл текста сконцентрирован в одном слове – своего рода логоэпистеме, непонимание которого является причиной непонятия всего смысла переводимого и искажения конечного результата труда переводчика.

Сказанное можно продемонстрировать на переводе чешского слова «pařtíkáři» (лексема из области туризма), которое появилось в печати в 90-е годы прошлого столетия и явилось удачным «представителем» состояния чешского общества своего времени. Этим словом предприниматели Харватии обзывали чешских туристов, путешествующих после «бархатной революции» 1989 года к их морю. Не имея много денег, чехи возили с собой популярные в Чехии баночки паштета и хлеб, питаясь ими во время отдыха, и не давая, таким образом, зарабатывать местным бизнесменам в их кафе и трактирах. Тот факт, что ссылки на это слово просуществовали до наших дней, и хотя социально-экономическая сфера давно изменилась, слово опять появилось в печати, на этот раз уже с другой коннотацией, свидетельствуют о том, что его образование покоилось на реальной основе, стало своего рода логоэпистемой и понять её коннотативное значение без социокультурного комментария нельзя.

Качественно может быть переведён только текст, который переводчику полностью понятен. Задачей лингводидактики является изучить и описать специфику образования речеповеденческих тактик устного переводчика, найти и опробировать общие механизмы технологии обучения устному переводу, научить студента речеповеденческим техникам устного перевода, профессионализируя, таким образом, его коммуникативную компетенцию, неотделимой составной частью которой является и межкультурная компетенция. Определить содержание «культурного

минимума» для переводческих целей и эффективные методы его усвоения – это основная задача на ближайшее будущее.

Использованная литература

Ипполитова, Н. А., Князева, О. Ю., Савова, М. Р.: Русский язык и культура речи. Учебник. Москва 2004.

Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Международной научной конференции 5–7 октября. Часть 2. Минск 1994.

Key words:

intercultural communication, interpretation, technology of acquisition, interpretation commentary

Summary

Interpretation and Intercultural Communication

Transmission of intercultural phenomena remains to be a significant issue in interpretation as a specific kind of communication. Irrespective of the fact that investigation of intercultural communication has become an autonomous field in contemporary language didactics (comp. 10th MAPRJAL congress), the application of the knowledge into technology of acquisition of interpretation competence has not been processed yet. The task of language didactics is not only the study and description of strategies/methods of the interpreter's speech behaviour, but also setting the level of his/her intercultural competence. In every kind of interpreting, the spheres of intercultural phenomena may be discovered by means of contrastive text analysis which results in an interpretation commentary as a source of new cultural knowledge as well as an efficient tool of prevention of potential mistakes.

ОБРАЗ РОССИИ И ПОЛЬШИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ

Роман Гаваркиевич, Польша, Щецин

Идущие в Европе интеграционные процессы со всей очевидностью показали, что современная концепция международных отношений не может рассматриваться лишь только на основе политики, экономики и бизнеса. В важных участников происходящих в Европе перемен превратились так называемые «рядовые» представители всех наций, входящих в состав Европейского Сообщества. Каждая из них в отдельном принимает участие в политических играх и оказывает все значительнее влияние на принятие решений подконтрольными им национальными представителями в Европарламенте. Это привело к тому, что граждане всех стран ЕС почувствовали себя жителями единого континента и начали привыкать к отсутствию границ, единой валюте, единому рынку рабочей силы – словом, всему тому, что было задумано европейскими реформаторами. Однако, в то же время приходится нам побороть длинный список головолomных проблем, которые, как, например, серия неудачных попыток ввести единую Конституцию для Европы, строгий контроль миграции и трудоустройства иностранцев и ряд других, выявляют серьезные изъяны в проекте общеевропейского дома. Их источником является, в основном, конфликт интересов между «большими» странами из числа старожилов и «малыми» странами – новыми членами ЕС. Этот конфликт вызван, с одной стороны, естественной заботой о благополучии своей нации и страны, с другой – отсутствием четко сформированных норм сотрудничества и взаимопонимания. Это обозначает, что на передний план в исследованиях и анализе интеграционных процессов, рядом со специалистами в области политики и экономики, должны выйти и представители гуманитарных и общественных наук. Их основная задача – помочь разобраться, показать сходства и различия в культуре, менталитете, умосложении и мышлении представителей всех наций, проживающих и взаимодействующих в современной Европе, путем описания и изложения взаимоотношений между человеком, языком, культурой и окружающим человека миром.

Теперь уже представляется бесспорным, что без изучения картины мира – видения мироздания, характерного для того или иного народа, представления членов общества о самих себе и своих действиях, своей активности в мире, а также без изучения чужой культуры – видеть ее глазами ее носителя и увидеть очевидные для нее смыслы различных ее элементов, увидеть связи между ее элементами так, как видит их носитель данной культуры,¹ полное взаимопонимание между многими европейскими нациями невозможно. Как пишет Е. И. Пассов, «*взаимопонимание складывается помимо лингвистического ещё из социологического, социокультурного, этнокультурного, аксиологического и психологического аспектов, для обеспечения которых нужна главная предпосылка, основа взаимопонимания – культура, культурный фон, присвоение знания о культуре друг друга и отношение к ней, что и составляет менталитет, независимо от воли и сознания управляющий чувствами, словами, поступками*».²

Характеризующийся вышеприведенным качеством человек обладает также особым видом предрасположения, которое К. Wielecki называет компетенцией к межкультурному общению.³ Только человек, знающий определенную систему фактов иностранной культуры, т. е. имеющий опыт её восприятия, анализа, сопоставления, оценки, в состоянии быть активным и надежным участником диалога культур, понимаемого как «*процесс взаимодействия двух индивидуальностей, двух ситуативных позиций, двух менталитетов*».⁴

Соглашаясь с приведенным выше мы сочли целесообразным и интересным проведение исследований, целью которых было определение и сравнение уровня знаний немецких студентов на тему России и Польши – двух стран, с которыми Германию связывает длинная и сложная история, а также непростые проблемы настоящего. Считаем, что такие исследования, предметом которых является национально-культурная

¹ Nikitorowicz, J.: *Spotkanie i dialog kultur – wymiar edukacji międzykulturowej*. In T. Pilch (eds.), o potrzebie dialogu kultur i ludzi. Warszawa 2000, s. 85–104.

² Пассов, Е. И.: *Коммуникативное иноязычное образование как развитие индивидуальности в диалоге культур*. In: Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава 1999г. Доклады и сообщения российских ученых. Москва 1999, s. 434.

³ Wielecki, K.: *Kompetencje do komunikacji międzykulturowej: problemy polityczne i edukacyjne*. In: A. Kopciak – L. Korporowicz – A. Tyszka (eds.), *Komunikacja międzykulturowa, zbliżenia i imprese*. Warszawa 1995, s. 117.

⁴ Пассов, Е. И.: *Диалог культур: социальный и образовательный аспекты (Статья вторая)*. <http://www.gramota.ru/mirrs.html?mrthod08.htm>

специфика языкового сознания (в этом случае молодых немцев), понимаемого как: *«опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т. е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира»*⁵ (в этом случае о России и Польше), помогут, с одной стороны, как россиянам, так и полякам посмотреть на свои действия, свою активность в мире чужими глазами, с другой, доставят информации на тему уровня знаний молодых немцев в области чужой культуры и действительности, что в конечном итоге может способствовать более эффективному взаимопониманию и межкультурному общению этих трех наций.

Для осуществления намеченной выше цели в июле настоящего года в университетах в Ростоке и Грайсвальде был проведен ассоциативный эксперимент методом письменного анкетирования на немецком языке. Анкетируемые студенты славистики (60 в общем количестве) должны были реагировать первым приходящим в голову словом или словосочетанием на каждый из 14 слов-стимулов (7 касалось России и ее действительности и 7 Польши и ее действительности). Список всех слов-стимулов, вместе с реакциями испытуемых и характеризующими их статистическими данными помещен в Приложении.

В конечном результате, проведенные исследования должны были раскрыть образ России и Польши, функционирующий в языковом сознании немецких студентов в виде межсловесных временных связей⁶ и сделать возможным определение познавательных и эмотивнооценивающих категорий,⁷ образующих в сознании испытуемых студентов картину российской и польской действительности.

Из-за ограниченного времени в дальнейшем сосредоточимся на сравнительном анализе образа России и Польши, существующего в сознании молодых немцев, обсуждая лишь только их ассоциации на шесть

⁵ Тарасов, Е. Ф.: *Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания. Этнокультурная специфика языкового сознания.* Москва 1996, s. 7.

⁶ Ушакова, Т. Н.: *Языковое сознание и принципы его исследования.* In: Н. В. Уфимцева (eds.), *Языковое сознание и образ мира.* Москва 2000, s. 19.

⁷ Категории эти можно рассматривать на трех уровнях: 1. основной уровень, на котором общие очертания членов категории воспринимаются как подобные, и на котором человек эффективнее всего взаимодействует с окружающей средой; 2. высший, более обобщающий уровень; 3. нижний, более конкретный уровень. (Tabakowska, E.: *Gramatyka i obrazowanie. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego.* PWN, Nauka dla wszystkich N 474. Kraków 1995, s. 39-41.)

слов-стимулов, помещенных в анкете, значит, проанализируем ответы на стимулы: *Russland* и *Polen*, *Russen* и *die Polen*, а также *russische Kultur* и *polnische Kultur*.

Проведенный анализ помещенных в приложении данных, позволяет разделить их на три основные категории.

В сознании самого большого числа испытуемых как русская, так и польская действительность ассоциировались с эмоционально-оценивающими категориями, вызывая в общем соответственно 35 и 32 такие реакции.

В обеих частях анкеты сравнительно большое количество составили также реакции, находящиеся на конкретном уровне (обнаружено 18 таких ассоциаций с русской и 25 с польской действительностью).

Немногочисленные испытуемые студенты ассоциировали при этом только образ российской культуры с категориями, находящимися на высшем, обобщающем уровне (всего 5 таких реакций).

После вышеприведенного, беглого анализа полученных в ходе анкетирования данных перейдем к более подробному, сравнительному анализу всех ассоциаций, который поможет определить картину России, россиян, российской культуры, а также Польши, поляков и польской культуры, функционирующего в сознании немецких студентов-славистов.

Анализ всех данных показал, что среди ответов студентов на слово-стимул **Россия** самую многочисленную группу составляют эмоционально-оценивающие категории, образующие положительную её картину. В общем, в значительном большинстве анкетированные образовали здесь такие эмоционально окрашенные категории как: *большой* (13); *самая большая страна в мире* (7); *красивая страна* (5), *огромная* (3); *влиятельное государство* (3).

В сознании только 3 студентов существует отрицательный образ России, отражающий её политическое и социально-бытовое положение (*опасная, недемократическая и бедная*).

Стимул **Россия** вызвал также у восемнадцати студентов реакции, находящиеся на конкретном уровне, называющие фамилию президента страны (*Путин* – 5), а также важные для неё места и районы (*Москва* – 5; *Кремль* – 5; *Сибирь* – 3).

Немного по-другому те же студенты видят в своём сознании **Польшу**. Здесь отмечено самое многочисленное количество реакций, находящихся на конкретном уровне. В общем количестве большинство анкетированных немцев в своих реакциях указывает на географическую близость наших стран (*соседняя страна* – 16; *соседи* – 9; *очень близко* – 5), польские ту-

ристические районы и города (*Мазуры* – 3; *Краков* – 3; *Варшава* – 2; *Восточная Европа* – 2), а единичные испытуемые указали на нашу историю и современность (*Освенцим*, *Варшавское гетто*, *Солидарность*).

Сравнительно малую группу (10 реакций) составили ответы студентов, свидетельствующие о том, что в их сознании существуют эмотивно-оценивающие категории картины Польши. Шестеро из них образовали такие положительно окрашенные реакции как: *красивая страна* – 3; *важная страна для ЕС* – 2; *ворота на восток* – 1. в сознании четырех студентов «укоренился» сугубо отрицательный образ своего восточного соседа, что подтверждают следующие реакции: *бедная* – 2; *последняя деревня* – 1; *ничто* – 1.

Интересно представляется также образ русских и поляков, функционирующий в сознании части молодого поколения немцев.

Как видим в приложении, самое большое их количество на стимул **русские**, зафиксировало реакцию, находящуюся на конкретном уровне и относящуюся, по мнению исследуемых, к самому популярному напитку в России – к *водке* (14).

Однако, анализ показал, что в сознании большинства анкетированных существует положительная картина **русских**, доказательством чему является количество следующих позитивно окрашенных ассоциаций: *милые люди* – 10; *гостеприимные* – 8; *интересный народ* – 5; *богатые мужчины* – 2.

В меньшинстве появились в анкетах ответы студентов, свидетельствующие о существовании в их сознании негативного образа соотечественников Пушкина. Такой оттенок отрицания отражали следующие реакции: *громкие* – 2; *запущенные* – 1; *бедные люди* – 1; *консервативные* – 1; *пьяницы* – 1.

Похожий на приведенный выше, но с другими пропорциями, диапазон оттенков, который анализирует образ **поляков**, существующий в сознании этой же группы.

И нашу картину немецкие респонденты рисуют, употребляя в преобладающем большинстве положительно окрашенные категории, как: *гостеприимные* – 14; *католики* – 6; *милые люди* – 4; *доброжелательные* – 4; *сердечные* – 3; *вежливые* – 2; *открытые* – 1.

В ходе анализа оказалось также, что в Грайсвальде и Ростокe проживает относительно значительная группа студентов – славистов, в сознании которой зафиксировался сугубо отрицательный образ восточного соседа. Подтверждением этого являются следующие негативные эмоционально –

оценивающие категории: *воры* – 6; *националисты* – 3; «гастарбайтеры» – 3; *безработные* – 2; *мало денег на жизнь* – 1; *красть* – 1; *водка* – 1.

И, наконец, последняя группа реакций «описывающая» картину русской и польской культуры, функционирующую в сознании анкетированных молодых немцев.

Анализ позволяет констатировать, что в воображениях немецких славистов существует богатая и разнообразная картина **русской культуры**. Эту картину образовали только положительно окрашенные категории, как: *многосторонняя* – 8; *веселые праздники* – 5; *богатая* – 4; *значительная* – 3; *интересная, хорошая музыка* – 2; *великие писатели* – 1; *старая* – 1.

Большое количество составили также реакции, находящиеся на конкретном уровне, называющие фамилии (*Пушкин и Толстой* – 4; *Достоевский* – 3), а также разные жанры русского искусства (*матрешка* – 6; *икона* – 5; *русский балет* – 4; *самовар* – 2; *калинка* – 1; *казачок* – 1).

В сознании немногочисленных анкетированных русская культура ассоциировалась с категориями высшего, обобщающего уровня, например: *литература, искусство, танец, мировая литература*.

Не так однозначно положительно и разнообразно зафиксировался в сознании тех же студентов образ **польской культуры**.

На этот стимул самое большое количество составили реакции, находящиеся на конкретном, обобщающем уровне, относящиеся к *католическому костелу* (11), *традициям* (10). В малом количестве к фамилиям творцов польской культуры (*Шопен* – 6; *Мицкевич* – 1; *Марек Грехута* – 1) и центрам польской культуры (*Краков* – 7).

Отмечено также значительное количество ассоциаций, которые подтверждают отрицательное отношение анкетированной группы к достижениям польской культуры (*второстепенная* – 8; *неизвестная* – 4; *малоизвестная* – 2; *есть у них такое?* – 1).

Только в сознании пяти исследуемых студентов зафиксировалась картина польской культуры, которую можно считать положительной (*развитие* – 2; *современная* – 1; *интересная* – 1; *великолепная* – 1).

Представленный анализ всех ассоциаций позволяет прийти к следующим выводам.

Образ как России, так и Польши в преобладающем большинстве в сознании подвергнутых исследованию студентов образовали эмоционально-оценивающие категории. В меньшинстве в заполненных студентами анкетах появились реакции, находящиеся на конкретном, познаватель-

ном уровне. Однако, учитывая количество и содержание этих последних можно утверждать, что исследуемая группа немецких студентов лучше знает Россию и ее действительность, чем реалии своего ближайшего восточного соседа.

Среди субъективных, эмотивно-оценивающих категорий, выражающих отношение молодых немцев к двум славянским нациям, преобладали позитивно окрашенные ассоциации, но и здесь заметно некое расхождение в их оценке. Анализ показал, что в сознании анкетированных закрепились более позитивная картина России, чем Польши, особенно ярко это проявилось в реакциях на слова-стимулы **русские, поляки, русская и польская культура**. Сугубо положительная оценка картины русской культуры могла быть вызвана закрепленной традицией общественным убеждением о её высоком уровне. В свою очередь, отрицательные, субъективные категории, оценивающие поляков и их культуру, указывают на существование в сознании исследуемой группы неких стереотипов, «*возникших под влиянием общественных фактов, которыми нередко бывают завешания, бескритично воспринимаемые очередными поколениями*».⁸

Наконец, следует отметить, что результаты ассоциативного эксперимента показали некоторую ограниченность знаний студентов о России и Польше и подтверждают тезис о том, что они в состоянии быть активным, но не до конца объективным участником диалога и взаимодействия как с русскими, так и с поляками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список всех реакций немецких студентов-славистов на помещенные в анкете слова-стимулы и характеризующие их количественные данные

Russland: groß 13; größtes Land der Welt 7; Putin 5; schönes Land 5; Kreml 5; Moskau 5; Sibirien 3; riesig 3; einflussreicher Staat 3; Kommunismus; Babuschkas; Freiheit; verändert; Wolga; roter Stern; gefährlich; keine Demokratie; kalt; Zar; arm 1; 60+21+0+11.⁹

⁸ Kurcz I.: *Język a psychologia*. WSiP, Warszawa 1992, s. 111.

⁹ Цифры в конце несут следующую информацию о формальных характеристиках ассоциативной статьи. Первая из них указывает на общее число испытуемых, отреагировавших на данный стимул. Вторая цифра сообщает, сколько среди всех ответов разных по форме. Третья цифра показывает, сколько участников ассоциативного эксперимента

Russen: Wodka **14**; nette Leute **10**; gastfreundlich **8**; interessantes Volk **5**; viele **4**; Tänzer **3**; laut **2**; der große Bruder **2**; reiche Männer **2**; ungepflegt; arme Leute; melancholisch; konservativ; hart; unterschiedlich; Slawen; Säufern; nicht europäisch; durch ihre Sprache sehr fremd **1**; **60+19+0+10**.

Russische Kultur: vielseitig **8**; Matroschka **6**; Ikone **5**; lustige Feste **5**; russisches Ballett **4**; Puschkin und Tolstoj **4**; reich **4**; Bedeutsam **3**; Dostojewski **3**; Samowar **2**; interessante gute Musik **2**; Kalinka, Kasatschok, große Schriftsteller, Kunst, Literatur, spannend, Tanz, Museen, Balalaika, traditionell, alt, Weltkultur, Folklore, Märchen **1**; **60+25+0+14**.

Polen: Nachbarland **16**; Nachbarn **9**; sehr nah **5**; Masuren **3**; schönes Land **3**; Krakau **3**; Warschau **2**; arm **2**; Urlaub **2**; Osteuropa **2**; wichtiges Land für die EU **2**; Küste, Natur, Solidarność, Auschwitz, Warschauer Getto, letztes Dorf, nichts, Tor zum Osten, tragische Geschichte, grün, billige Zigaretten **1**; **60+22+0+11**.

Die Polen: gastfreundlich **14**; Diebe **6**; katholisch **6**; zurückhaltend **5**; nette Leute **4**; freundlich **4**; herzlich **3**; nationalistisch **3**; Gastarbeiter **3**; Arbeitslose **2**; Bauern **2**; höflich **2**; wenig Geld zum leben, klauen, scheiße, Wodka, aufgeschlossen, Slawen **1**; **60+18+0+6**.

Polnische Kultur: katholische Kirche **11**; Traditionen **10**; marginal **8**; Krakau **7**; Chopin **6**; unbekannt **4**; wenig bekannt **2**; Entwicklung **2**; wichtig für Nationalbewusstsein, modern, Marek Grechuta, die Polen sind sehr stolz darauf, Mickiewicz, interessant, Folklore, haben sie eine? Woodstock, großartig **1**; **60+18+0+10**.

Key words:

linguistic awareness, test of verbal associations

оставили данный стимул без ответа. Последняя цифра обобщает количество единичных ответов на стимул, т. е. число реакций с частотой 1.

Summary

Picture of Poland and Russia in linguistic awareness of German students

The article presents the results of empirical research aimed at characterizing and comparing the pictures of Poland and Russia functioning in the awareness of young Germans.

In order to realize the above-mentioned goal we conducted a linguistic experiment, which is also referred to as the test of verbal associations, or associative experiment. The respondents were asked to react to each of the six items in the questionnaire (Russland, Russen, Russische Kultur, Polen, die Polen, Polnische Kultur) with the very first word or phrase they associated with the items.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Любомир Гузи, Словацкая Республика, Прешов

Исследование языка и языковой картины данного этнокультурного объединения имеет разные формы, пользуется все новыми и новыми приемами, влечет за собой пересмотр старого, формулировку нового, более подходящего к нашей современности. Заметно также, что общекультурные, этические, социальные проблемы рассматриваются сквозь призму языковых явлений, что свидетельствует о далеко не исчерпанных возможностях лингвистики как таковой. Факты языка и феномены культуры часто не поддаются строгому и окончательному разграничению – изменения в собственно культурной сфере воплощаются в языке, а языковые эволюции активно участвуют в культурных процессах и влияют на них. Язык выступает в качестве основного средства *социокода* главной знаковой реалии культуры. Именно он призван поддерживать стабильность массива знания, мира деятельности и институтов общения. Считаем, что в языке аккумулированы фундаментальные культурно-исторические ценности человечества, которые человек употребляет в речи как определенные, иногда сознанием обработанные символы.

Придерживаемся мнения С. Г. Тер-Минасовой, что язык каждого народа отражает не только реальный, окружающий человека мир, но и национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира.

Полностью воспринимаем тезис, что важнейшим уровнем языковой системы является лексика, которая отражает и консервирует окружающую человека деятельность, его внутренний мир и может стимулировать поведение носителей языка. Словарный состав национального языка фиксирует и передает от поколения к поколению специфику этносоциокультурных норм, поддерживая, таким образом, преемственность и устойчивость этнического менталитета. Изучая особенности словоупотребления в его этнокультурной коммуникативной надстройке, можно диагностировать состояние духовного здоровья этноса, и до определен-

ной степени прогнозировать его эволюцию – разумеется, при условии адекватной оценки фактов последовательной их регистрации и установления направленности динамики. В именно такой же обстановке функционирует исторический символ, который рассматриваем как готовую языковую, когнитивную единицу, которую пользователь в процессе дискурса или коммуникации, после определенной обработки сознанием, употребляет в «чистом» или «метафорическом» виде. Построение языковой картины мира исторических символов речи происходит с помощью интенсивного использования слов и фразеологизмов (с исторической семантикой и содержанием), которые формируют комплексный речевой – коммуникативный фон, одновременно являются или постепенно становятся ключевыми и употребление их с нарастающей частотностью заметно влияет на мировосприятие и мировоззрение носителей языка.

Исторический символ в языке влечет за собой нередко проблемы, связанные с вербальным воздействием на индивидуальное и общественное сознание, которые могут также изучаться на материале мифов, легенд, табу и эвфемизмов, колдовских заклинаний и религиозных проповедей, политической пропаганды и коммерческой рекламы и т. д., выступающих в качестве разнообразных воплощений «вербальной магии». Такого рода «магия» набирает на интенсивности в наше время, когда ее воздействие усиливается при помощи средств массовой информации, не важно при этом, являются ли эти средства печатными, визуальными, аудио-визуальными или звуковыми.

Исторический символ, представленный в языке словом, словосочетанием или простым предложением порождает до определенной степени миф – происходит мифологизация сознания, которая модифицирует поведение людей, их деятельность.

Символ, который мы характеризуем как исторический, может выступать в форме имени (*Ленин, зубатовщина, пятый штурм, великие победы, трудовые рубежи*), глагола (*догнать и перегнать*), числительного (*1917, 1905*) или простых синтагматических и синтаксических конструкций (*хрустальная ночь, рубить окно в Европу, пьяный штурм Зимнего дворца*).

Каждый такой символ является сильно экспрессивным, многовалентным феноменом, ведь всякий пересмотр истории и, таким образом, также пересмотр самого символа, лежащего в сознании и подсознании человека, имеет результатом переосмысление содержания. Исторический символ в языке и его переосмысление проявляется чаще всего в областях,

в которых происходит целенаправленное вторжение в когнитивную систему реципиента: политическом, медиальном, коммерческом и прочем социологическом дискурсе.

Всякого рода текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения, но для политического, историческим символом обусловленного текста, речевое воздействие является основной целью (Паршин, 1987, с. 403). Языковой символ сам по себе является достаточно семантически сложной, многовалентной и полисемической **данной**, но в языке с ним происходит его так называемое моделирование, которое в когнитивной лингвистике понимается как способ познания действительности. Искажение исторического факта и символов, на фоне дефавдации самих научных результатов, доходит к реципиенту. Тот в своем сознании и языке сохраняет и пользуется именно историческим символом. Использование исторического моделирования исторического символа в языке – это почти всегда признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, описание и разрешение, которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов и выбора альтернативы.

Как правильно отмечает Гаврилова, М. В., периоды кризисного мышления, когда в обществе происходит смена парадигмы общественного сознания, привлекают внимание лингвистов.

Исторический символ нередко становится мощнейшим оружием, потому что его пересмотр, пародизация, метафоризация, являются хорошим поводом для разного рода провокаторов начать период напряжения и конфликтов сначала в языке и сознании людей, которые потом легко переносятся в поведении людей в повседневную жизнь. Историческая символика в языке присутствует даже в речи молодежи на форумах интернета:

Даёшь титры - по-русски!!!

Понятное дело, проги у нас бедных кряковые, вот... Но все Photoshop'ы читают мои шрифты и пишут на родном языке просто супер, а вот Premier отказывается писать титры языком Ленина, (что делать)???, И КТО ВИНОВАТ?

Кто знает ответ-Намьельте, pls!

Какой удачный пример! Ведь в нем видим лозунг пятилеток, язык Ленина и названия «революционных книг и программ». Именно так работает языковой исторический символ.

Проблема когнитивного моделирования исторических символов, которые, главным образом, обозначают понятия, годы событий, события сами, формулируется как поиск корреляций между лингвистическими структурами текста и структурами проявления представлений их автора. Больше всего это проявляется в применении исторических действий, персонажей в разного рода намека, сатирических высказываний и целеустремленно моделированных высказываний. Например, в заголовке статьи – *Краснеет Парвус одинокий...* есть присутствие классического писателя, стих которого взят для того, чтобы исторический символ паруса, который белеет, был заменен Парвусом, который краснеет и это все для выражения современной политики одного из российских олигархов, который ведет себя в «современных российских революциях» подобно Парвусу в революциях 1917-го года (Парвуса-2 гнетет «серость власти»).

В рамках такого когнитивного моделирования языковых символов преобладают, в общем, два варианта подхода к анализу такого (мета)текста – операционное (де)кодирование и когнитивное картирование. Анализ дает возможность понимания как мышления людей, так и социально значимых действий, что, в свою очередь, позволяет моделировать исторический и прочий процесс. «Операционный код обеспечивает основу для отбора когнитивных ориентаций, занимающих центральное место в когнитивной структуре индивидуума» – представлений, которые он использует в оценке событий собственной жизни (Херадштейт, Нарвесен, 1987, с. 386). Индивидуум реагирует на исторические символы в языке до такой степени, до какой ему позволяют это его интеллектуальные способности. Знание или быстрая доступность информации о данном историческом символе делают возможным, при помощи когнитивных методов, в самой высшей мере растолковать его суть, а также намерения того, кто в своем речевом акте исторический символ употребил. Языковые метафоры исторического символа в языке организованы от исторической, политической реалии к метафорическим моделям. В русском языковом пространстве последних десятилетий ученые говорят о тоталитарном языке и считают, «что основной функцией тоталитарного языка является функция идеологического предписания, реализующаяся в идеологеме,

под которой понимается мировоззренческая установка (предписание), облеченная в языковую форму» (Купина, 1995, с. 13).

В заключение хотим подчеркнуть, что исторический символ в языковом сознании человека сильно зависит от среды, в которой презентуется. Русская социально-культурная арена дает для этого самую надежную почву. Русский язык, главным образом, в области публицистики, политики, повествований на повседневные темы насыщен исторической символикой, понимание которой причиняет младшему поколению значительные проблемы.

Использованная литература

- Васильев, А. Д.: *Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении*. ФЛИНТА-НАУКА, Красноярск, 2000.
- Купина, Н. А.: *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург-Пермь, 1995.
- Паршин, П. Б.: *Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования*. 1986. М., 1987.
- Гаврилова, М. В.: *Лингвистический анализ политического дискурса*.
<http://politanalysis.narod.ru/gavrilova3.html>
- Херадштейт, Д. – Нарвесен, У.: *Психологические ограничения на принятие решений. Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва, 1987.

Key words:

Russian language, historical symbol, culturology, communication, history and linguistics

Summary

Historical Symbols in Russian Language and Russian National Awareness

In our paper we had an intention to focus on a historical symbol as a language phenomenon from the classical culturology point of view. Historical symbolism in contemporary Russian language has its own, very specific position, impacted by the national peculiarities of speech and national behaviour.

ДИДАКТИЧЕСКАЯ СЕРИЯ «КЛ@ССНО!»
ДЛЯ ПОЛЬСКИХ ГИМНАЗИСТОВ
КАК ОБРАЗЕЦ ВОПЛОЩЕНИЯ УРОВНЯ А1 И А2

Ирена Данецка, Польша, Ополе

Ушли в прошлое времена, когда в распоряжении учителя-русиста был один-единственный учебник русского языка для каждого класса. До начала 90-х гг. учебники не были, как правило, снабжены дополнительными материалами, т. е. рабочей тетрадью, методическим руководством для учителя в современном понимании этого термина, которые в настоящее время стали уже неотъемлемой его частью, на уроке ученики редко могли услышать магнитофонную запись голоса носителя русского языка. В настоящее время ситуация учителя русского языка ничем не отличается от ситуации учителя западных языков: он наравне с ними стоит перед проблемой выбора учебника, с помощью которого можно эффективно, интересно и с наименьшей затратой сил и времени реализовать программу курса. Выбор учебника – сложная задача, поскольку каждое издательство старается наилучшим образом представить свой товар.

Основная задача учебника иностранного языка – это предоставить возможность эффективно овладеть языком тем ученикам, для которых мы его выбираем¹. При выборе следует учитывать не только возраст учеников и их языковой уровень, но и их языковые запросы, численность группы, интеллектуальный уровень, а также мотивацию и круг интересов учащихся. Если современный и интересный учебник не отвечает уровню языковой подготовки учеников, он не в состоянии обеспечить успех в процессе обучения языку. Итак, выбирая учебник, учитель должен ответить на ряд вопросов, в частности: способствует ли учебник овладению всеми основными языковыми умениями, а также подсистемами языка (фонетикой, лексикой и грамматикой); предоставляет ли учебник возможность повторять, закреплять, контролировать и оценивать пройденный материал, а также контролировать и оценивать уровень освоения соответствующих умений; даёт ли возможность ученикам самостоятель-

¹ Н. Komorowska: *Metodyka nauczania języków obcych*. Warszawa 2001, s. 38.

но заниматься по учебнику в случае продолжительного отсутствия на занятиях; в какой степени оформление учебника, а именно деление на параграфы, размер шрифта, доступные и однозначные задания к упражнениям, неперегруженные параграфы и разделы, способствующий восприятию иллюстративный материал, помогает реализовать поставленные программой цели; облегчает ли учебник подготовку учителя к занятиям и снабжает ли его интересными дополнительными материалами, в том числе мультимедийными.

Это лишь немногие из вопросов, на которые должен ответить учитель, прежде чем решится выбрать тот или иной учебник. В методической литературе можно найти подробный перечень вопросов, касающихся соответствия учебника программному минимуму и программе, структуры учебника, пригодности для учителя и ученика.²

И ещё весьма важная проблема: какому языковому уровню соответствует учебник и способствует ли он подготовке к определённому экзамену/сертификату. Каждый, кто изучает иностранный язык, заинтересован в объективной оценке своих знаний, оценке, адекватно отражающей уровень владения данным языком и по своим критериям соответствующей международным стандартам сертификации. Общеизвестные языковые сертификаты приобретают всё большее значение в объединяющейся Европе и во всём мире. Опубликованная в монографии «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка»³ система общеввропейских языковых стандартов тем и отличается от любых других, что обеспечивает понятное и принятое во всей Европе определение уровней компетентности. Европейский языковой паспорт содержит описание критериев для всех 6-ти уровней, от элементарного владения языком (A1, A2) к более компетентному, самостоятельному уровню (B1, B2) и заканчивая уровнем свободного владения языком (C1, C2), приравниваемого к тому, как им владеют носители языка. «Компетенции» в понятной форме определяют, чем необходимо овладеть изучающему язык, чтобы использовать его в це-

² См., в частности, H. Komorowska: *Metodyka nauczania języków obcych*. Warszawa 2001, s. 42–43.

³ Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie. Wydawnictwo CODN, Warszawa 2003.

лях общения, а также какие знания и умения ему необходимо освоить, чтобы коммуникация была успешной.

Подготовка к получению международных языковых сертификатов должна проводиться, на наш взгляд, в рамках школьной программы, причём сертификацию следует проводить уже на элементарном уровне, т. е. А1 или А2.

Как правило, к экзамену на сертификат приступают те учащиеся, уровень владения языком которых можно определить как пороговый (В1) или пороговый продвинутый (В2). В2 – достаточно высокий уровень владения, когда учащийся понимает общее содержание сложных текстов на абстрактные и конкретные темы, в том числе узкоспециальные тексты, говорит достаточно быстро и спонтанно, чтобы постоянно общаться с носителями языка без особых затруднений для любой из сторон, умеет делать чёткие, подробные сообщения на различные темы и изложить свой взгляд на основную проблему, показать преимущество и недостатки разных мнений.

Авторы дидактического комплекса «Кл@сно!» для польских гимназистов вместе с сотрудниками кафедры русского языка как иностранного филологического факультета МГУ решили предложить ученикам подготовку к сертификату на уровень А2 после второго или третьего года обучения. Ученики получают международные языковые сертификаты в качестве дополнения к школьным аттестатам и Европейскому «портфелю языков». Это, в свою очередь, позволяет им официально подтверждать свои знания русского языка при поступлении в лицеи и техникумы. Получение языковых сертификатов в школах очень важно и с педагогической точки зрения: участие в сертификационных экзаменах не только повышает уверенность учащихся в себе, но и придаёт им смелости в использовании иностранного языка, служит важным стимулом для его дальнейшего изучения.

Создавая комплекс «Кл@сно!», мы руководствовались положениями, содержащимися в «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком...», ориентируясь на соответствие учебника «Кл@сно!» 1 большинству требований уровня А1, а учебника «Кл@сно!» 2 – уровням А1 и частично А2. Третья часть, учебник «Кл@сно!» 3 должен обеспечить учащимся владение языком на уровне А2. Авторам учебника, согласно названному документу, необходимо творчески подходить к системе описания уровней владения и учитывать, к примеру, следующие факторы:

сферы деятельности и ситуации, в которых наши ученики-гимназисты будут пользоваться русским языком, какие роли им придётся исполнять в процессе коммуникации, с какими людьми они будут общаться, какие темы они будут затрагивать в контактах с говорящими на русском языке, будут ли они вынуждены говорить или только слушать или читать, какие знания страноведческого характера помогут им в процессе общения и др.

В обобщённом виде уровень А1 может быть представлен следующим образом: учащийся должен понимать и употреблять в речи знакомые фразы и выражения, необходимые для выполнения конкретных задач. Он должен уметь представиться и представить других, задавать и отвечать на вопросы о месте жительства, знакомых, имуществе, а также участвовать в несложном разговоре, если собеседник говорит медленно и отчётливо и готов оказать помощь. Что касается, например, аудирования, то ученик понимает отдельные знакомые слова и очень простые фразы в медленно и чётко звучащей речи в ситуациях повседневного общения, когда говорят о нём, его семье и ближайшем окружении. Для каждого изучающего иностранный язык самым важным и желанным умением является говорение. На уровне А1 учащийся должен уметь задавать простые вопросы и отвечать на них в рамках известных ему или интересующих его тем (диалог) и, используя простые фразы и предложения, рассказать о месте, где живёт, и людях, которых он знает (монолог).

Проработав год с комплексом «Кл@сно! 1» (90 часов), учащиеся знают буквы нового алфавита и могут записать все слова, знают формы приветствия и прощания, умеют представиться и рассказать коротко о себе (стр. 8–25), перечислить названия стран и национальностей (30–31), умеют считать (32–33), рассказать о своей семье, т. е. назвать членов семьи, сообщить об их профессиях и любимых занятиях (34–39). Ученики умеют задавать вопросы и отвечать на них, рассказывая о месте жительства, выразить своё отношение к нему, описать свой дом или квартиру (40–45). Важная тема для каждого гимназиста – это его школа, поэтому ученик умеет рассказать о своей школе и её окружении, сказать, в каком классе он учится, перечислить школьные предметы, выразить своё отношение к ним, рассказать о своих школьных успехах (48–53). Ученики умеют также рассказать о своих хобби, а также о любимых занятиях своих друзей и родственников (58–65). Изучение иностранного языка немыслимо без параллельного изучения культуры данной страны, поэтому последний

раздел каждого учебника серии носит страноведческий характер. Рассказ о двух российских столицах – это толчок к попытке рассказать по-русски о Варшаве и Кракове, а знакомство с Транссибом – это приглашение к путешествию по Польше.

Из сказанного очевидно, что первая часть предложенной нами серии удовлетворяет большинству требований уровня А1. Анализируя первые разделы второй части можно убедиться, что, изучив их, ученики умеют писать простые открытки (например, поздравление с праздником), определять количество, цену, время и др. Эти умения выражены с помощью дескрипторов, разработанных и проверенных на практике, и в последствии проградуированных по уровням в ходе исследовательского проекта.

В заключении хочется обратить внимание на ещё одну выгоду учебника для тех, кто работает с нашим комплексом. Заключительная часть каждого урока (разворота) нашего учебника – это *Шпаргалка* в форме дескрипторов: я умею, я могу. Уже несколько лет в Польше (с разным успехом) внедряется необычный документ – Европейский языковой портфель (портфолио). Это инструмент самооценки каждого, кто изучает иностранный язык. Для польской лингводидактики языковой портфель представляет собой новое, нестандартное средство. Благодаря портфелю сам школьник может оценивать себя на основании известных уже дескрипторов. Когда ученик пополняет свой портфель новыми письменными работами и ставит галочку около очередных дескрипторов (а эту задачу облегчает ему наша *Шпаргалка*), он получает важный стимул к дальнейшей работе над языком.

Использованная литература

Komorowska, H.: *Metodyka nauczania języków obcych*. Warszawa 2001.
Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie. Wydawnictwo CODN, Warszawa 2003.

Key words:

coursebook, selection, learning, teaching, assessment, criteria of assessment, language certificate, levels of fluency, A1 and A2 levels, linguistic portfolio

Summary

The present article deals with the problem of selection of appropriate coursebook for foreign language teaching as it is outlined in the European System of Language Teaching Description. The author postulates that certification of students shall begin when they achieve the A2 level of fluency, or even the level of A1. Certificate, as a supplement to school report, is of great importance for students and it gives them confidence and motivates them to further learning. The author proves that didactic coursebook series “Кл@ссно” satisfies all A2 level requirements and helps students to compile their own linguistic portfolio.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ВОСПРИЯТИЯ¹ (НА ДИАЛЕКТНОМ МАТЕРИАЛЕ)

Татьяна Демешкина, Россия, Томск

Понятие моделирования является гносиологической категорией, характеризующей один из возможных путей познания. Лингвистическое моделирование относится к знаковому моделированию и восходит к логике. Востребованность моделирования на современном этапе развития лингвистики объясняется ее обращенностью к вопросу о формах репрезентации мира в человеческой психике. Одной из форм кодирования информации в памяти человека является пропозиция, поэтому пропозициональные модели находятся в центре исследовательской парадигмы современной науки. Когнитивный подход уточняет *«понятие пропозиции за счет более полного вовлечения в сферу анализов принципов восприятия мира: все внешние события, объекты, явления и т. п. воспринимаются в их связях»* (Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 137). Пропозиция обладает изоморфизмом как свойством системы базисных принципов представлять основания членения мира. Как модель пропозиция выполняет описательную, объяснительную, предсказательную, аксиологическую функции.

Диалектная форма коммуникации характеризуется преимущественно пропозициональным способом представления знаний об окружающем мире. Именно этим фактом обусловлен выбор эмпирической базы данного исследования – корпуса высказываний, зафиксированных в говорах Среднего Приобья. Среднеобский диалект является одним из наиболее изученных в российской лингвистике. Диалектологами Томского государственного университета предпринято многоаспектное изучение говоров Среднего Приобья. К настоящему времени опубликовано 24 диа-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (№ НШ 1736.2003.6) и программы Министерства образования РФ «Развитие потенциала высшей школы 2005 г.» (60313).

лектных словаря в сорока томах, 1378 статей, защищено 8 докторских и 79 кандидатских диссертаций. Коллектив томских диалектологов является лауреатом Государственной премии Российской Федерации. (См. *Труды Томской диалектологической школы*).

Пропозиция как модель ситуации имеет специфику вербального выражения в диалекте. Основным способом оформления пропозиции в говорах является предикативная конструкция, которая не подвергается процессу номинализации даже при вхождении в текстовые фрагменты, что отражает, на наш взгляд, целостность крестьянского мирозерцания: *Туды ездили, там венчались. Венчались, поехали домой*. Непредикативное представление пропозиций в диалекте может осуществляться через предлоги, в том числе непроизводные, конкретные имена существительные с некоторыми предикатами: *Жили на рыбе: и вялена-то, и копчёна, жарена*. Семантическая структура диалектного высказывания отражает модели восприятия и способы осмысления окружающего мира носителями диалекта.

Типология высказываний с семантикой восприятия может быть осуществлена по нескольким основаниям: 1) по способу восприятия (зрение, осязание, обоняние, вкус); 2) по степени активности/пассивности субъекта восприятия; 3) по принципу описания ситуации (прямое/переносное); 4) по принадлежности к разным сферам жизни (физическая, психическая, интеллектуальная, социальная); 5) по противопоставленности процесса и результата.

Способом восприятия детерминируются следующие отличия в формальной и семантической организации высказываний.

1. Представленность компонентов в семантической структуре высказывания. Так, при описании зрительного восприятия в структуре высказывания эксплицируется субъект и объект, в высказываниях слухового восприятия замещенной преимущественно оказывается позиция локативного компонента, в ситуации восприятия запаха оказывается значимым квалификатор запаха.

2. Направленность/ненаправленность восприятия. Активность субъекта проявляется в ситуации зрительного и слухового восприятия. Пассивную позицию в большинстве случаев занимает субъект при восприятии запаха: *Топерь он (хлеб) трава травой, а раньше от него дух такой идет*.

3. Монопропозитивность/полипропозитивность структур. Восприятие запаха описывается в монопропозитивных моделях, зрительное и слуховое в поли- и монопропозитивных структурах.

4. Стилистическая дифференциация и жанровая характеристика высказываний. Высказывания слухового и зрительного восприятия функционируют в информационном и изобразительно-выразительном регистрах речи, высказывания со значением восприятия запаха употребляются обычно в информационном регистре. Отличаются высказывания и жанровой характеристикой. Высказывания визуального восприятия формируют жанр воспоминания, высказывания слухового восприятия широко употребительны в жанрах молвы, сплетни.

5. Способы интерпретации пропозиций. Моделирование одной ситуации по образу и подобию другой осуществляется при метафорическом способе описания. Возможны модели внутри- и межпропозитивного переноса. Посредством модели восприятия могут описываться достаточно разнородные фрагменты действительности.

Переносы могут осуществляться на уровне маркирования сфер внутренней и внешней жизни человека (внутрипропозитивные межсферные переносы). Так, пропозиция состояния может быть описана через пропозицию зрительного восприятия: *Робили, когда молоды были, никакого покою не видали*. Здесь реализуется представление говорящего о нормальном течении жизни, включающем не только работу, но и отдых. Нереализованность идеала передается моделями восприятия, поскольку речь идет о прошлом, подлежащем уже отстраненному восприятию. Все глаголы употребляются только с отрицанием.

При метафорическом осмыслении зрительного восприятия в зону описания попадают прежде всего глаза. В диалекте широко отражены представления о глазах как о сосуде, пустом или полном: *плюнуть в глаза, налить глаза, глаза не вытекли*. Восприятие может быть представлено через пропозиции действия, отражающие манипуляции с глазами как с конкретным, неодушевленным предметом: *отбросить глаза, жать глаза*. Кроме того, глаза связаны с образами солнца и огня: *Твои да твои глазоньки. Ровно солнышко горят*.

Динамика зрительного восприятия передается через пропозиции действия и движения. Отсутствие в лексической системе глаголов со значением активного восприятия запаха способствует развитию переносных

способов представления описываемой ситуации: *Чечас уж слышно запах, послезавтра хоронить. Спаси бог, вонишиша.*

6. Реальность/ирреальность восприятия. Ирреальность восприятия характерна в области зрительного и слухового восприятия, отсутствует при передаче восприятия запаха: *Ей брещилось, она тосковала.*

7. Сочетаемость с другими типами пропозиций. Пропозиции визуального и аудиального типа активно взаимодействуют с пропозициями действия и движения; пропозиция восприятия запаха сочетается с пропозицией характеристики: *Кода его (трактор) сюды привезли, дак нам было диво, что трактор. Бежали без ума, смотрели, что за трактор; Душица синеньким цветом цветёт, пахнет мятой.*

8. Возможности трансформации в модусную часть высказывания. Глаголы зрительного и слухового восприятия широко используются в фатической функции, тогда как глаголы со значением запаха не способны к такому употреблению: *Вот, видишь, она (тюфайка) худенька, вот, видишь.*

9. Пропозиция восприятия и мотивированность. Из актантов пропозиции мотивированными единицами чаще всего именуется субъект восприятия (*глухоня, глухарь, глушня, глухотина «глухой человек», слепотья «о слепой женщине», видак «человек, выдавший что-л.», слушалник «участник святочного обряда, который слушали под окнами; ряженный»*).

Как показывают примеры, в языке фиксируется отклонение от нормы (отражена утрата способности к восприятию) либо именуется специализированная роль субъекта восприятия. Из остальных компонентов в поле мотивированности попадает орган зрительного восприятия: *гляделки, шарёнки*. Объект восприятия обычно выражен немотивированными единицами, что еще раз подтверждает антропоцентричность языкового представления мира. Отношения мотивированности могут возникать внутри пропозиции между ее компонентами: *Видели, люди, видаки, её*. Достаточно широко представлены отношения мотивации на межпропозиционном уровне.

Таким образом, семантическая модель восприятия, являясь универсальной для всех форм национального языка, обнаруживает свойство поливариативности, подвижности при реализации в конкретной речевой сфере. Актуализация аспектов семантики диалектного высказывания детерминирована свойствами диалекта как формы коммуникации. Типы диалектного высказывания отражают наиболее значимые составляющие

языковой картины мира носителей диалекта (мифологизм, макрокосмичность, антропо- и эгоцентризм, архаичность пространственных моделей, непосредственность, целостность в восприятии мира, образность).

Использованная литература

- Вершининский словарь*. Т.1. / Гл. ред. О. И. Блинова. Томск: изд-во Том. ун-та, 1998. – 308 с.
- Демешкина Т. А. *Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики*. Томск: изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина П. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М., 1996.
- Труды Томской диалектологической школы: Библиографический указатель* / Под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 142 с.
- Томская диалектологическая школа в лицах: Биограф. словарь/д ред. О. И. Блиновой*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 150 с.

Key words:

dialect, utterance, communication, modelling, reception, proposition, semantics, metaphor

Summary

The utterance is formed on the level of proposition. The main way to express proposition in a dialect is a predicative construction. The utterances with the semantics of perception are classified by different parameters. The way of perception determines the differences in formal and semantic organization of the utterance. A situation is modelled by analogy with another one in case of metaphorical description. The perception model is used to describe various fragments of reality.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ СО СТУДЕНТАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Тадеуш Домбровский, Республика Польша, г. Лодзь

Обучение русскому языку как средству делового общения ведется нами в Лодзинском университете таким образом, чтобы выпускник, желая эффективно решать профессиональные задачи, умел правильно оформлять коммерческие, транспортные и банковские документы. Конкретную фактическую информацию мы черпаем исключительно из российских нормативных документов, современных российских учебников, а также из материалов Рунета.

На экономико-социологическом факультете и факультете управления в рамках занятий по русскому языку специальности мы учим студентов анализировать с языковой и формальной точек зрения и составлять служебные документы, заполнять аутентичные бланки русскоязычных документов, а также вести коммерческую переписку.

Правила ведения современной деловой переписки с указанием реквизитов делового письма мы предпочитаем определять в соответствии с требованиями раздела 2 ГОСТ Р6.30-97 с изменениями 2000 г.

Язык делового письма должен быть предельно ясным, сжатым и точным, не допускающим инотолкования или двойного толкования, и главное – соответствовать традициям официально-делового стиля литературного языка. При построении словосочетаний следует учитывать, что большинство слов в письменной деловой речи употребляется только с одним словом или с ограниченной группой слов. Порядок слов при составлении официальных писем зависит от их информационной роли. Несмотря на то, что в русском языке порядок слов относительно свободный, все же существуют определенные правила расположения слов. В зависимости от того, где располагается то или иное словосочетание, меняется смысл предложения.

«На основании письма заказчика незавершенный объем 3-го этапа строительства на объекте 'Сотовая связь г. Энска' переносится на 2-й квартал 2005 года».

Цель высказывания – указание срока, на который переносится выполнение объема строительных работ.

«На второй квартал 2005 года незавершенный объем 3-го этапа строительства на объекте 'Сотовая связь г. Энска' переносится на основании письма заказчика от 23. 02. 2005 исх. № 187».

Цель данного высказывания – обоснование причины переноса срока выполнения строительных работ.

Для наглядности возможного двоякого понимания фразы мы приведем следующее предложение:

«Качеством Вашей продукции вообще мы довольны».

Данную фразу адресат может понимать по-разному, т. е. либо авторы письма **полностью** удовлетворены качеством продукции фирмы, или же только **частично**. Во избежание двусмысленности при составлении письма следует избегать в тексте таких слов как «вообще», «возможно», «весьма», «довольно», «достаточно» и т. п.

Следующий пример иллюстрирует отсутствие предметной точности из-за использования слов несоответственно их лексическому значению и в силу этого также и коммуникативной точности.

«Прошу оплатить за консалтинговые услуги, оказанные во II квартале 2004 г., по расчету стоимости согласно договору».

Данная фраза содержит грамматические (нарушение сочетаемости – оплатить/оплачивать *что?*), лексические (употребленное слово «стоимость» имеет терминологический характер, более уместным было бы, например, слово «расценки») и текстовые ошибки (порядок слов и использованные стилистические средства), которые в значительной мере затрудняют восприятие.

«Прошу оплатить консалтинговые услуги, оказанные Вам во II квартале 2004 г., согласно утвержденным в договоре расценкам».

Мы обращаем внимание студентов на то, что от впечатления, которое произведет на делового партнера данное письмо, зачастую зависят не только стратегия решения многих коммерческих вопросов, но и дальнейшие контакты между фирмами. Рассматривая русские деловые письма, мы представляем студентам фрагменты аутентичной переписки либо изготовленные нами учебные материалы, содержащие изложение одного

и того же факта в двух редакциях. Учащиеся с нашей помощью комментируют оба варианта, анализируют их с лексической, семантической и стилистической точки зрения, а затем выбирают лучшую версию, мотивируя свое решение.

«Просьба ускорить поставку аксессуаров к компьютерам по контракту № 1476-67-6-05».

Данная фраза, в силу своей «сухости», «официальности», скорее воспринимается как требование.

«Убедительно просим ускорить поставку аксессуаров к компьютерам по контракту № 1476-67-6-05».

Представленное выше предложение содержит очень частотное словосочетание – *«убедительно просим»*, которое, несмотря на свое первичное значение – *«настоятельно»*, *«настоячиво»*, зачастую считается более вежливым и мягким, а, значит, и сама просьба является более горячей.

Еще пример: *«Вы не сдержали своих обещаний по части поставки новейших моделей компрессоров».*

Тон фразы слишком резкий, категоричный, письмо вызывает чувство вины, стыда, осуждения, а вот другая редакция:

«К сожалению, обещанные Вами новейшие модели компрессоров мы до сих пор еще не получили».

В данном примере тон более мягкий, благодаря использованным средствам сам текст звучит более убедительно.

Необходимо также, по нашему мнению, обратить внимание учащихся на значение и употребление в текстах писем модальных слов, в частности, из категории долженствования. Ибо использование таких слов, как *следует*, *стоит*, *(не)рекомендуется*, *обязан*, *вынужден*, *придется*, *понадобится*, *необходимо* и пр. вызывают в польской аудитории большие трудности.

«Ваш представитель должен прибыть на испытательный пуск реактора».

Данная фраза воспринимается как приказ и вызывает у получателя подобного письма неприятные ощущения, мысли о какой-то зависимости от отправителя, подчиненности ему.

«Присутствие Вашего представителя при испытательном пуске реактора крайне необходимо».

За счет смягчения тона предложения можно добиться большей убедительности в объективной необходимости присутствия представителя фирмы при данной важной технологической операции.

Немаловажным мы считаем также уделить внимание категории залога как средству выражения на письме этической оценки определенных действий партнера.

«Вы не выполнили Ваше(-го) обещание(-ия) по части поставки в условленные сроки оборудования для сборочного цеха нашего предприятия».

В результате применения действительного залога вся фраза воспринимается как обвинение конкретного лица в невыполнении своих обязанностей.

«Ваше обещание по части своевременной поставки оборудования для сборочного цеха нашего предприятия не выполняется».

Использованный здесь страдательный залог фиксирует внимание лишь на факте невыполнения, причем конкретный виновник не называется.

К страдательному залогу следует прибегать в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть сам факт свершения определенного действия, при этом не указывая на лицо, которое это произвело. Данные конструкции очень часто используются как в коммерческой корреспонденции, так и в рекламных материалах фирм, например, *«товар сертифицирован», «своевременность поставок гарантируется»* и т. д.

Деловые и коммерческие письма, безусловно составленные и корректные во всех отношениях, способствуют налаживанию прочных, взаимовыгодных контактов между иностранными партнерами, ибо они являются визитными карточками фирм и их работников, культуры ведения бизнеса и отношения друг к другу.

Использованная литература

- ГОСТ Р 6.30-97 *«Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» в редакции изменений № 1 постановления Госстандарта России от 21 января 2000 г. № 9-ст (введены в действие с 1 апреля 2000 г.)*. «Изд-во стандартов», М. 2001.
- Демин, Ю. М.: *Деловая переписка*. «Бератор-Пресс», М. 2003.
- Колтунова, М. В.: *Деловое письмо: Что нужно знать составителю*. – 2-е изд. «Дело», М. 1999.
- Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум*. «Флинта», «Наука», М. 1997.
- Świrępo, L.: *Rosyjska korespondencja handlowa*. «Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne», Warszawa. 1997.

Key words:

business, commercial, documents, letters, correspondence

Summary

The lexical-semantic analysis of Russian business letters on the classes of Russian for specific purposes for the students of economic faculty

Theoretical and practical methods of teaching Polish students how to write business letters have not been sufficiently studied or described, and they are the topic of this presentation. The presented methods have been tested in a long-term teaching process, and they help Polish students of economy to master the specific art of formal and business writing.

The most important issue is to familiarize students with the different sections of the Russian business correspondence, as well as to teach them how to write business letters correctly, according to the accepted language and graphic standards.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

(Работа поддержана РГНФ грант № 03-04-00240 а/Т)

Лилия Дускаева, Россия, Пермь

В докладе предполагается рассмотреть вопрос о соотношении понятий «политическая коммуникация» и «публицистический стиль». Выделение публицистического стиля в ряду других обусловило существование политики как формы общественного сознания и соответствующей ей сферой деятельности и общения. Идея выделения особой разновидности общения – политической, наряду с художественной, научной, религиозной, содержится уже в трудах М. М. Бахтина. Эта идея получила теоретическое обоснование в работах М. Н. Кожиной, где **самым общим критерием** для выделения функциональных стилей и было предложено рассматривать формы общественного сознания и соответствующие им виды социальной духовной деятельности. Политико-идеологическая деятельность в функциональной стилистике стала рассматриваться в качестве экстралингвистической основы публицистического стиля (Кожина 1968), а термины «публицистический» и «политический» употребляться как синонимы. Авторы работ 70–80 гг., посвященных исследованию публицистического стиля, с ним связывают либо речь газеты (например, В. Г. Костомаров), либо речь масс-медиа в целом (например, Г. Я. Солганик).

В последние годы XX столетия происходили бурные изменения в политической коммуникации, отражавшие коренные социальные преобразования в постсоветской России. В это время значительно расширилась сфера распространения публицистического стиля и стали значительно разнообразнее его формы. Понятно, что публицистический стиль сегодня представляет собой своего рода инвариант широкого ряда функционально-стилистических разновидностей в политической сфере общения в целом. Стиль представляют как письменные, так и устные тексты: публичные выступления государственных деятелей, профессиональных политиков, подготовленные ими материалы в СМИ (в т. ч. в ИНТЕР-

НЕТ); митинговые выступления, ПР, журналистские, рекламные тексты. Перечисленные виды текстов относятся к публицистическим на том основании, что в них в той или иной мере выражены стилевые черты этого стиля, поэтому считаем, что нет оснований говорить и об отсутствии у политических текстов функционально-стилистического единства.

В исследованиях, где ставится вопрос о функционально-стилистическом статусе политической коммуникации, последняя рассматривается то чрезмерно расширительно, то, напротив, узко. Так, некоторые авторы к числу политических относят официально-деловые тексты, например, служебно-административные, тексты же политической тематики, создаваемые в других сферах общения, предлагают относить к периферии политической коммуникации (см.: Чудинов 2003: 40). Как известно, одним из основных стилеобразующих факторов публицистики являются цели и задачи общения. Иногда в трудах по политической коммуникации утверждается, что цель политического общения, как и всей политики, – борьба за власть. Однако в словарях встречается и другое толкование понятия «политика», которое для функциональной стилистики оказывается предпочтительным: политика – система действий и речевых воздействий на массовую аудиторию с целью добиться приоритета в определенной сфере деятельности. Исходя из этого, вряд ли возможно к числу политических отнести государственные документы, в том числе некоторые виды парламентских текстов, фиксирующие результат принятия властных решений (т. е. результат правового акта); считаем деловыми, а не политическими дипломатические тексты, нацеленные на регуляцию отношений между государствами. Такие тексты ориентированы на взаимодействие внутри государственных (либо общественных) структур или между государствами, нацелены на санкционирование отношений между этими структурами, они указывают на то, что нужно делать и как исполнять обязательное в тех или иных обстоятельствах. Деловым текстам присуща императивная модальность, не предполагающая аргументации санкционируемых мер. Это отличие публицистики от деловой речи обусловлено онтологическими различиями политики и права: политика – это своеобразный «поисковый механизм социального развития, разрабатывающий его проекты» (выделено нами – Л. Д.; Соловьев 2001: 75), а право – «механизм придания таким проектам общезначимого характера» (выделено нами – Л. Д.; там же).

Хотя все указанные деловые тексты испытывают влияние публицистического стиля, однако, фиксируя действия в сфере права, строятся по законам, присущим официально-деловой речи: они в значительной мере регламентированны, стандартизированны, а главное – имеют свойственную деловой речи императивность. Конечно, и политической коммуникации присущ побудительный характер, причем, если движение коммуникативного потока по вертикали сверху вниз, когда разъясняются решения власти народу (такое общение характерно для тоталитарных режимов), речь назидательна и официальна из-за демонстрируемой в стиле отстраненности автора от адресата. Однако в целом современной русской публицистической речи присуща рекомендательная побудительность, сопровождаемая аргументацией. В коммуникации снизу вверх (это характерно для современной оппозиционной прессы, митинговых выступлений) речь часто конфликтна, агрессивна.

В еще большей степени расширяется рассматриваемое понятие, если к политическим относят не только публицистические, деловые (законы, указы), но и разговорные (политические слухи и анекдоты), художественные (политический роман). Поскольку в научной, художественной, правовой сферах политические процессы отражаются с иными целями и задачами, значит и строятся они по **иным стилистическим канонам**, нежели в политической сфере. Хотя содержательно эти тексты близки политическим, но функционально они различны: художественное описание, бытовые разговоры осуществляются не для идеологического воздействия и уж, конечно, не с целью борьбы за власть. Следовательно, принципы отбора и сочетания языковых единиц в этих типах текста разные. В этом смысле показательно исследование О. И. Воробьевой, которая изучала функции политической лексики и обнаружила, что политемы и идеологемы в разных сферах общения используются с разными функциями. В деловом стиле эта лексика используется в номинативной функции, в художественных произведениях выполняет особые эстетические функции, тогда как в публицистической сфере политическая лексика способствует формированию важнейшей стилевой черты публицистики – социальной оценочности (2000: 102).

Понятие публицистического стиля, наоборот, сужается, когда высказывается мнение об исключительной стилистической разнородности текстов масс-медиа в силу чрезвычайной типологической разнородности СМИ или когда за пределы публицистического стиля выводят рекламные

тексты (Е. В. Кара-Мурза, 1996). В связи с этим представляется необходимым осмыслить структуру публицистического стиля и особенности его взаимодействия с другими стилями. В речевом континууме имеются не только типичные реализации рассматриваемого функционального стиля, поэтому «функционально-стилевое» расслоение языка удобно представить в виде полевого структурирования, с ядром и периферией. Ядро составляют тексты, наиболее 'чисто' и полно эксплицирующие специфику данного функционального стиля, а в области периферии находятся тексты, менее 'чисто' и полно представляющие его специфику, в том числе 'заимствованиями' от других стилей, так как именно на периферии, в пограничной 'зоне' наблюдается пересечение функциональных стилей и наиболее возможное их взаимодействие» (Кожина, 1993, 72). Например, речь качественных СМИ представляет ядро публицистического (т. е. политического) стиля.

Особенно важно отметить в этой связи идеологически воздействующую природу у тех СМИ, которые принято называть желтыми, поскольку «демонстративный уход того или иного издания от мировоззренческих или гражданских вопросов в чистую коммерцию или развлечение ведет, по сути, к утверждению определенного идеала – скажем, политически индифферентного поведения или безудержного потребления житейских удовольствий» (Корконосенко, 2001: 173). Вот почему трудно согласиться с утверждением о том, что речь желтых СМИ не публицистическая, а разговорная. Анализ стиля таких пермских газет, как «Жизнь», «МК в Перми», показывает, что в них действительно активно используются разговорные средства всех языковых уровней, частотны стилистически сниженные элементы, употребляется бранная лексика, даже мат, и в этом смысле речь СМИ представляет, безусловно, периферию публицистики. Однако воздействующий характер этих газет налицо, а потому в них выражены основные стилиевые черты публицистики: сопряжение экспрессии и стандарта, оценочность, побудительность. Другое дело, что их экспликация существенным образом деформируется: экспрессия в целом эпатажна, побудительность и адресованность часто фамильярны, оценочность предстает как гипероценочность.

С точки зрения ядра и периферии можно представить и рекламные тексты. К ядру публицистического стиля следует отнести, например, тексты политической и большую часть текстов коммерческой рекламы. Основные функции (информирование, оценка, воздействие и убеждение),

и цель (побуждение массового адресата к определенному действию), и социальное значение (в том числе в области экономики) аналогичны публицистическим и обладают оценочностью, побудительностью, несмотря на всю их специфичность. Такой подход в решении данного вопроса преобладает, например, и в польской стилистике (Wojtak, 2004). Как показывает исследование В. Г. Костомарова, в рекламных текстах действует свойственный всей публицистике принцип чередования экспрессии и стандарта (2005). Именно на публицистичность рекламы указывает сама Е. С. Кара-Мурза, когда отмечает, что главное в рекламе – не проинформировать о том, что есть такая-то вещь, а **призвать** её приобрести. Получается, что действительная смысловая доминанта рекламных текстов, как и всех политических, **побудительная**. Периферию же рекламного подстиля, на пересечении с научным стилем, составляют, например, тексты технической рекламы, рекламы лекарственных препаратов. На периферии стиля, пересекаясь с разговорным стилем, находятся тексты, рекламирующие товары для подростков и т. д.

Таким образом, тексты, формирующиеся в политической коммуникации, обладают общими стилевыми чертами, которые в разных условиях реализуются по-разному, с разной степенью эксплицированности. В политико-идеологической сфере общения выработаны жанровые формы, в которых осуществляется политическая социокультурная деятельность. Исходя из деятельностной трактовки функционального стиля, систему публицистических жанров можно представить как речевое воплощение политико-идеологической деятельности. Отечественными психологами политическая деятельность рассматривается как сбор, обработка и оценка информации, выработка управленческого, политического решения и его реализация (Психология 1999: 547), т. е. речь идет о трех выполняемых в политике задачах: а) сбор информации, б) ее обработка для формирования мнения о сложившейся в данный момент политической ситуации в стране; в) обеспечение управленческого, политического решения и его применение. Следовательно, борьба за влияние осуществляется через информирование, оценку и побуждение. В зависимости от того, какая установка преобладает, тексты делятся на три группы: а) информационные, б) оценочные, в) побудительные. В докладе предполагается кратко представить дальнейшую дифференциацию названных групп.

Использованная литература

- Воробьева, О. И. *Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи*. Архангельск 2000
- Кара-Мурза, Е. С. *Культура речи в рекламной деятельности // Журналистика и культура речи. Вып. 1*. Москва 1996
- Кожина, М. Н. *К основаниям функциональной стилистики*. Пермь 1968
- Кожина, М. Н. *Стилистика русского языка*. Москва 1993
- Корконосенко, С. Г. *Основы журналистики*. Москва 2001
- Костомаров, В. Г. *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики*. Москва 2005
- Психология*. Москва 1999
- Чудинов, А. П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург 2003
- Соловьев, А. И. *Политология: Политическая теория, политические технологии*. Москва 2001
- Vojtak, M. *Gatunki prasowe*. Lublin 2004

Key words:

political communication, publicistic functional style, stylistic features, the speech genre, the principles of this typology, the communicative aim of the genre

Summary

Political communication:
functional and stylistic status and genre's differentiation

In the article there is considered the publicistic style is an invariant of functional and stylistic variety observed in the intercourse political sphere, the letter being characterized by the unity of stylistic features. The paper deals with the genre typology of the publicistic functional style. Speech genres have been characterized the system of the reader's genre needs which are normally taken into consideration by a reporter when creating the text of this or that particular genre. As a result of the study into the problem it has been stated that various informational needs of the audience determine the compositional and thematic genres' peculiarities, as well as the communicative requirements and set the stylistic parametres of the patterns.

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МАТЕРИАЛА В ОБУЧЕНИИ БИЗНЕС-ЯЗЫКУ

Гжегож А. Зенталя, Польша, Жешув

Учет существования и взаимодействия национальных культур в процессе обучения иностранному языку является определяющей характеристикой современного этапа развития научного направления «русский как иностранный» (Васильева, Г. М.: с. 5) и такой же должен стать по отношению к языку для специальных целей (ЯСЦ).

Обладая **социокультурными знаниями**, т. е. элементарной информацией из области истории, культуры и искусства данной языковой территории можем легко понимать языковые поведение и высказывания нашего собеседника (Коморовска, Х.: с. 10). Социокультурные знания особо важны для обучающихся языку для специальных целей (ЯСЦ – Language for Special Purposes), в том числе – русскому, который мы будем называть **Русский для специальных целей РСЦ** (или RSP – Russian for Special Purposes).

Согласно Совету Европы **социокультурные знания**, это составная часть второй, параллельной к языковой коммуникативной компетенции, **общей компетенции**, а точнее ее подтипа – декларативных знаний. В состав общей компетенции, кроме декларативных знаний, входят: процедуральные знания или практические умения, личностные обусловленности и умение самостоятельно учиться.

Согласно Совету Европы (Coste, D. и др.: с. 23–24), а также своим взглядам на межкультурную коммуникацию можем предложить следующие элементы социокультурного материала, которому необходимо обучать на занятиях по русскому бизнес-языку:

- повседневная жизнь россиян, напр.: типичные русские блюда и напитки; время еды в России; поведение за столом – дома и в ресторане; государственные праздники; свободное и рабочее время людей (особенно бизнесменов);
- условия жизни (российских предпринимателей): стандарты жизни; жилищные условия; здравоохранение и социальное обеспечение населения в России;

- межличностные отношения: сословная структура; отношение между полами (особенно в фирме); семейные отношения (работа и семья); отношения между поколениями (поколения владельцев фирм); отношения на работе (напр., директор – сотрудник); отношения между обществом/деловыми кругами и полицией, администрацией; расовые, этнические и групповые, политические и религиозные отношения в России;
- система ценностей, взглядов и подходов: социальный класс; профессиональные группы; понятие достатка в России; система социального страхования; государственные, экономические, юридические и т. п. учреждения (с которыми имеет отношения любой бизнесмен); традиция и социальные перемены; элементы истории России (в том числе – история предпринимательства и экономики); другие государства и иностранцы и отношение к ним; политика России и других стран (и ее влияние на экономику и ведение бизнеса); элементы русского искусства, религии, юмор;
- язык тела в бизнес-коммуникации (который иногда может привести к непониманию коммуниканта или к «культурному шоку»);
- социальные манеры: пунктуальность (отношение к пунктуальности на работе/в разных странах); подарки (коллегам, партнерам, директорам и т. п., вручение подарков в России и за рубежом, типичные фирменные подарки); одежда бизнесмена и сотрудника фирмы; табу на работе и дома; речевой этикет: приветствие, прощание, способы представления, начало беседы, приглашение, комплименты, извинение (в русском этикете); визиты в фирмы и на дом (визит у директора/сотрудника);
- ритуальные поведения: религиозные церемонии; церемонии, связанные с рождением, браком, смертью; вечеринки; публичные, фирменные торжества; фестивали; дискотеки и участие в них людей из бизнес-кругов;
- знания, касающиеся страны обучаемого языка/страны экономического партнера – политическая и экономическая география (административное деление страны, экономические районы, промышленные центры, природные богатства, география промышленности, типичная продукция); система власти (роль президента, министерств в ведении бизнеса); популярные типы предпринимательской деятельности; отношение общества к бизнесу.

Важную группу особо трудного социокультурного материала составляют аббревиатуры (столь популярные в России), особенно обозначающие российские и международные организации, институты ЕС (наименования которые не совпадают в разных языках). К примеру можем привести такие аббревиатуры как: EFTA (European Free Trade Association) – ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли) – EFTA (Europejskie Stowarzyszenie Wolnego Handlu; в польском языке используется только англ. аббревиатура); VAT (Value-Added Tax) – НДС (налог на добавленную стоимость) – podatek VAT (podatek od wartości dodanej, в польском языке используется только англ. аббревиатура); OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development) – ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) – OECD (Organizacja Współpracy Gospodarczej i Rozwoju, используется только англ. аббревиатура).

Русские аббревиатуры, как элемент социокультурного материала, встречаются в наименованиях фирм (АО, ООО), банков (ЦБР, МКБ), бирж (ТФБ, МБЦМ), фондов (ФСС, ЧИФ), оплаты труда (МРОТ), денежных единиц (БР), страховых организаций (СО).

Важным элементом социокультурного материала являются пословицы как *живой элемент культурного сознания* (Nuczaj, S.: 1994, с. 5). Например, в обучении языку бизнеса можно вводить такие пословицы, как: «Копеечка к копейке – рубль набегаёт»; «В долг давать – дружбу терять»; «Беды мучат, уму учат» и т. п. (см.: Зенталя, Г., 2005–3).

Во время интенсивных международных контактов целесообразно ознакомление и со стереотипами представителей разных народов (см.: Zietala, G.: 2005–1), так как *стереотипные воображения как на тему собственной страны, так и ее европейского окружения являются существенным барьером, затрудняющим построение разумных отношений между поляками и их соседями* /пер. З. Г./ (Skotnicka-Illasiewicz, E.: 1995, с. 107).

Ознакомляя с социокультурным материалом, следует употреблять и письменные тексты (см. учебник: Zietala, G.: 2005–2), в которых особое внимание отводится: способам обращения (вводная формула вежливости), способам записи даты (напр., в английской, американской, русской культурах), способам адресования писем, формированию заголовка к тексту, типичным заключительным формулам вежливости, а также самим бланкам писем.

На первый взгляд может казаться, что некоторые из данных тем не связаны с бизнес-коммуникацией. Тем не менее, любой бизнесмен прини-

мает гостей из-за рубежа, ходит в рестораны, где угощает блюдами своей (национальной) или русской кухни, беседует на тему искусства (иногда покупает картины, скульптуры и другие изделия), вручает их партнерам, ходит на вечеринки, принимает участие в разного рода мероприятиях и т. п. Вступая в контакт с представителем другой культурной среды, необходимо знать принципы, регулирующие это поведение, поэтому и предлагаем такой список тематики обучения.

Конечно, количество часов, посвященных данной группе, может быть разным, в зависимости от специфики языка, которому обучаем, от потребностей учащихся, цели обучения и предполагаемого использования спецязыка в будущем и самого контингента обучаемых. Но само овладение этими знаниями, в меньшей или большей степени, бесспорно.

В процессе обучения бизнес-языку представляем некоторые практические способы реализации социокультурного материала:

1. приглашение на занятия по иностранным спецязыкам специалистов из-за границы, из данной языковой среды;
2. ведение на филологических отделениях курсов лекций по экономике, праву, географии, культуре и другим специальным дисциплинам (эти лекции можно проводить на родном языке, хотя, лучше было бы на данном иностранном языке);
3. прохождение студентами практики в фирмах, бюро переводов на родине и, что особо целенаправленно, за рубежом;
4. обязательные поездки студентов и преподавателей в данную языковую и культурную среду для повышения квалификаций и ознакомления с языковыми и социокультурными «новинками»;
5. постоянное использование (на занятиях и дома) ресурсов Интернет с целью ознакомления с реалиями данной языковой и культурной среды;
6. постоянная модификация и обновление программ обучения и дидактических материалов;
7. постоянное обращение к родному языку и другим иностранным языкам при составлении письменных текстов для выявления отличий и сходств.

Социокультурные знания, осознание и понимание отношений между миром обучаемого и миром обучаемой языковой территории создают т. н. интеркультурное чутье, без владения которым результат коммуникации

может быть отрицательным. Языковое оформление социокультурных знаний в виде соответствующих выражений, клише создают социолингвистическую компетенцию, которой должен владеть не только специалист по общему языку, но и бизнес-языку. Социолингвистическая компетенция в бизнесе должна формироваться на основе в/у материала как в устной, так и в письменной коммуникации посредством разного рода коммуникативных упражнений, инсценировок диалогов, проведения совещаний, чтения специальных текстов, высказываний на определенные темы с учетом межкультурной коммуникации.

Незнание или неправильное толкование социокультурного материала приводит к искажению и торможению коммуникации. Это особо важно в профессиональной сфере, т. е. посредством языка для специальных целей. Преподавателям необходимо обращать внимание на роль социокультурного материала в языковой коммуникации на иностранном (русском) языке для достижения цели, напр., заключения контракта, налаживания профессиональных и личных контактов с представителями других культур и слоев общества. Преподаватель должен сам уметь учиться, обладать достаточной гибкостью и трудолюбием в подготовке занятий, лекций, курсов по ЯСЦ, обладать опытом в общении с представителями других культур, умело подбирать материал обучения, отличаться гибкостью и мобильностью.

Усиление социологической направленности в обучении иностранным языкам имеет некоторые негативные последствия, в частности, студенты испытывают значительные трудности, связанные с недостаточностью знаний социокультурного характера о стране изучаемого языка (Харченкова, Л. И.: с. 21). Поэтому, как верно замечает Л. Харченкова (с. 45): задача преподавателя РКИ заключается в умелом соотношении контактирующих национальных культур, в проведении, где это возможно, научно обоснованных аналогий и параллелей, в обучении иностранных учащихся творческому владению знаниями в области русской культуры.

Использованная литература

- Coste, D.; North, B.; Sheils, J.; Trim, J.: *Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie*. Warszawa 2003.
- Nyczaj, S. (red.): *Mala księga przysłów polskich*. Radom 1994.

- Коморовская, Н.: *Metodyka nauczania języków obcych*. Warszawa 2002
- Skotnicka-Illasiewicz, E.: *Bariery adaptacyjne w drodze ku europejskiej integracji Polaków*. В: Карциак, А.; КОРПОРОВИЧ, Л.; ТЫШКА, А.: *Коммуникация межкультурная. Зблиzenia i impresje*. Warszawa 1995.
- Zietala, G./Зенталя, Г.: *Социокультуролингвистическая компетенция как необходимый элемент подготовки специалистов по русскому языку для специальных целей (РСЦ)*. В: *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Warszawa 2004.
- Zietala, G.: *Stereotypy i charakterystyki narodowe w nauczaniu języka biznesu w wielokulturowej Europie*. В: «Neofilolog», nr 26, Poznan 2005-1.
- Zietala, G.: *Interkulturowa komunikacja pisemna w polsko-rosyjskiej firmie. Межкультурная письменная коммуникация в польско-росийской фирме*. Rzeszow 2005-2.
- Zietala, G./Зенталя, Г.: *Польские и русские пословицы и поговорки в межкультурном обучении бизнес-русскому*. В: Лысакова, И. (ред.): *Русистика и современность. Том I. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*. С.-Петербург 2005-3.
- Васильева, Г. М.: *Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания*. С.-Петербург 2001.
- Васильева, Г. М.: *Национально обусловленная оценка в учебной лексикографии*. В: Лысакова, И. П. (ред.): *Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. V*, С.-Петербург 2003.
- Вьюнов, Ю. А.: *О проблеме факторов, определивших своеобразие социо-культурного развития русской нации*. В: И. Л. Тетерев (ред): *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Варшава 2003.
- Канкаансюрья, Р.; Турунен, Н.; Харченкова, Л.: *Изучение коммуникативного поведения как средство повышения компетенции межкультурного общения*. В: Ванхала-Анишевски, М.; де Сильва, В.; Турунен, Н.; Канкаансюрья, Р. (ред.): *Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации*. С.-Петербург.
- Крюкова, Г. А.: *Социолингвистический аспект концептуальной лексики конца XX столетия*. В: Лысакова, И. П. (ред.): *Русский язык как иностранный... Вып. VI*. С.-Петербург 2003.
- Матвеева, Т. Н.: *Общее и национально-специфическое значение устойчивых сравнений в контексте диалога культур*. В: И. П. Лысакова (ред.): *Русский язык как иностранный... Вып. VI*. С.-Петербург 2003.
- Турунен, Н.: *О новом подходе к анализу учебного пособия в условиях межкультурной коммуникации* [в:] Ванхала-Анишевски, М.; де Сильва, В.; Турунен, Н.; Канкаансюрья, Р. (ред.), *Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации*, С.-Петербург 1996.
- Филимонова, Т. А.: *К вопросу о формировании социокультурной компетенции иностранных студентов*. В: Лысакова, И. П. (ред.): *Русский язык как иностранный... Вып. VI*. С.-Петербург 2003.
- Харченкова, Л. И.: *Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному*. С.-Петербург 1994.

Key words:

Socio-cultural, material, business language, cross-cultural, LSP, competences, Russian for Special Purposes, Russian as a Foreign Language

Summary

The elements of socio-cultural material
in the process of Business-Russian teaching

In this article we presented those elements of socio-cultural material which should be taken into consideration in the process of teaching Business Russian. Specifically, we focused on living conditions of the Russians, interpersonal relations, system of values, ritual behavior as well as body language. Business Russian teachers should draw their students' attention to the knowledge of this material and its influence on business relations.

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОКРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКУМУ РУССКОЙ РЕЧИ И МЕТОДИКЕ - ИЗБРАННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА, ИЗБРАННЫЕ ПРИМЕРЫ

Мария Коссаковска-Марас, Польша, Жешув

Выпускники филологических факультетов, кроме знаний, умений и навыков в области лингвистической компетентности, должны обладать определенным уровнем социокультурной компетентности, а также социально-психологической компетентности, т. е. прежде всего способностью устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми.

Наш опыт преподавания указывает на то, что даже если студент обладает хорошим знанием иностранного языка, то у него возникают трудности¹, когда он начинает работать в коллективе. Из этого вытекает, что именно осознание собственных себе недостатков и устранение их являются важными задачами во время обучения в вузе.

Будущий выпускник, независимо от того какую профессию в будущем он будет выполнять, должен развивать в себе:

- невербальную коммуникацию;
- вербальную коммуникацию;
- умения, связанные с борьбой со стрессом;
- умения, связанные с поведением в коллективе;
- умения, связанные с влиянием/воздействием на других людей;
- умения, связанные с искусством говорить «нет» и т. п.

Все вышеуказанные факторы являются элементами постоянного развития человека, т. е. его креативности, а также автокреативности (самокреативности). И если «креативность – это естественный непрерывный процесс, который на всём протяжении истории человечества являлся

¹ Трудности – это субъективные ощущения (переживания) реально существующих противоречий (в:) С. М. Годник, Г. А. Козберг, *Становление профессиональной компетенции учителя*, Воронеж 2004, с. 208.

решающим фактором выживания и успеха)², то автокреативность – это процесс, направленный на постоянное развитие самого себя во всех жизненных аспектах.

Креативность – это целостный процесс, который подразумевает координацию трёх subprocessов или фаз. Фазы эти могут быть обозначены как: 1) «мечтатель» – необходим креативности для формирования новых идей и целей, 2) «реалист» – необходим как средство преобразования идей в конкретные выражения и 3) «критик», который служит фильтром и стимулом к совершенствованию³.

Среди качеств (функций) умений, которые следует развивать у студента, необходимо выделить автокреативную компетенцию, поскольку современный мир так устроен, что постоянное развитие самого себя в разных сферах включено в жизнь человека. Нас интересует прежде всего проблема развития, а вернее саморазвития личности в пределах её профессиональной деятельности.

Термин «автокреативность» связан с другими понятиями, как «театральная педагогика», «социоигровая педагогика», «драмогерменевтика»⁴, а также «самообучение»⁵.

Развитие автокреативной компетенции связано со степенями последовательного восхождения учителя к профессиональной компетентности – исполнительная ступень, ступень мастерства, ступень технологического творчества, ступень методологической компетентности⁶. Таким образом можем выделить учителя-исполнителя, учителя профессионала, учителя – творческого технолога и учителя – методолога. Компоненты профессиональной компетентности учителя динамичны и находятся в развитии⁷.

По аналогии можно выделить несколько этапов/фаз становления студента во время его процесса обучения в вузе:

² См. напр. Р. Дилтс, *НЛП: управление креативностью*, Москва 2003, с. 34.

³ Р. Дилтс, *НЛП: управление креативностью*, Москва 2003, с. 149.

⁴ См. напр. А. П. Ершова, В. М. Булатов, *Режиссура урока, общения и поведения учителя*, Москва 1998, с. 115.

⁵ См. Ю. Г. Репьев, *Интерактивное самообучение*, Москва 2004.

⁶ С. М. Годник, Г. А. Козберг, *Становление профессиональной компетенции учителя*, Воронеж 2004, с. 149–150.

⁷ Там же, с. 268.

1. адаптационный период (начинающий студент) – 1 курс;
2. период приобретения опыта – 2–3 курс;
3. период опыта (опытный студент) – 4–5 курс.

При формировании автокреативной компетенции применяются активные методы обучения. Это могут быть как имитационные, так и неимитационные методы. Имитационные, в свою очередь, могут быть игровые и неигровые.⁸ Ниже приводятся примеры упражнений, которые развивают автокреативную компетенцию студентов на занятиях по практикуму русского языка и методике.

Тематика занятий: *характер и облик человека*. На всю методическую единицу программой предусматривается 24 часа. На первых и вторых занятиях студенты знакомятся с тем, как меняется положение тела, дыхание, голос, жесты, когда человек находится в креативном состоянии или, например, в состоянии замешательства, растерянности. Ознакомлению с языком тела способствуют многочисленные книги с иллюстрациями на эту тему. Студенты рассматривают и анализируют рисунки/схемы, одни студенты пробуют показывать определённые чувства на языке тела, в то время как другие пробуют угадать/определить, что данный студент пытается показать. Таким же образом анализируются иллюстрации из газет, журналов, или фрагментов фильмов.

Студенты учатся также запоминать наиболее характерные черты человека, которого видели всего несколько минут. Потом они составляют портреты увиденного лица, обращая внимание на характерные черты лица, на телосложение. По этим признакам описывают характер данного человека. Это способствует умению описать внешний облик человека, которого мы видели в неблагоприятных условиях, напр., если это был вор, который у нас что-то украл. Способствует также умению быстро определять манеру поведения по отношению к данному человеку.

Тематика занятий: *дом, квартира*. На занятия предназначено 28 часов. На занятиях по теме *покупка/обмен квартиры* проводится следующее упражнение. Два студента принимают роли клиента и работника бюро недвижимости. Клиент должен купить/продать/поменять квартиру. Он должен быть очень требовательным. Работник не может оказать малейше-

⁸ И. Н. Кузнецов, *Активные методы обучения в учебном процессе вуза, учебно-методическое пособие*, Минск 1995, с. 5.

го раздражения по отношению к клиенту, а только оказывать уважение к покупателю. У одного и другого обращаем внимание на голос, жесты, на общее поведение, на уверенность, нерешительность и т. п. Остальные студенты оценивают жесты, правильность речи, тембр голоса, правильность подобранных речевых выражений. В данной ситуации оценивается вербальная и невербальная коммуникация, умение реагировать на высказывание собеседника.

На занятиях по **методике** ещё больше внимания уделяется невербальной коммуникации, поведению в коллективе, умению обращать внимание и т. п.

На первых занятиях по методике (занятиях организационного характера) проводится следующее упражнение. Каждый студент должен выйти на середину класса и постоять (пройтись) перед классом несколько минут (1–2 минуты). Он должен сознательно ощущать, как реагирует его тело – боится ли он или, напротив, ощущает чувство раскованности. После выполнения этого задания все описывают свои чувства и вместе с преподавателем оценивают себя и других. Часто студенты просто удивлены, что внимание уделяется только невербальной коммуникации. Они именно в такой момент осознают значение поведения учителя в классе – того, как он стоит, как ходит, как выглядит, как смотрит.

После этого упражнения проводится такое, в котором вербальная и невербальная коммуникация существуют вместе. Студенты получают следующее задание: «У Вас первый урок в новом классе в начале учебного года. Подготовьте небольшое высказывание, в котором вы должны познакомиться с классом, заинтересовать предметом, предъявить свои требования к классу. У Вас на это 2–3 минуты». Студенты готовятся, после чего каждый студент по очереди «выступает» перед классом. Все «выступления» записываются на видеокассету. Потом все студенты высказывают свои мнения, после этого преподаватель оценивает «выступления». Упражнение интересно тем, что оценивания студентов, мы одновременно обращаем внимание и на степень владения языком, и на поведение будущего учителя – его жесты, тембр голоса, умение заинтересовать предметом, умение вызвать симпатию у учеников, умение сосредоточить на себе внимание. Одни студенты иногда чувствуют себя неловко, ведь они впервые оказываются не за партой, другие наоборот – они прекрасно чувствуют себя в роли учителя и в роли организатора. Преподаватель обращает внимание на то, над чем нужно каждому студенту поработать.

Сразу можно также определить, у кого из студентов будут проблемы при выполнении обязанности учителя.

Примеров упражнений, которые развивают автокреативную компетенцию, много. Мы привели некоторые из них, которые, на наш взгляд, указывают на потребность формирования этой компетенции во время обучения в вузе.

Использованная литература

Годник, С. М., Козберг, Г. А.: *Становление профессиональной компетенции учителя*. Воронеж 2004, с. 149–150, с. 208, с. 268.

Дилтс, Р.: *НЛП: управление креативностью*. Москва 2003, с. 34, с. 149.

Ершова, А. П., Булатов, В. М.: *Режиссура урока, общения и поведения учителя*. Москва 1998, с. 115.

Кузнецов, И. Н.: *Активные методы обучения в учебном процессе вуза, учебно-методическое пособие*. Минск 1995, с. 5.

Репьев, Ю. Г.: *Интерактивное самообучение*. Москва 2004.

Key words:

autocreation, creation, exercises of methodology, practical exercises, foreign language

Summary

The problem of autocreation is becoming common among students. Auto-creation can be formed during practical exercises of Foreign Language Studying or during the exercises of methodology of Foreign Language Teaching subject.

Nowadays it is common to be creative, self-conscious and critical as it helps one to receive a good occupation and it helps to be noticed by others.

In this article it has been shown how to introduce and apply the autocreation process on Foreign Language Studying exercises.

КОНЦЕПТНЫЙ АНАЛИЗ АУТЕНТИЧНЫХ И УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ

Ольга Макаровска, Польша, Познань

Общеизвестно, что обучение иностранному языку как подготовка к межкультурному общению на этом языке невозможно без формирования у учащихся, наряду с другими, социокультурной компетенции. Одним из шагов на пути ее становления считаем концепт-анализ аутентичных и учебных текстов, позволяющий выявить и представить обучаемым «скрытые» смыслы, стоящие за конкретными концептами, в целях достижения учащимися адекватности восприятия и порождения иноязычной речи. Прежде, чем приступить к основной теме нашей статьи, уточним ключевые понятия.

Итак, **концепт** – *сложнейшая единица человеческого сознания, ментальная репрезентация предмета/явления, содержанием которой является некая «смысловая комбинация» представлений о нем, (не)материализовавшаяся в языке* (О. Макаровска, 2004, с. 11). **Общение** – *социально обусловленный процесс обмена мыслями и чувствами между людьми в различных сферах их познавательно-трудовой и творческой деятельности, реализуемый главным образом при помощи вербальных средств коммуникации* (Т. Г. Грушевицкая и др., 2002, эл. в-т). **Межкультурное общение** – общение иноязычных партнеров, представителей различных этнонациональных культур на языке одного из них. **Концепт-анализ** – действие по получению социокультурных знаний об иноэтнической действительности путем смыслового «разворачивания» (выделения и рассмотрения) избранных аспектов предмета/явления, укрытых, «свернутых» в концепте. Цели и задачи анализа нацелены на: **а)** приближение учащимся фрагментов иноэтнической картины мира с помощью «заочного» погружения обучаемых в реалии этого мира с целью облегчения в дальнейшем социокультурной адаптации в реальных ситуациях общения; **б)** формирование-развитие эмпатии и толерант-

ности путем рассмотрения позитивных и негативных сторон иносоциума с целью понять-вчувствоваться; **в**) приобретение знаний на тему нюансов и тонкостей, касающихся действительности иносоциума, обычаев, ритуалов, правил (не)речевого поведения, условностей и др., необходимых для общения в социокультурной сфере; **г**) ознакомление с функционированием и организацией этих знаний в иносоциуме (желательно в сравнительном аспекте), создающих в свою очередь *широкий контекст межкультурного общения* (Л. М Босова., 2000, эл. в-т); **д**) прогнозирование (передачу ситуативной информации и оговаривание контекстов, в каких «работает» концепт с целью предупреждения коммуникативных неудач/осечек в связи с его появлением в речи коммуниканта/-ов); **е**) разъяснение специфики языковой формы концепта (по необходимости).

Прагматической составляющей концепт-анализа есть креативный базис, т. е. осознание-понимание учащимися *зачем и каким образом* следует его осуществлять. Вовлеченность же обучаемых в процесс получения знаний, иначе, развертывание их поисковой деятельности, направленной на становление-развитие когнитивной самостоятельности, детерминирует разделение анализа на: **пассивный/сканирование** (ознакомление с готовым материалом), **частично-активный** (выполнение анализа строго по образцу), **полуактивный** (выполнение анализа с векторной целенаправленностью, т. е. с определением объема и формы работы, целей и задач, схем и планов действия, источников информации и пр., но без ограничения творческого начала), **активный** (полная самостоятельность).

Заметим, что при проведении концепт-анализа лучше избегать преподнесения готовых суждений и интерпретаций на темы общечеловеческого плана и реалий иноэтнического мира, соотносимых с родными эквивалентами. Дело в том, что развитие аналитических возможностей и воображения путем нахождения точек соприкосновения/расхождения различных иносоциумов, попытки самостоятельного их сравнения и истолкования для учащихся гораздо ценнее пассивного ознакомления-усвоения (О. Макаровска, 2004, с. 91).

Пассивный концепт-анализ как источник социокультурных знаний соотносим с социокультурным комментарием, но, что важно, не сводим к нему. Принципиальное отличие в том, что последний: **а**) вбирает в себя два четко разграниченных вида комментария, т. е. реальный и языковой (С. Г. Тер-Минасова, 2000, с. 89–120); **б**) касается фактов или, если угодно, – конкретных, энциклопедических знаний (принадлежность понятий-

ного уровня концепта), обычно не охватывая их субъективной стороны. Все это расходится с базальными установками концептного анализа (см. выше) и сутью самого концепта, отвечающего формуле *знание + мнение*. Кроме того, использование социокультурного комментария в качестве ведущего, по-нашему, более оправдано при работе с прозаическими текстами художественных произведений в силу их специфики (роль концепт-анализа здесь – вспомогательно-дополняющая).

Цель использования концептного анализа на занятиях может быть обусловлена программными требованиями (напр., при применении проектной методики) и/или текущими потребностями (заинтересованность со стороны обучаемых, нейтрализация монотонности учебного процесса и др.). Реализация же анализа в целом зависит от уровня владения учащимися иностранным языком и специфики контингента языковой группы. Следовательно: **а)** концепт-анализ может носить характер запланированный, приуроченный или окказиональный; **б)** язык проведения – родной или иностранный; **в)** «разворачивание» концепта, т. е. объем получаемых знаний, – (не)ограниченное.

Вариантов проведения концепт-анализа немало; приведем один из них, взяв за основу популярный при обучении РКИ аутентичный текст – сводку погоды.

Участники: польские студенты-филологи, уровень владения РКИ – довольно свободный, этап обучения – среднепродвинутый. **Концепт-анализ:** запланированный, полуактивный, характер – сравнительно-сопоставительный; язык проведения – РКИ, форма – групповой внеаудиторный проект (презентация – устная и письменная, выбор иллюстративных средств – свободный), вид – послетекстовое домашнее задание, объем знаний – не ограничен, объект анализа – концепт *погода*. **Текст:** аутентичный, информативный, с кажущейся низкой социокультурной насыщенностью.

Работу желательно начинать с подготовительной беседы (2–3 мин.) о погоде (только *после* ознакомления с текстом/-ами прогноза/-ов погоды), касающейся, напр., влияния ее на людей, ответной реакции организма учащихся на погодные изменения и пр., с дальнейшим переходом к разговору об отношении к погоде поляков вообще, о различных предметах, предсказаниях и пр. Беседу надо завершить вопросом «Как вы думаете, отношение русских людей к погоде похоже на отношение к ней поляков или нет?». После получения ответов (лучше всего провести флэш-

опрос, написав на доске ответы: «да», «скорее всего, да», «нет», «скорее всего, нет», «затрудняюсь ответить», получить секундный ответ и тут же подсчитать голоса) нужно коротко обобщить сказанное прим. так: «Как видим, мнения разделились (сошлись), но дать однозначный ответ на этот вопрос (подтвердить общее мнение на эту тему или наоборот) вам поможет участие в проекте 'Доброго здоровья, доброго погоды!'». Затем следует подробно оговорить креативный базис (если скаламбурить, то: что, где, когда, с кем, как, почему, с помощью чего и пр.) и распределить задания.

Важно, чтобы деятельность обучаемых при вполне свободном владении ими русским языком не ограничивалась лишь сбором и обработкой информации. Полезнее, по-нашему, сравнение-сопоставление иноэтнических реалий с родными, нахождение общих и отличных моментов, презентация самостоятельно сделанных выводов и обобщений. Поскольку данный проект ничем не ограничен, то в него стоит включить сведения: о разнообразных смыслах, когда-то вкладываемых в концепт (напр., погода = синоним непогоды), о месяцеслове, о предсказаниях погоды и народных приметах, о суевериях и пророческих снах, о погоде в песнях (старинных и современных) и в устном народном творчестве (загадки, сказки, пословицы, поговорки, фразеологизмы), о погоде как теме (не)светского разговора, об отношении русских к прогнозу погоды и т. п. (На полях: всю собранную, проанализированную и представленную информацию желательно впоследствии разделить на обязательную и факультативную).

После презентации проекта учащимися преподаватель обязан подвести черту под всем сказанным, особо подчеркнув общее в отношении к погоде поляков и русских, а также отметив оригинальность воззрений последних на это явление (русские больше всего обращают внимание на плохую погоду) и поставив «радостную точку» в виде анекдота или шутиwego прогноза погоды: «И коротко о погоде: бррр...!».

Следующим шагом в подготовке учащихся к успешному межкультурному общению является выполнение заданий с обязательным использованием полученных социокультурных знаний, напр., участие в ролевых играх или этюдах, скажем, с такой речевой ситуацией: «Вы едете в Москву в одном купе с русским/-ой попутчиком/-цей. Он/-а, стараясь скрасить поездку и как-то занять время, заводит с вами разговор, начиная с фразы: 'Ну и погодка!' (за окном снег/дождь/град). Попробуйте (по выбору):

а) сразу перевести разговор на другую тему; **б)** увлечь собеседника рассказом о климате в Польше типа 'А вот у нас.... А как у вас?'; **в)** обменяться информацией на тему народных примет, предсказаний погоды и т. п. *Прим.:* Помните, что злоупотреблять темой о погоде в беседе с русскими не стоит, поэтому при выборе вариантов **б)** и **в)** постарайтесь тактично перейти от рассуждений о погоде к другой теме».

Резюмируя, отметим, что концепт-анализ аутентичных/учебных текстов – не единственный, но весьма эффективный и увлекательный способ получения учащимися социокультурных знаний, необходимых для достижения ими в дальнейшем адекватности и адекватности в процессе межкультурного общения.

Использованная литература

- Белянко, О. Е.; Трушина, Л. Б.: *Русские с первого взгляда*. М. 1996.
Босова, Л. М.: *Лингводидактические и когнитивные аспекты межкультурной деловой коммуникации*. Барнаул 2000, http://aomai.ab.ru/Books/Files/2000-02/18/pap_18.html Грушевицкая, Т. Г.; Попков, В. Д.; Садохин, А. П.: *Основы межкультурной коммуникации*. М. 2002, <http://www.countries.ru/library/intercult/mkom.htm>
Макаровская, О.: *Концепты русской народной и национальной песни*. Познань 2004.
Тер-Минасова, С. Г.: *Язык и межкультурная коммуникация*. М. 2000.

Key words:

Concept, concept analysis, communication, intercultural communication, cognitive commentary, creative base

Summary

The article discusses concept analysis as one of the possible ways of forming sociocultural competence in learners during a foreign language class. The subject of concept analysis is the tacit knowledge of selected concepts adopted from pedagogical texts (both authentic and adapted). The main objective of concept analysis is to prepare learners for adequate intercultural communication through the process of their acquiring knowledge about other sociocultural realities and sociocultural contexts in which those concepts function. Concept

analysis also activates cognitive functions in learners in their independent acquisition of indispensable knowledge. The article presents examples of concept analysis during lessons of Russian as a Foreign Language with the use of project methodology.

КРИТЕРИИ ОТБОРА ФИЛЬМОВ ИЗ КИНОЖУРНАЛА «ЕРАЛАШ» ДЛЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

Н. Д. Манова, Венгрия, Сегед

Для более эффективного преподавания иностранного языка, и в частности русского, большой проблемой, помимо наличия хороших учебников, является живой наглядный материал, воздействующий не только на зрительное и слуховое восприятие, но и на эмоциональное, – такой материал, который отражает сегодняшний день российской действительности и гармонично вписывается в тему изучаемого материала. Таковыми, как правило, являются полиграфические материалы; видеофильмы о достопримечательностях Москвы, Петербурга и других городов; фрагменты телепередач; телевизионная реклама. Помимо перечисленного, на наш взгляд, есть благодатный видеоматериал, который можно использовать и в школе, и в вузе. Это художественные короткометражные фильмы из детского киножурнала «Ералаш».

Детский киножурнал «Ералаш» очень популярен в России не только среди детей, его с большим удовольствием смотрят и ждут новых миниатюр и взрослые. Героями фильмов являются в основном дети, подростки. Однако они показывают сцены не только из детской жизни. А кроме того, эти фильмы отражают современную жизнь России, но с юмором. Тематика этих фильмов разнообразна как сама жизнь: взаимоотношения людей независимо от возраста через различные жизненные ситуации в школе, дома, в транспорте, на улице и т. д. Именно поэтому эти фильмы могут быть использованы и в школе, и в вузе – на среднем и высшем уровнях.

Авторским коллективом (Н. Д. Манова, И. Палоши, Э. Абрахам – преподаватели русского языка, Б. Ю. Грачевский – художественный руководитель телевизионного киножурнала «Ералаш») завершена работа над учебным видео пособием по разговорной практике «Смотрим весёлый Ералаш». Данное пособие рекомендуется как дополнительный материал к основному учебнику и может быть использовано для занятий под

руководством преподавателя, а также для самостоятельного изучения русского языка.

В основу пособия взяты тезисы: 1) изучение языка через культуру и культуру через язык; 2) познание культуры народа изучаемого языка через сравнение элементов культуры своего народа.

Целью работы с фильмами является тренировка аудиовизуального восприятия и понимания русской речи; закрепление навыков диалогической речи; закрепление речевого этикета; расширение страноведческих знаний в области быта, русского менталитета.

Структурно пособие состоит из 3-х частей: **Задания** (показ фильмов и упражнения), **Ключи** (тексты фильмов и ключи к наиболее трудным упражнениям), и **Русско-венгерский словарь** (кроме лексики пособия включена лексика методических указаний; в каждом слове курсивом показано ударение).

Целью данной небольшой статьи является ознакомление с методическим обоснованием отбора фильмов из журнала «Ералаш» в качестве учебного материала при обучении русскому языку как иностранному.

Более чем из 200 фильмов для учебного пособия выбрано 20 фильмов. Критериями отбора являются следующие.

1. Малая длительность фильма: 3–4 минуты.
2. Законченность сюжета (т.е. каждый фильм – это целостное мини-атюрное произведение).
3. Охват большинства программных разговорных тем. Причём, как правило, в любом фильме можно найти две темы. Кроме того, одна и та же тема может фигурировать в разном объёме и в разных ракурсах в нескольких фильмах. Например, в фильме «Лифт» сочетаются темы «Учёба» и «Поведение человека в экстремальных ситуациях»: когда пожар, когда человек тонет, когда в квартиру лезут воры и т. д. В фильме «Дышите глубже» переплетаются темы «Спорт» и «Домашние дела», в фильме «Образ женщины» – «Взаимоотношения одноклассников» и «Одежда» и т. д.
4. Уровень текстового материала. Включены в пособие фильмы с различным объёмом текста и различной сложности. Произведён отбор фильмов и по построению текста. Очень благодатны фильмы с повторами, причём есть фильмы с абсолютными повторами («Ни слова о кефире», «Суженый, ряженый»), а есть фильмы с вариативными повторами («Велосипед», «Превратности судьбы»).

5. Композиционное построение фильма. Можно выделить два типа фильмов:
 - а) с открытой композиционной структурой (сюжет фильма даёт возможность моделировать аналогичную ситуацию по содержанию фильма, что делает эти фильмы выигрышными с точки зрения методики), например, фильмы «Ни слова о кефире», «Последняя просьба».
 - б) с закрытой композиционной структурой (сюжет фильма не предполагает моделирования аналогичной ситуации по содержанию фильма, но здесь естественно применение имитационных методов), например: «Чао, бамбино», «Хозяюшка» и др.;
6. Отражение современной российской действительности с юмором.
7. Наличие информативности («Превратности любви»: праздники Рождества и Нового года у русских; «Суженый, ряженый»: гадания на Рождество у русских).
8. Возможность познания национальных особенностей, или российского менталитета, в сравнении с венгерским, и даже шире – с европейским. Например, из фильма «Цыганка» можно узнать разницу в поведении цыган в России и в Венгрии; особенность в ведении телефонного разговора у русских в отличие от венгров является интригой в фильме «Телефонный разговор»; особенности во взаимоотношениях членов школьного коллектива у русских может заметить европеец в фильме «Минздрав предупреждает». Кроме того, фильмы дают возможность познакомиться с живой русской речью: с разговорной речью, молодёжным жаргоном.
9. Возможности для методических операций. К каждому фильму в разделе Задания разработан блок заданий (8–10 упражнений) коммуникативного, лексико-грамматического и фонетического типов, продиктованные темой и языковым материалом фильмов.

Задания коммуникативного типа – это предварительные мотивационные задания к просмотру фильма; задания по содержанию фильма; заключительные задания – составление диалога, конструирование аналогичной ситуации, высказывание мнения по поводу фильма, например, определение комичности фильма. Большое внимание уделяется этикету в разных ситуациях: приветствия; приглашение; выражение похвалы, восторга, удивления; советы, рекомендации; общение с большим; воп-

рос о времени. Поскольку фильмы отражают живую разговорную речь, то имеет место в фильмах и молодёжно-школьный жаргон. Например, в заданиях к фильму «Неприятное известие» (речь идёт о полученной двойке по английскому языку) предусматривается работа с названиями оценок в школах и вузах России: нейтральная форма (два), разговорная форма (двойка), школьный жаргон (пара). Кроме этого в других фильмах встречаются и некоторые жаргонные выражения.

Фильмы из киножурнала «Ералаш» дают широкий спектр возможностей лексико-грамматической работы: отработка падежных форм существительных, числительных (выражение времени); видовых и временных форм глагола; форм повелительного наклонения; глаголов движения; употребление наречий; сложноподчинённые предложения с изъяснительными, условными и уступительными придаточными. Включено также несколько заданий по теме словообразование, которая не является популярной грамматической темой в школьной учебной программе. Но, например, тема словообразование имён, естественно напрашивается в некоторых фильмах. Например, в фильме «Превратности любви» фигурируют такие фамилии: Кукушкина, Морковкин, Бутербродов. Это даёт возможность познакомиться с популярными русскими фамилиями, образованными от известных ученикам существительных: Зубов, Носов, Маслов, Грибов, Головин, Мышкин, Репин, Коровин и т. д.

Материалы пособия опробованы на занятиях 2 и 3 курсов при кафедре русского языка и литературы Педагогического факультета Сегедского университета и имеют положительные результаты.

Использованные материалы:

Фильмы из киножурнала «Ералаш».

Key words:

coursebook, films, video cassette, Russia, school, higher education, our time, humour, mentality, etiquette, slang, communication, grammar, lexis, phonetics

Summary

This article presents a new coursebook for Russian language practice titled “Смотрим весёлый Ералаш” (“Watching funny Jeralash”). The authors of the coursebook are teachers of Russian, Nadezhda Manova, Ildikó Pálosi, Erzsébet Ábrahám, and the artistic director of the television serial titled “Jeralash”. The coursebook is recommended as supplementary material to a basic coursebook. It can be used on school lessons under teacher guidance as well as for individual study. Criteria of selecting films for teaching purposes are also discussed in the article.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧЕШСКОМУ ЯЗЫКУ РУССКОГОВОРЯЩИХ СЛУШАТЕЛЕЙ

Наталья Райнохова, Чешская Республика, Прага

Данный доклад написан на основе длительной (15-ти летней) работы с русскоговорящими слушателями, изучающими чешский язык в Чехии. Под русскоговорящими слушателями подразумеваются не только носители русского языка, но и представители других народов и народностей бывшего Советского Союза, приезжающих на проживание в Чехию и владеющих русским языком как родным. Стоит отметить, что студенты очень разнородны по уровню образования и по возрасту (от 17 до 70 лет). Кроме того, их можно разделить на две группы: на тех, кто начинает изучать язык сразу после приезда в страну и на других, кто приходит на курс, прожив в стране несколько лет. Первая группа более «закалена» против ошибок, связанных с интерференцией, при своевременной и правильной методической работе педагога они либо вообще не возникают, либо легче устраняются. Во второй группе явления интерференции очень часты и тяжело устраняемы. С нашей точки зрения, этот феномен характерен только для Чехии и, может быть, еще для какой-нибудь славянской страны. Заключается он в том, что, приезжая в Чехию, русскоговорящие сразу понимают около 30 процентов информации, которую они слышат, поэтому язык не торопятся изучать, считая, что знания языка появятся и углубятся сами. Причина – близкородственность русского и чешского языков. Лексическая, а также во многом грамматическая и синтаксическая узнаваемость языка, дает людям ошибочное ощущение ненужности изучения языка (трудно представить себе наличие подобного феномена, например, в Америке или в Германии – мы не говорим здесь о крупных городах, где создается огромная диаспора переселенцев, в которой есть определенный контингент людей, в основном, пожилых или среднего возраста, не ставящих перед собой цели создать карьеру и обходящихся внутренними социокультурными связями внутри диаспоры).

Чешские ученые достаточно много занимались интерференцией, появляющейся в процессе обучения чешских студентов русскому языку. Еще в 60-е годы на базе Философского факультета Карлова университета в Праге была создана обширная работа с богатым иллюстративным материалом (в картотеке находилось тогда 25 000 карточек) под руководством Яромиры Зимовой (Zimová a kol.: *Interference v guském lexiku*, 1967). Уже тогда возникла необходимость точно описать виды и характер самых частых ошибок, связанных с интерференцией, с последующей оценкой этих ошибок и их профилактикой. Вышеупомянутая работа касалась интерференции в области лексики, однако позже в Чехии появились и работы по интерференции в области фонетики, графики и синтаксиса (Bedřich Česal: *K syntaktické interferenci rusko-české a česko-ruské*, 1993; J. Rajnoch: *Interference a transfér ve fonetice a intonaci ruského jazyka*, 1984–85; J. Rajnoch: *Obtížnosti ruského pravopisu*, 1989–90).

Учитывая опыт этих работ, можно рассмотреть подобное явление как бы в перевернутом виде, уже с точки зрения другого языка, в нашем случае как перенос с русского языка на чешский. Как известно, проблематика интерференции связана с проблемой билингвизма, в нашем случае на примере двух близкородственных языков, чешского и русского. Ю. О. Александрова дает следующее определение интерференции: *«Интерференция - отклонение от норм любого из языков в речи билингва в процессе коммуникации, связанное с лингво-культурной принадлежностью билингва, с особенностями его речевой деятельности и особенностями отношений между системами контактирующих языков»* (Ю. О. Александрова, 2005). Чешский ученый Й. Веселы подчеркивал, что *«при негативном трансфере происходит неосознанный перенос явлений одного языка в другой или замена явлений в рамках одной языковой системы из-за недостаточной дифференциации этих явлений.»* (J. Veselý, 1985)

При изучении и использовании иностранного языка чаще всего наблюдается негативный трансфер со стороны родного языка, хотя в последнее время заметна интерференция и со стороны третьего языка, уже освоенного ранее. В процессе коммуникации учащийся мобилизует все доступные ему языковые средства, к этому подключаются и языковые системы, ничего общего с целевым языком не имеющие -, например, у русскоговорящего в чешском высказывании английское слово: *«Nechci, aby na mě někdo pushoval»* - *«Я не хочу, чтобы на меня кто-нибудь давил»*. У. Вайнрайх в своей книге *«Языковые контакты»* писал, что место кон-

тактов языков, где происходит интерференция – это говорящий индивид. А это значит, что сколькими языками владеет данный индивид, столько видов интерференции можно ожидать в процессе его речи. Безусловно, что на количество и характер интерференционных ошибок влияет уровень владения изучаемого языка, уже изученного, т. е. первого иностранного языка, но и не в последнюю очередь (мы считаем это очень важным) – уровень родного языка.

Ошибки, которые были нами зафиксированы, относятся как к разряду интерференции межъязыковой, так и внутриязыковой, а в связи с тем, что чешский и русский языки – близкородственные, так есть и примеры комбинированной.

Поскольку негативная интерференция охватывает все лингвистические уровни языка, то и ошибки мы разделили следующим образом: ошибки лексического характера, фонетические ошибки, грамматические, а также ошибки графического и орфографического характера. Данный доклад будет посвящен первым двум группам ошибок.

1. Ошибки лексического характера (лексической ошибкой будем считать ошибочное выражение значения, которое произошло или из-за незнания семантической структуры лексической единицы, или из-за незнания ее значимости в системе и ее формального проявления):
 - а) некорректное использование приставок-омонимов. В чешском языке существует довольно большое количество приставок, совпадающих внешне, но не совпадающих по значению с русскими, что является почвой для формального переноса целого префикса. Например, *pojít* – сдохнуть, *uplatit* – дать взятку, *opsat* – списать, *unést* – украсть, захватить в плен. Отсюда предложения «*Pošel včera s námi*» – досл. «Он сдох вчера с нами», «*Uplatím Vám za vaši laskavost*» – досл. «Я дам вам взятку за вашу любезность», «*Mohu vám opsat včerejší příhodu*» – досл. «Я могу списать вчерашний случай», «*Unesu tu knihu domů*» – досл. «Я украду эту книгу домой».
 - б) к явлениям межъязыковой интерференции относится многочисленная группа слов-омонимов, которую часто называют как слова – ложные друзья переводчика. В данном случае мы наблюдаем процесс полной формальной замены лексической единицы одного языка лексической единицей другой. Напр.: *tuzemec* (местный житель) вместо *domorodec* (туземец), *vor* (плот) вместо *zloděj*

(вор), *podvodník* (авантюрист) вместо *potápěč* (подводник), *plot* (забор) вместо *vor* (плот).

Сюда же мы могли бы отнести пример ошибки при переводе названия известной картины Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем», которую вместо правильного «*Madona s dítětem*» перевели как «*Madona s mládencem*» – «Мадонна с молодым человеком, с парнем».

- в) интерференция во фразеологии чаще всего проходит на уровне именно лексическом. Напр., «*Svět je těsný, (úzký)*» вместо «*malý*» – ср. «Тесен мир», «*Oprakování je matkou učení*» вместо «*moudrosti*» – ср. «Повторение – мать учения», «*Jako slanečci v sudu*» вместо «*jako sardinky*» – ср. «Как селедки в бочке». В последнем фразеологизме, кроме замены одного компонента, появился компонент-калька, в чешском языке не существующий. Следующий пример показывает создание фразеологизма «*sežrat psa*» – досл. «сожрать собаку» по русской модели «собаку съест» – в чешском языке – «*mít v malíčku*» – «знать как своих пять пальцев». Предложение – «*Můj právník je velmi šikovný, sežral v tom psa*» – «Мой адвокат очень ловкий, он собаку на этом съел» – пример лексико-синтаксической интерференции, где происходят нарушения не только на лексическом уровне, но и в управлении глагола.

- г) внутриязыковую интерференцию можно показать на примере следующих ошибок:

1. – формальная замена префикса: «*vzrušený*» (сексуально возбужденный) – «*rozrušený*» (взволнованный). «*Když náš obchodní partner s námi mluvil, byl velmi vzrušený*» – досл. «Когда наш торговый партнер с нами разговаривал, он был сексуально возбужден».

2. – недостаточная дифференциация лексического значения: «*žebřík*» – «*schody*», где оба слова имеют значение «лестница», но первое – приставная, переносная, а второе слово – обычная, стационарная. Или «*rozruch*» – «*hluk*», где первое слово обозначает «суету, волнение, тревогу, шум», а второе только «шум». Эти ошибки – синонимичного характера, когда происходит перенос семантической структуры и контекстуального использования одной языковой единицы на другую.

2. Ошибки фонетического характера

Нельзя не согласиться с Е. В. Акулиной (2001), которая написала, что «слух билингвального говорящего настроен на волну родного языка, ...он

улавливает в звуках двух языков лишь общее и отбрасывает то, что отличает их друг от друга. ... Когда какая-либо фонетическая или фонологическая особенность в языке отсутствует, учащиеся вообще не обращают внимание на это явление».

С этим связаны такие ошибки, как непроизношение долгих гласных в корне слов и во флексиях. Проблема связана с тем, что иностранцы не слышат долгот в чешском языке очень длительное время после начала изучения языка (и несколько лет), воспринимают их как нечто несуществующее или несущественное, русскоговорящие студенты – часто как ударение (долгота выражена на письме таким же диакритическим значком), не признают им смысловозначительной функции.

Одна из самых частых фонетических ошибок – неправильное ударение в словах, совпадающих с русским языком. В чешском языке ударение константно – всегда на первый слог, что, соответственно, создает проблемы в таких словах, как *«sestra, ona, oni, byla»* и т. д.

Из-за сложности произношения ряда фонем студенты адаптируют их к русскому языку, произнося только удобную для них часть фонемы. Так чешское «ř» произносится как «р», особенно его глухая разновидность. Напр., *«ři»* как *«tri»*, *«přijedu»* как *«prijedu»*, *«skříň»* как *«skriň»*. То же происходит со звуком «h», который в интерпретации студентов оглушается, а иногда и смягчается. Напр., *«herna»* звучит как *«херна»*, *«hotel»* как *«хотэл»*. Последний случай часто бывает переносом из первого иностранного языка.

Трудоемкой является и выработка навыка произношения слогообразующих согласных «r» и «l». Частой ошибкой бывает включение дополнительного гласного «i» – *«Pilzeň»* или перенос ударения на ближайший гласный – *«prši»*.

Мы попытались показать самые распространенные лексические и фонетические ошибки, допускаемые русскоговорящими студентами при изучении чешского языка. К сожалению, объем этого доклада не позволяет рассказать обо всех случаях негативного переноса. Все выше приведенные примеры указывают на то, что проблема интерференции так же актуальна, как и раньше, и что в Чехии настало время для изучения русско-чешской интерференции, чего раньше не было. Возникает необходимость в создании новых методик и новых учебников, которые бы учитывали это явление, подавали бы новый материал

и предоставляли бы комплекс упражнений, способных предвосхищать возможные ошибки и бороться с ними.

Использованная литература

- Акулина, Е. В.: Проблема языковой интерференции при обучении фонетике немецкого языка. *Иностранные языки в школе*, 2001, № 5.
- Česal, V.: K syntaktické interferenci rusko-české a česko-ruské. In: *Cizí jazyky 4, sborník Pedagogické fakulty Západočeské univerzity v Plzni*, 1993.
- Клочков, Ю. Б., Иевлева, З. Н.: Грамматические ошибки в русской речи японских учащихся. *Русский язык за рубежом*, 2001, № 6.
- Лингвистический словарь. М. Сов. энциклопедия, 1990.
- Мунэн, Ж.: Теоретические проблемы перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М. 1978.
- Rajnoch, J.: Obtížnosti ruského pravopisu. *Ruský jazyk*, 1989–1990, č. 4.
- Вайнрайх, У.: Языковые контакты. Л. Наука, 1979.
- Veselý, J.: Problematika vyučování ruštině jako blízkému příbuznému jazyku. SPN, 1985.
- Vlček, J.: Porovnání slovní zásoby ruského jazyka se slovní zásobou českého jazyka. *Univerzita Karlova, Praha*, 1985.
- Zimová, J. a kol.: *Interference v ruském lexiku*, 1967.
- Žofková, H.: Problematika vyučování ruštině jako druhému cizímu jazyku. *Cizí jazyky 2001–2002*, roč. 45, č. 5.

Key words:

bilingualism, negative transfer, multiple interference, lexical error, phonological error, error prevention

Summary

The article focuses on interference in both lexis and phonology, an issue which has been central to foreign language teaching for a long time. The author is interested in a phenomenon that has received little attention so far – Russian – Czech negative transfer. She considers its causes and locations and presents the most frequent types of errors. She also deals with the necessity of errors' prevention and creation of new methodology and teaching materials in this area.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ УЧЕТ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Эдита Рогальова, Михаил Рогаль, Словацкая Республика, Нитра

Обучение иностранным языкам и освоение их, в том числе и русского языка как иностранного, относится к одним из самых сложных, пока в совершенстве не решенных проблем, тесно связанных с образовательно-воспитательной работой в педагогическо-дидактической сфере общественной деятельности. При всех научных результатах соответствующих критериям современной методики обучения иностранным языкам и критериям смежных лингвистических, психологических, культурологических, психолингвистических и социолингвистических наук, итоги исследований не приносят желанных финальных результатов в педагогической практике. Довольно количественная шкала традиционных и современных методов обучения и значительное число альтернативных методов обучения не в достаточной мере способствуют эффективным финальным иноязычным продуктам, потому что важнейшим критерием эффективности учебного процесса становится соотнесение результатов деятельности с достижением определенных уровней владения языком, уровней коммуникации на данном языке. *(Прохоров, 1997)*

Прямую причастность к данным проблемам имеет современное культурологическое направление в преподавании иностранных языков, демонстрирующееся под названием «мир изучаемого языка». Данный тезис и его реализация неразрывно связан с проблематикой изучения иностранных языков в сфере социокультурной картины мира, отраженной в языковой картине мира *(Тер-Минасова, 2000)*. Культурологическое направление ведет методику иноязычного обучения к известному тезису «изучать культуру через язык и язык через культуру». Теоретически приемлемый подход к освоению языка и культуры другого народа оказывается в пространстве педагогической практики весьма сложным и трудным для реализации не только для учащегося, но и преподавателя.

С этой точки зрения можно рассматривать некоторые актуальные социокультурные явления, проявляющиеся в определенном видении действительности на базе словацкого и русского языков, в рамках обучения русскому языку как иностранному. Они вытекают из разности языкового оформления реалий, на основании неодинаковой языковой репрезентации.

В языке осуществляются акты интерпретации мира человеком. Различные языки являются различными мировидениями. Всякий язык, обозначая отдельные предметы, созидает. Он формирует для говорящего на нем народа картину мира. Каждый язык, по Гумбольдту, образует вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, выйти за пределы которого можно, только вступив в другой круг (*ЛЭС, 1990*).

Такие явления и их языковое оформление приносят весьма часто коммуникативные осложнения, причиняющие проблемы в процессе освоения языка. Они связаны с затруднениями описания языка под углом зрения «языковой картины мира», под которой понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Таким образом, языковая картина мира, это своего рода мировидение через призму языка (*Яковлева, 1996*).

Проблемы, исходящие из различного отражения или интерпретации действительности разными языками, вызваны тем, что языки по-разному членят объективный мир, в результате чего каждый язык интерпретирует свою картину мира. Таким образом, носители языка воспринимают окружающую среду соответственно нормам и схемам, запечатленным в их родном языке. Носители разных, не похожих друг на друга языков, на базе идентичных предпосылок формируют разные картины мира (*Пазио, 2002*). Каждый народ видит мир через призму своего языка и отражает его в своих образах (*Степанова, 2002*). Считается поэтому, что основой для реконструкции языковой картины мира должны быть как статические образования (грамматика, лексика, фразеология), так и динамические конструкторы – тексты в их узком и широком семиотическом понимании (*Хлебда, 2002*).

На статистическом, системном уровне языковым барьером, несомненно, является уровень лексический, так как именно номинативные единицы выполняют функцию обозначения предметов и явлений внеязыковой действительности, которая, как известно, в каждой отдельной культуре членится по-разному. Одним из основных объектов правильного

освоения русского языка как иностранного является безэквивалентная лексика, которая в межкультурной коммуникации закономерно может выделяться в качестве самостоятельных лексических барьеров. Однако, подобного выделения заслуживает также и другой пласт лексики – слова, близкие или идентичные по форме, иногда этимологически родственные, ассоциируемые и отождествляемые в двух языках, а в плане содержания или по употреблению частично или полностью не соответствующие друг другу. Это так называемые «междязыковые аналогизмы», «псевдоэквивалентные пары слов», «междязыковые омонимы», «ложные друзья переводчика». На основании такого состояния проблем в качестве возможных барьеров следует учитывать все уровни функционирования слова: лексемные в системе языка, образные в языковом сознании, символические в этнической культуре (Пшеничникова, 2003).

Необходимо подчеркнуть, что наиболее существенные особенности языковой картины вскрываются при сопоставлении, при сравнительном, компаративном изучении или соизучении общественной и культурной жизни стран и народов, использующих изучаемые языки. Только выйдя за рамки своей культуры, т. е. столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением, можно понять специфику своего общественного сознания, можно увидеть различие или конфликт культур. Каждое слово каждого языка имеет свой присущий только данному языку круг или резерв сочетаемости. Речь идет о коллокационных или лексико-фразеологических ограничениях, регулирующих использование языка.

Сопоставляя некоторые социокультурные явления в языковом оформлении словацкого и русского языков, можно конкретно убедиться о коренных различиях видения действительности посредством языкового оформления.

Студент словацкого вуза сдает «ťažkú skúšku» (тяжелый экзамен), студент российского вуза сдает «трудный экзамен». Словаки видят «ľadového medveďa» (ледового медведя), русские «белого медведя». Словаки пьют «bielu kávu», русские «кофе с молоком». Словаки едят суп «polievkovou lyžicou» (ложкой для супа), русские «столовой ложкой». Лучшие словацкие спортсмены составляют «reprezentačné mužstvo» (репрезентационную команду), русские «сборную команду». Словаки ходят «slimačím krokom» (шагом улитки), русские, «черепашьим шагом». Словаки видят «smutnú vrbu» (грустную иву), русские «плакучую иву».

Приведенные иллюстрации своеобразного народного созидания в области видения действительности в разных языках приносят некоторые затруднения для педагогической практики в области осваивания и приобретения коммуникативной, а также культурологической компетенции. Культурологическое направление, основывающееся на платформе «мир изучаемого языка» через социокультурные структуры единиц и социокультурные феномены, отражающие языковую картину мира, является соответствующим критерием сегодняшних методических предпосылок в сфере эффективного иноязычного обучения вообще и РКИ в частности. Оно дает возможность обеспечения культурологического образования на фоне сравнения культур, языковых картин действительности и коммуникативных традиций родного и неродного изучаемого иностранного языка (Рогаль, Рогальова, 2003).

В настоящее время в методике обучения иностранным языкам существует многочисленная парадигма методов обучения. Среди них можно обнаружить и новые стремительные цели, декларирующиеся в подобии билингвальной и бикультуральной компетенции, что тесно связано с притязаниями, вытекающими из современной мультилингвальной сферы, характерной для Европейского Союза.

Европа в настоящее время представляет просторный мультилингвальный и мультикультуральный ареал с претензиями на расширение мультилингвизма и интеркультурных личностей. Мультикультурное общество будет возникать весьма сложным процессом, на протяжении которого знание иностранных языков и культур ассоциированных народов положительно повлияют на этот процесс. Мультикультурное общество потребует интеркультурную личность, личность с приобретенной интеркультурной компетенцией. Для данной лингводидактической цели формируется в методике иноязычного образования культурологическая методика, которая ставит перед собой задачу довести изучающего иностранный язык через разные коммуникативные каналы социокультурной деятельности до уровня брать в соображение специфику носителя другой языковой общности. Важным в этой сфере деятельности является понятие первичной языковой личности и вторичной языковой личности. Вторичная языковая личность это тот целевой формант, который может соответствовать современным потребностям.

Культурологическое методическое направление предполагает синтез разных подходов и методов в процессе выбора конкретных задач

обучения и образования. Ввиду такого состояния проблем актуальной считается задача пересмотра системы подготовки преподавателей иностранных языков, в том числе и преподавателей русского языка как иностранного.

Учитывая факт, что специфику каждого конкретного языка обусловливает «языковое сознание народа», на нем говорящего, это особое мировидение, или, выражаясь современным языком, специфичная языковая картина мира закреплена в грамматике, семантически значимых грамматических категориях, в лексической системе языка и т. п.

Подготовка преподавателей в такой ситуации, когда выделяется более количественное число компетенций (лингвистическая, социокультурная, социолингвистическая, социальная и т. п.) в рамках коммуникативной компетенции, должна быть пересмотрена. Детально следует оценить традиционное обучение преподавателей иностранных языков и разработать новую, соответствующую современным научным критериям образовательную программу, некий конкретный перечень научных дисциплин, обеспечивающих комплексный профиль специалиста – преподавателя, который на основании успешного освоения данных дисциплин приобрел компетенции для выполнения целей иноязычного обучения. Такая образовательная программа у нас пока не существует.

Использованная литература

- Азимов, Э. Г., Шукин, А. Н.: *Словарь методических терминов*, СПб 1999.
- Лысакова, И. П.: *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты новых направлений в методике обучения РКИ*. In: Русский язык в центре Европы. Банска Быстрица 2004, с. 53–60.
- Пазио, Д.: *Что язык знает о мире? Проблема языковой картины мира в избранных философских и лингвистических трудах XX века*. In: *Rossica Olomucensia XL, FF UP Olomouc*, 2002, s. 341–345.
- Прохоров, Ю. Е.: *Иноязычные социокультурные феномены: почему, чему и как они мешают в инокультурном образовании*. *Zborník vedeckých prác medzinárodnej konferencie Inonárodné sociokultúrne fenomény a cudzojazyčné vzdelávanie*. SPU Nitra 2004.
- Пшеничникова, И. И.: *Барьеры в межкультурной коммуникации: межъязыковые лексические параллели. Русский язык как иностранный: теория, исследования, практика*. Выпуск 6, СПб 2003, 231–237.
- Рогаль, М.: *Билингвальное описание лексического аспекта языков в учебных целях*. Nitra, FNv VŠPg 1994, 222 s.

- Рогаль, М.: *Детерминация процесса обучения русскому языку социально-экономической трансформацией страны*. In: Zborník FhaPV PU, Prešov 1997, s. 65–67.
- Рогаль, М., Рогальова, Э.: *Приобретение билингвально-социокультурной иноязычной компетенции в процессе освоивания РКИ*. In: Русское слово в мировой культуре, Том 1. СПб 2003, с. 151–156.
- Rohaľ, M.: *Funkcie a význam inonárodných sociokultúrnych fenoménov v procese osvojovania cudzích jazykov*. In: Kulturológia v procese osvojovania cudzích jazykov. Zborník vedeckých prác. SPU Nitra 2003, s. 14–20.
- Rohaľ, M.: *Prečo sme zanevreli na ruštinu*. Pravda, 20. apríla 1996.
- Рогальова, Э.: *Русские номинативные словосочетания в аспекте культурологическом*. In: Культурологические аспекты преподавания русского языка и литературы. Нитра 1996, с. 127–130.
- Тер-Минасова, С. Г.: *Язык и межкультурная коммуникация*, Москва 2000.
- Хлебда, В.: *Фразеологический словарь и языковая картина мира*. In: Rossica Olomucensia XL, FF UP Olomouc 2002, s. 413–420.
- Яковлева, Е. С.: *К описанию русской языковой картины мира*. Русский язык за рубежом, Москва 1996, Но. 1, 2, 3, с. 47–56.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС)*, Москва 1990.

Key words:

foreign socio-cultural knowledge, different language expression, socio-cultural phenomena, dialogue of cultures, intercultural competence, multicultural society, intercultural personality.

Summary

The paper deals with the issues of teaching of foreign language skills from the cultural point of view. Special attention is dedicated to particular features of each of the languages from the aspect of various language views of the reality.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВЕНГРИИ

Ольга Сеги, Венгерская Республика, Сегед

Прежде чем приступить к изложению конкретного материала, позволим себе сделать небольшой экскурс в недалекое прошлое. В 1987 г. в связи с известными политическими преобразованиями, происшедшими в Венгрии, Министерством Образования было вынесено постановление, согласно которому русский язык далее не является обязательной учебной дисциплиной, а наряду с другими иностранными языками – в первую очередь, английским и немецким – является факультативным.

Само по себе данное постановление Министерства не имело в виду полного упразднения обучения русскому языку, но некоторые политические круги (тогдашняя правящая власть) это обстоятельство использовали в своих целях, и, надо признаться, они действовали не в пользу дальнейшей возможности преподавания русского языка в системе школьного обучения.

В сознании венгерских граждан, конкретнее, в сознании родителей, укрепилось мнение, что обучение русскому языку в школах-восьмилетках в Венгрии отныне полностью аннулировано, и теперь его место восполнят другие иностранные языки. В этой дезинформации повинны, в первую очередь, средства массовой информации, которые явно и намеренно искажали новый статус русского языка в области системы венгерского образования. Вследствие этого резко уменьшилось количество изучающих русский язык как в школах-восьмилетках, так и в гимназиях, в средних профессиональных школах, а позднее на филологических факультетах институтов и университетов. Приведем некоторые цифры. До 1990/91-ого учебного года в Венгрии русский язык изучали 89,7 % учащихся. Начиная с 1991 г., количество изучающих русский язык составило сего лишь 19,49 %.

Осознавая катастрофическое положение в сфере обучения русскому языку во всей стране, в 1999 г. Кафедра русского языка и литературы

Педагогического факультета им. Д. Юхаса Сегедского Университета по инициативе нынешнего ее руководителя приняла решение ввести у себя на кафедре новую форму обучения русскому языку. Предлагаем вам познакомиться с некоторыми ее особенностями.

Поскольку число изучающих русский язык в учебных заведениях всех уровней заметно шло на убыль, преподаватели нашей кафедры – в соответствии с новыми обстоятельствами и требованиями венгерской действительности – ввели новую программу обучения русскому языку в высших учебных заведениях. Она предусматривала обучение студентов с нулевым знанием языка. В том же 1999 г. на нашу кафедру на специальность русский язык и литература было принято 54 студента. Их распределили в три группы. Главным критерием распределения студентов явился уровень знания русского языка. По этому принципу мы комплектуем учебные группы и в настоящее время.

В первую группу мы включили студентов, которые сдали экзамен по русскому языку на аттестат зрелости. Среди них есть учащиеся, владеющие русским языком на уровне родного (один из родителей или оба русские по происхождению). Каждый год наша кафедра принимает студентов из Закарпатья, где они изучали русский язык в школах и гимназиях. Здесь учатся студенты, которые уже сдали государственный экзамен по русскому языку на среднюю степень. Главным образом, однако, в эту группу входят студенты-венгры, которые, хотя и сдали в свое время экзамен по русскому языку на аттестат зрелости, но уже успели его порядком забыть, и их знания еще недостаточны для того, чтобы уже на 1-ом курсе слушать лекции на русском языке.

Во вторую и третью группу входят студенты, которые не сдавали экзамен по русскому языку на аттестат зрелости. Вторая группа включает студентов, которые изучали русский язык в течение 4-х лет, но экзаменов не сдавали; учили русский язык в средней школе 1–2 года, но потом дирекция школы упразднила его обучение; учили русский язык только в школе-восьмилетке и в силу объективных причин не могли продолжать изучать его, однако имеют солидную базу знаний.

Есть студенты, которые учили язык в школе-восьмилетке, но их познания в области русского языка, честно говоря, более, чем скромные и оставляют желать лучшего.

Приходят к нам и учащиеся, которые 1-2 года изучали язык частным образом.

Третья группа набирается из студентов, которые никогда и нигде не изучали русский язык, однако проявляют большой интерес к самому языку, к русской культуре и истории, хотят овладеть языком.

Уровень знаний абитуриентов проверяется на вступительных экзаменах, это касается будущих студентов, которые позже войдут в 1-ю и 2-ю группы. С остальными желающими поступить преподаватели кафедры проводят собеседование, где выявляется их интеллектуальный уровень, познания в области истории, культуры, географии России, их искреннее желание получить эту специальность.

В данной статье нам хотелось бы остановиться на работе именно с последней, третьей группой и вкратце познакомить с программой обучения, с основными целями, требованиями и задачами, решаемыми в процессе обучения.

На первом курсе в обоих семестрах студенты посещают лишь практические занятия. В 1-ом семестре это занятия по фонетике, чтению, письму, грамматике и разговорной практике. Всего по русскому языку 14 уроков в неделю. Во 2-ом семестре занятий по чтению и письму уже нет, но вводится новая дисциплина: практические занятия по переводу. Всего по русскому языку 13 часов в неделю.

По курсу «Чтение и письмо» студенты должны усвоить правильное чтение, т. е. в нормативном темпе правильно связывать буквы и слова, соблюдая основные правила ударения и интонации, выделяя смысловые единицы предложения.

По курсу «Разговорная практика» студенты приступают к изучению тем «Семья», «Ваш город», «Учеба в гимназии, институте», «Отдых», «Квартира, Сад», «Ваши друзья», «Питание», «Свободное время», «Прием гостей», «Ресторан», «Распорядок дня», «Болезнь, лечение».

В конце 2-ого семестра по курсу «Практическая грамматика» студенты овладевают следующим материалом: «Слова иностранного происхождения», «Русские имена и фамилии», «Повествовательные, вопросительные, безличные, отрицательные предложения», «Конструкция *у меня есть/был/будет.*» «Числительные», «Понятие категории вида», «Прямая и косвенная речь», «Выражение долженствования», «Употребление глаголов движения с приставками и без приставок», «Склонение имен прилагательных», «Согласование имен прилагательных с существительными и числительными»,

«Сравнительная степень и краткая форма прилагательных», «Наиболее употребительные формы повелительного наклонения глагола».

По курсу «Практическая фонетика» студенты изучают темы: «Система гласных и согласных», «Типы ударений», «Ритмика», «Редукция гласных», «Позиционные изменения согласных», «Основные типы интонации», «Разучивание стихотворений и песен». В конце 1-ого семестра студенты сдают коллоквиум, в конце 2-ого – сводный (заключительный) экзамен.

К концу 2-ого семестра 1-ого курса студенты должны достичь уровня знаний, который соответствует требованиям экзамена по русскому языку на аттестат зрелости. Обобщенный экзамен по вышеперечисленным дисциплинам призван проверить, удалось ли нашим студентам выполнить эту задачу.

Многие студенты (20–25 %) не выдерживали учебной нагрузки и темпов обучения. Некоторые учащиеся посчитали нашу специальность в качестве «стартовой площадки», т. е. некоторое время продержаться в институте, а потом, возможно, перейти на другую специальность.

В составлении новой учебной программы приняли активное участие все преподаватели нашей кафедры. Используя многолетний профессиональный опыт, зачастую опираясь на интуицию, мои коллеги разработали новые методы преподавания: появилось больше наглядных средств, некоторые из них – по грамматике и разговорной практике – преподаватели изготовляли сами, проявляя креативность, остроумие, находчивость, художественные качества. Особенно наглядные пособия понадобились на устном этапе обучения, когда студенты только начинали читать и писать.

Возникла острая необходимость в новом учебном материале. В составлении учебников, пособий, вспомогательных материалов принимала участие вся кафедра. Для нас, преподавателей, это был профессиональный вызов. Вся наша работа строилась на энтузиазме, стойкости, вдохновении, одухотворении и, я бы сказала, одержимости.

Новый профиль работы по данной программе обучения с начинающими студентами, естественно, уже на 1-ом курсе потребовал от преподавателей немало определенных усилий. 14 часов в неделю по русским дисциплинам – это интенсивный темп обучения. Перед нами встали новые задачи. Одна из них имеет организационно-воспитательный характер. Мы должны были проводить со студентами особую работу: внушать им, что теперь они начинают изучать новый иностранный язык, который

коренным образом отличается от родного им венгерского языка, а также от других иностранных языков (в первую очередь, английского и немецкого), которые они изучали или продолжают изучать. Мы обращали внимание наших студентов на то, что только регулярное посещение занятий, железная дисциплина, систематическая подготовка к урокам являются залогом успешной работы, залогом успешного усвоения русского языка. Подобные воспитательные меры могут показаться тривиальными и само собой разумеющимися, но именно такое разъяснение, как нам представляется, способствовало тому, что наши студенты достойно и серьезно отнеслись к выдвигаемым нами требованиям, с полной ответственностью осознали свои цели и задачи.

Keywords:

new, programme, teaching, selection, formation, subject, education, love for, work, creativity, tolerance

Summary

Modern State and Perspectives of Russian Language Teaching in Hungary

The present article introduces the readers to the new programme worked out and brought in by the Department Of Russian Language and Literature of the Pedagogical Faculty named Gyula Juhasz at the University of Szeged.

The article outlines the principles of selecting students and forming study groups. The teaching materials of various subjects for the first year are described. Tasks of teachers and students regarding the functioning of the new teaching programme are also listed.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ИСТОРИИ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Йозеф Сипко, Словацкая Республика, Прешов

В процессе познания нынешней эпохи нам, а наверное, и нашим потомкам, поможет **лингвокультурологический анализ** современных самых представительных языковых единиц. В данной статье мы обратим внимание на те **лингвокультуремы**, которые кодируют **российские крайности на фоне социального антагонизма** как одну из главных семиотических особенностей русской культуры. В рамках многочисленных русских антимоний в современности особо выделяется **концептуализация** лексем *бедный - богатый*. В *Русском ассоциативном словаре* (РАС, 2002) наглядно показана их взаимосвязь:

1. **БЕДНЫЙ** - *богатый, человек, несчастный, старик, Ваня, голодный, крестьянин, сирота, поэт, жалкий...*

БЕДНОСТЬ - *не порок, нищета, порок, богатство, старость, нужда, безработица, бомж, богатый, великая, в подвале, в стране, голод, холод, деревня, российская, СССР, трущоба...*

БЕДНЯК - *богач, нищий, бедный, крестьянин, бомж, милостыня, и богач, безденежный, старик, червяк, деревня...*

БЕДНЯГА - *бомж, бродяга, нищий, богач, неудачник, трудяга, безденежный, безработный, замерз, поэт, профессор, старик...*

БОГАТЫЙ - *бедный, кооператор, тоже плачет, дом, муж, толстый, бедняк, бездельник, бизнесмен, буржуй, вольво, дурак, жених, злой, капиталист, проклятый, машина, обокрасть, подлец, разгильдяй, сигара, сноб, спонсор, фورد...*

БОГАТСТВО - *деньги, души народа, несметное, власть, духовное, ад, бедность, Англия, беспроблемная жизнь, бизнес, вилла, дикое, роскошь, рабство...*

В РАС зафиксированы тенденции в российском обществе в конце 80-ых и в начале 90-ых годов XX-ого века. В первую очередь, кроме непосредственной связи концептов *бедный - богатый*, отмечаем их коннотации с лексемами, относящимися к **возрасту** (*старик*), **деревенской среде**

(крестьянин), с **негативизацией богатства** (*злой, толстый, бездельник*), с **материальными признаками** (*милостыня - вилла, вольво*), с **советским прошлым** и с некоторыми другими показателями, содержащими в себе вышеупомянутый семиотический признак крайностей в социальных противостояниях. В особенности, данные противостояния и их языковая фиксация стали распространяться при президенте Б. Н. Ельцине.

Как известно, он стал первым президентом России после ухода М. С. Горбачева со всех политических постов. Надежды российского общества, связанные с появлением Ельцина на политической сцене России (*единица гласности - один Ельцин*), изменились в его постепенную острую критику (*ельцинищина, ельциноиды*). При нем появились языковые концепты, содержащие в себе признаки социального разделения российского общества:

2. **ПРИВАТИЗАЦИЯ** - *ваучер, обман, квартиры, приватизация, бред, глупость, предприятия, грабеж, Ельцин, обдурчить, обманная, пошла, Чубайс...*

Концепт приватизация кроме экспрессивных лексем приобретает доминантные отрицательные оценки также посредством распространенного окказионализма приватизация, который вошел и в современные толковые словари русского языка. Получается также ассоциативная связь с антропонимами (*Ельцин, Чубайс*), и на их основе образуются существительные посредством двух продуктивных оценочных суффиксов *-щина* и *-ация* с известными историческими аналогиями:

3. *горбачевщина, ельцинищина, ельцинизация, чубайсизация, гайдаризация, ваучеризация - сталинищина, бериевщина, ежовщина, ждановщина, коллективизация, большевизация.*

Ю. Поляков критикует современное состояние культуры также посредством слова, образованного от фамилии министра иностранных дел при Ельцине Козырева, когда стали раздавать литературные премии Букера:

*Надо признать, позорная **kozyревщина**, да и многие другие «рокировочки», дают основания для такого недоверия. Узники **Букервальда** («ЛГ». 2005, № 28).*

Одним из самых представительных концептов современного социального противостояния в России является лексема *олигарх*. Нас заинтересовал факт ее отсутствия в РАС, хотя прослойка олигархов стала появляться

во второй половине 90-ых годов прошлого века. Концепт *олигарх* наделяется многосторонними отрицательными характеристиками:

4. *Шальные деньги олигархи вывозят за рубеж, строят шикарные офисы ..., а казна государственная становится пустой* («ЛГ». 2003, № 50–51).

Слово *олигарх* вступает в синонимические отношения со словом *слон*. На вопрос: *Надо ли преследовать олигархов*, видный политик И. Рыбкин отвечал:

5. *Я считаю, что эти люди, слоны от предпринимательства, должны не веревочку британскую, израильскую, американскую таскать, а таскать бремя российской экономики* («О». 2003, № 48).

Известные политики ищут себе поддержку общественности критическими высказываниями в адрес *олигархов*. Е. Примаков, бывший министр иностранных дел, дает им очень резкую характеристику:

6. *Олигарх – это не просто крупный предприниматель, это бизнесмен, который набивает карман за счет махинаций, который может поставить ножку сотоварищу, который стремится грубо лезть в политику, развращает чиновников и депутатов* («О». 2003, № 48).

В словацком контексте данное слово употребляется лишь по отношению к российским реалиям. Те же самые люди называются именно *крупными предпринимателями (velkopodnikatel’)*.

Наши страны прошли многими аналогичными историческими экспериментами. Постсоциалистические реформы вызывают в широких массах в преобладающем большинстве ассоциации подозрительности, недоверия и обмана. Символом их стали *прихватизация – uchmatizácia, олигархи – velkopodnikatel’ia, фонды – nebankovní subjekty*, которые кодируют незаконное разбогачение за счет доверчивых людей. Пирамидальные игры, в рамках которых их организаторы обещали 40-процентные прибыли своим вкладчикам, обернулись для многим простых граждан России и Словакии личной трагедией, так как они потеряли все свои сбережения. Черным юмором дышит русская частушка на мотивы народной песни и реплика известного словацкого артиста М. Дочоломанского (STV 1, Ranč, 24. II. 2004):

7. *Во саду ли в огороде,
Жаба громко квакала.
Надурил меня Мавроди,
А я горько плакала.*

Obyčajnému človeku sa oplati investovať len do pálenky – iba tam má istých 40 percent.

Но вместе с отрицательной языковой картиной *олигархов* в прессе «либерального» толка рисуется совершенно другая картина, вызывающая к ним симпатии, сострадание, ищутся продуманные аналогии с опасным сталинизмом, жертвами которого были такие же «невинные» люди, как современный олигарх *Ходорковский*, которых *пускали под следственный конвейер*:

8. *В Самаре ЮКОС пустили под следственный конвейер. Уголовные дела грозят всем руководителям компании* («НГ». 4. 2. 2004).

Оказывается, что и Русская православная церковь включилась в борьбу против олигархов:

9. *Церковь благословила на борьбу с олигархами* («ЛГ». 2003, № 11).

Во многих СМИ остро осуждается другой олигарх *Абрамович*, особенно после того, как купил лондонский футбольный клуб «Челси». Либералы вызывают к нему симпатии и утверждают, что именно благодаря тому, что он покупил «Челси», образ русских в Англии резко поменялся в позитивную сторону:

10. *За что любят Абрамовича в Англии. Самая российская команда в Европе. Раньше синонимом слова «русский» было слово «мафия», теперь «инвестор». Абрамович стал «человеком года» в Лондоне* («НГ». 4. 2. 2004).

Слово *олигарх* концептуализируется даже относительно российской истории. Описывая события, связанные с Куликовской битвой, В. Тихомиров (2005) употребляет такие современные единицы:

11. *Сражение за налоги. Как сепаратист Донской помог хану Золотой Орды наказать олигарха-беспредельщика Мамаю. Русский талибан* (представители русской православной церкви) («О». 2005, № 26).

В связи с эпохой президента Ельцина русское слово *семья* стало приобретать смысл *клан*. Этим смысловым эхом оно отзывается и в наше время и представляет собой самый острый антагонизм, так как *семья*, это, в первую очередь, приближенные к Ельцину люди, разбогатевшие при не совсем легальных обстоятельствах.

12. *Наиболее успешные проводники передовых идей, получив власть, получили заодно миллионы долларов и лучшие предприятия плюс природное богатство – достаточно было приблизиться к «семье»* («ЛГ». 2005, № 33).

Монетизация льгот стала в конце 2004 и в начале 2005 гг. **языковым прикрытием** мероприятий российских властей, в рамках которых отмени-

ли *льготы* миллионам людей. Больше всего это вызывало негодование среди пенсионеров, сотни тысяч которых вышли на митинги и острые демонстрации против властей. Обнищание масс, с одной стороны, и баснословное богатство у представителей власти и ее покровителей, со стороны другой, вызвало реплики:

13. *Пир во время чумы* («НС». 2005, № 7 – пример заимствован из НГ).

Но на этот раз покорность простых россиян не оправдала свои надежды и начались массовые акции протеста с пением, лозунгами, которые останутся языковым свидетельством этого острого социального конфликта:

14. *Возбужденная толпа с пением «Пусть ярость благородная, вскипает, как волна...» перекрыла центральный проспект* (из самой знаменитой военной песни *Священная война*). *Долой ГРЕФормы!* (Греф – министр финансов). *Льготы верните, а сами валите!* («НС». 2005, № 7).

Словесные коды современных социальных полюсов могут быть выражены в лексемах *олигарх* и *бомж*, и их может сближать горе, плач, как показывает известный телесериал *Богатые тоже плачут*:

15. *Богатые тоже плачут, а честной бедности своей стыдиться не надо. Красивые лозунги, не правда ли? Исходя из них, олигархов стоит уравнять с бомжами и тем самым навсегда утвердить принцип социальной справедливости* («ЛГ». 2005, № 33 – С. Казначеев пародирует смысл некоторых текстов известного певца Макаревича).

Слово *олигарх* относительно своего первичного значения деформируется. Еще у Пушкина оно вызывает положительные, возвышенные ассоциации:

16. *Ей нравится порядок стройный,*

Олигархических бесед,

И холод гордости спокойной,

И эта смесь чинов и лет (Словарь языка Пушкина, том 3, с. 126).

В рамках упомянутых русских крайностей применительно к современным социальным противостояниям можно привести несколько аксиологических пар:

17. *Олигарх - бомж (обомжествленная наука), приватизация - прихватизация, льготы советских времен - монетизация льгот (ГРЕФормы), новые русские, ходорковские, березовские, гусинские, абрамовичи, чубайсы, нувориши) - старые русские (совки), баксы, зеленые - деревянные, Одни на Канарах - другие на нарах.*

Итак, нами подобранные примеры показывают не только деформацию в социальных отношениях, но и заметно деформирующий первичный смысл конкретных языковых единиц.

Сокращения:

ЛГ - «Литературная газета», НС - «Наш современник», НГ - «Независимая газета», О - «Огонек».

Использованная литература

- Брилева, И. С., Вольская, Н. Г., Гудков, Д. Б., Захаренко, И. В., Красных, В. В.: *Русское культурное пространство*. Лингвокультурологический словарь. Москва, «Гнозис» 2004.
- Воробьев, В. В.: *Лингвокультурология. Теория и методы*. Москва, Изд-ство Российского университета дружбы народов 1997.
- Казинцев, А.: *Менеджер Дикого поля*. «Наш современник» 2005, № 7, с. 28–31.
- Мелихов, А.: *Оружие отставших*. «Литературная газета» 2005, № 32, с. 4.
- Русский ассоциативный словарь* (Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов). Том I. От стимула к реакции. Российская академия наук, Москва, АСТ. Астрель 2002.
- Словарь языка Пушкина*. Российская академия наук. ИРЯ им. В. В. Виноградова. Москва, «Азбуковник» 2000.
- Тихомиров, В.: *Сражение за налоги*. «Огонек» 2005, № 26, с. 28–31.

Key words:

linguistic picture, history of the present days, associations, negative, oligarch, family, transformations, social changes

Summary

Linguistic Picture of History of Present Days

In this work linguistic units, coding the present social antagonisms, are being analyzed. The main sources of these units have been Russian and Slovak mass media. In the centre of our attention there are lexemes, which create associations with the above – mentioned social phenomena. We are speaking

about those lexemes, such as: “oligarch”, “semja” and others, which bear clearly negative connotations in relation to present events. Originally positive meaning of these linguistic units is changed into negative under the influence of negative social phenomena.

ПРОБЛЕМАТИКА МЕТОДИЧЕСКОЙ ОШИБКИ В ПОДБОРЕ И СПОСОБЕ ПРИМЕНЕНИЯ УПРАЖНЕНИЙ, ФОРМИРУЮЩИХ УМЕНИЕ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Иоанна Смола, Польша, Жешув

Работа учителя – это сложный процесс, требующий многих знаний, умений, опыта, а также – определённых индивидуальных способностей.

В такой сложной системе неизбежным является выступление ошибки, в том числе – методической ошибки.

Под термином «методическая ошибка» будем понимать такое дидактическое поведение учителя, которое в целом или частично не ведёт к реализации главных целей урока.¹

В настоящей статье представим проблему методической ошибки, касающейся подбора и применения упражнений в говорении на начальном этапе обучения.

Методические ошибки, касающиеся упражнений в говорении на начальном этапе

А. Методические ошибки в подборе упражнений

1. Отсутствие подразделения упражнений в говорении на предкоммуникативные и коммуникативные

Непосредственный переход к коммуникативным упражнениям без предкоммуникативных упражнений считается неправильным с методической точки зрения, так как он не даёт возможности постепенно увеличивать трудности в обучении говорению.

¹ J. Kulpa, W. Pasterniak, *Analiza błędów w prowadzeniu lekcji języka polskiego poświęconych omawianiu lektury* [w:] pod red. W. Pasterniaka, *Metodyczne błędy nauczycieli w prowadzeniu lekcji języka polskiego*, WSP i Okręgowy Ośrodek Metodyczny w Rzeszowie. W. Okoń, *Słownik pedagogiczny*, PWN, Warszawa 1975.

2. *Применение неправильной последовательности упражнений предкоммуникативных и коммуникативных*

Применение предкоммуникативных, и в дальнейшем – коммуникативных упражнений даёт учащемуся возможность более убеждённо и более эффективно общаться на данном языке, так как они вводят его постепенно в процесс коммуникации.

3. *Отсутствие связи между предкоммуникативными и коммуникативными упражнениями*

Языковой материал, **находящийся** в обеих группах упражнений, должен быть.

4. *Отсутствие связи между коммуникативными упражнениями и языковыми умениями учащихся*

Следует так подобрать данные упражнения, чтобы совпадали они с умениями учащихся. В таком случае они дают им возможность продуктивно использовать языковые умения в процессе коммуникации.

5. *Отсутствие связи между коммуникативными упражнениями и интересами учеников*

Тематическая связь коммуникативных упражнений с интересами учащихся даёт возможность эффективно обучать говорению.

Б. Методические ошибки в способе применения упражнений

1. *Неправильный темп работы*

Как вытекает из наших наблюдений, слишком медленный темп работы понижает уровень внутренней мотивации учащихся – они выполняют порученное им задание либо непосредственно, и в дальнейшем – ожидая момента контроля – неэффективно используют время; либо не принимаются выполнять непосредственно данное задание, делая в своей работе ненужные перерывы, что также не способствует – в данном случае – процессу обучения.

2. *Отсутствие градации трудностей в выполняемых заданиях*

Постепенное увеличение трудностей способствует эффективному обучению говорить на иностранном языке.

3. *Монотипичность форм и техник работы*

Результаты обучения в большей степени зависят также от многотипичности и привлекательности применяемых техник и форм работы.

4. *Работа учителя только с некоторыми учащимися*

С дидактической точки зрения является недопустимым работать только с избранными учащимися.

Результатом такой работы является неоднородный уровень в обучении говорению учеников.

5. *Неправильная планировка работы в группах*

Из наших наблюдений вытекает, что учителя, подразделяя учеников на группы, учитывают прежде всего размещение учащихся в зале. Таким способом, процесс подразделения происходит быстро и без недоразумений.

Однако, следует сказать, что вышеуказанный способ является чаще всего неэффективным в дальнейшем процессе работы. В так подобранных группах находятся ученики на почти одинаковом уровне владения языком, или ученики, которые неодинаково эффективно работают.

6. *Неправильное объяснение способа выполнения задания учащимися*

Нам часто приходилось смотреть уроки, на которых учитель неоднозначно объяснял способ выполнения данного задания. Иногда такое объяснение сводилось к подаче страницы и номера задания.

7. *Неправильный контроль задания, выполненного учащимися*

Из наших наблюдений вытекает, что способ проведения контроля задания, выполненного учащимися, доставляет учителям много затруднений. Трудно проверить всех, учитывая количество учащихся в классе, трудно исправить все ошибки у каждого ученика.

Важно, чтобы во время контроля у данного учащегося (или у данной группы учащихся) остальные слушали внимательно и одновременно старались исправить ошибки в своих работах.

8. *Отсутствие активизирующих техник*

На тему активизирующих техник высказываются многие методисты.²

² Е. И. Василенко, В. В. Добровольская, *Методические задачи по русскому языку*, «Златоуст», Санкт-Петербург, 2003

В. В. Копылова, *Методика проектной работы на уроках английского языка*, ДРОФА, Москва 2004

Н. Коморовска, *Ćwiczenia komunikacyjne w nauce języka obcego*, WSiP, Warszawa 1988

Известным является факт, что отсутствие активизирующих техник не способствует процессу обучения, особенно – обучению говорить на данном иностранном языке.

Отсутствие стимула в процессе говорения способствует неохотному и ненатуральному формированию высказывания.

Представим теперь частотность выступления данной методической ошибки на 120 осматриваемых нами уроках русского языка в средней школе.

Сверху представлены ошибки символами (А1, А2 и т. д.), внизу – представлено количество уроков, на которых выступила данная ошибка.

Ошибка	А1	А2	А3	А4	А5	Б1	Б2	Б3	Б4	Б5	Б6	Б7	Б8
Частотность выступления	42	36	21	38	43	28	32	63	56	41	33	45	58

Из наших наблюдений вытекает, что больше затруднений доставляет учителям способ применения упражнений в говорении, что – в дальнейшем – ведёт к возникновению большего количества методических ошибок в данной группе.

Выступающей чаще всего методической ошибкой является монотипичность форм и техник работы – она выступила на 63 осматриваемых нами уроках, дальше – отсутствие активизирующих техник – 58 уроков, и – в дальнейшем – работа лишь с некоторыми учащимися – 56 уроков.

Меньше всего затруднений доставляет учителям применить такой способ подбора упражнений, чтобы существовала связь между предкоммуникативными и коммуникативными упражнениями – данная ошибка выступила на 21 уроке.

Подытоживая, следует сказать, что работа над формированием умения говорить по-русски, проявляющаяся в подборе упражнений, доставляет учителям менее затруднений, чем способ применения в практике данных упражнений.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что формирование умения говорить на данном иностранном языке является процессом сложным, требующим много усилий как со стороны учителя, так и со стороны учащегося.

Использованная литература

- Азимов, Э. Г., Шукин, А. Н. *Словарь методических терминов*, «Златоуст», Санкт-Петербург 1999.
- Василенко, Е. И., Добровольская, В. В. *Методические задачи по русскому языку*, «Златоуст», Санкт-Петербург, 2003.
- Комогоwska, H. *Ćwiczenia komunikacyjne w nauce języka obcego*, WSiP, Warszawa 1988.
- Копылова, В. В. *Методика проектной работы на уроках английского языка*, ДРОФА, Москва 2004.
- Kulpa, J., Pasterniak, W. *Analiza błędów w prowadzeniu lekcji języka polskiego poświęconych omawianiu lektury* [w:] pod red. W. Pasterniaka, *Metodyczne błędy nauczycieli w prowadzeniu lekcji języka polskiego*, WSP i Okręgowy Ośrodek Metodyczny w Rzeszowie.
- Окоń, W. *Słownik pedagogiczny*, PWN, Warszawa 1975.
- Rutkowiak, J. *Błędy dydaktyczne początkujących nauczycieli*, GTN, Gdańsk 1974.

Summary

The problem of methodological mistake refers to the whole Teaching-Learning process. In this article the problem has been shown as an aspect - the group of methodological mistakes, relating to speaking training, especially in the method of choosing and applying speaking exercises.

«Кл@ССНО!» – НОВЫЙ ДИДАКТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Барбара Хлебда, Польша, Ополе

Изменение условий, целей и программ преподавания русского языка как иностранного привело к появлению новых учебников русского языка. В настоящее время на польском рынке существует несколько учебников русского языка для каждого этапа обучения. От этих учебников дидактический комплекс «Кл@ССНО!» отличается новаторскими решениями и полностью отвечает требованиям, предъявляемым к учебникам нового поколения.

Серия «Кл@ССНО!» предназначена для учеников польской гимназии, при обучении русскому языку на начальном этапе. Польская гимназия представляет собой вторую ступень трёхступенчатой школьной системы образования (6-летняя начальная школа + 3-летняя гимназия + 3-летний лицей); возраст учеников – 13–16 лет, что соответствует VII, VIII, IX классам общеобразовательной 11-летней школы в России.

В настоящей презентации хотим представить некоторые новые решения, которые нашли воплощение в рассматриваемой серии.

1 Структура дидактического комплекса «Кл@ССНО!»

1.1 В распоряжении ученика должен находиться учебник и его неотъемлемая часть – рабочая тетрадь. Основной дидактической единицей обеих частей является так называемый «разворот», содержащий, как правило, материал двух уроков. Разворотом названы две соседние страницы в развёрнутом виде, благодаря такому решению весь презентуемый материал единицы ученик постоянно держит в поле зрения. Дидактический материал учебника и рабочей тетради предусмотрен для реализации во время 60 уроков (2 урока в неделю).

1.2 Кроме учебника и рабочей тетради в состав серии «Кл@ССНО!» входит книга для учителя. Пособие содержит учебник, в каждый разворот которого вставлен своего рода «вкладыш» с подробным сценарием урока. В начале каждого сценария даётся в рамке подробная информа-

ция о содержании данной методической единицы согласно следующим пунктам: словарный материал, грамматика, произношение, аудирование, говорение/интеракции, письмо. Ниже шаг за шагом описаны действия учителя на уроке. Учитель получает необходимый комментарий, подробное описание всех упражнений из учебника и рабочей тетради, ключи ко всем упражнениям, домашние задания, дополнительные материалы, в том числе контрольные тесты. На каждой странице имеются широкие поля, и учитель после проведённого урока может поместить здесь свои замечания, предложения.

1.3 Первая часть комплекса «Кл@сно! 1», изданная в 2004 году, состоит из девяти вводных уроков, размещенных на 9 разворотах; шести разделов основной части – каждый из них состоит из 3 уроков-разворотов; трёх повторительных уроков: после вводной части и после III и VI разделов основной части; грамматического комментария; русско-польского словаря. Структура рабочей тетради «повторяет» структуру учебника и является неотъемлемой частью комплекса. Вторая часть комплекса «Кл@сно! 2», изданная в 2005 году, состоит из девяти разделов, каждый из которых содержит 3 урока-разворота; трёх повторительных уроков после III, VII и XI разделов; грамматического комментария; русско-польского словаря. Последняя часть серии, «Кл@сно! 3», будет издана в мае 2006 года.

1.4 Хочется отметить такие «находки», как постоянные элементы в структуре каждого разворота: *Шпаргалка*, которая является итоговым проверочным компонентом типа «теперь ты знаешь!», «теперь ты умеешь!», что убеждает ученика в том, что его труд из урока в урок приносит заметные результаты, мотивируя тем самым школьника к дальнейшей учёбе; *Тебе письмо* – такое выделение наиболее важного грамматического материала в виде «электронного письма» позволяет привлечь внимание ученика и положительно влияет на процесс запоминания. Материал из *Шпаргалки* может стать составной частью языкового Портфолио ученика. Добавим в этой связи, что дидактический комплекс «Кл@сно!» отвечает европейскому стандарту языковых уровней А1.

2.1 «Глобальное» введение букв русского алфавита

В польской методической практике русский алфавит никогда не вводился полностью, а введение букв «порциями» приводит к тому, что ученики вынуждены употреблять слова, порой совсем непригодные для общения. Весьма затруднительно представить коммуникацию на любом языке, в процессе которой можно использовать, например, слова *трактор, барак*. В словаре «Система лексических минимумов современного русского языка 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов» под редакцией проф. В. В. Морковкина (Москва 2003) слова *барак* нет даже в X Списке 5000 самых важных русских слов, а слово *трактор* находится только в IV Списке 2000 таких слов. Таким количеством новых слов ученик не сумеет овладеть за три года обучения языку в школьных условиях. Совершенно непонятны предложения типа: – *Это барак?* – *Да, это барак; Это дом?* – *Да, это дом; У папы трактор, рыба и кредитная карта*. Трудно вспомнить или придумать соответствующую речеповеденческую ситуацию, в которой можно было бы использовать такой диалог. (Примеры почерпнуты из современных, можно даже сказать – новейших, учебников русского языка для поляков.)

2.2 Учитывая вышесказанное, мы пришли к убеждению, что русский алфавит следует вводить полностью, и сразу же на первом уроке. На очередных 9 уроках периода, который называем вступительным, на полях каждого разворота учебника и рабочей тетради помещается *Алфавит*. В нашем Алфавите очередные русские буквы «стоят» в начале таких общих для польского и русского языков слов, как: *адидасы, видео, кассета, робот, фанта, элита, чат...* Мы подбирали слова не только одинаковые по значению, но и имеющие, как все слова в польском языке, ударение на предпоследнем слоге. Благодаря этому ученик без труда понимает слова, а его внимание сосредоточено на графическом образе буквы, и он сразу читает и записывает «полноценные» слова.

2.3 Благодаря описанному приёму, учителю не нужно обучать написанию букв, которые имеются в польском алфавите. Мы считаем, что учитель не вынужден также обучать учеников чистописанию: ученик в возрасте 13 имеет уже вполне сложившийся почерк, учителю важно, чтобы учащийся разборчиво записал прочитанный, услышанный или собственный текст.

3.1 Героями серии «Кл@сно!» являются ученики Московской гимназии № 1567. Впервые героями учебника стали «настоящие» ученики, ровесники наших гимназистов, благодаря чему весь учебник становится аутентичным и увлекательным рассказом о жизни российских ровесников наших гимназистов. На сайте гимназии № 1567 <http://schools.techno.ru/sch1567> (раздел *Друзья*, подраздел *Польша*) помещена история знакомства авторов с учениками гимназии.

3.2 Авторы считают, что польскому гимназисту интересно будет констатировать, что мироощущение его российского сверстника ему очень близко. В наше «глобальное» и «компьютерное» время молодёжь слушает ту же музыку, смотрит (в одно и то же время!) те же фильмы, читает те же книги (феномен „Harry Pottera” не миновал и Россию), увлекается теми же компьютерными играми и с такой же страстью бродит по Интернету.

4.1 Следует обратить внимание на художественное оформление комплекса, особенно на аутентичные фотографии учеников, сделанные нами во время неоднократных встреч в московской гимназии. Обилие культурологического материала – авторские фотографии Москвы, Санкт-Петербурга, русских сувениров и многое другое – всё это делает учебник не только красочным, занимательным, но и неповторимым.

4.2 Дидактические материалы, содержащиеся в серии «Кл@сно!», дополнены актуальными интернет-адресами, что делает «Кл@сно!» более современным учебником, отвечает интересам и потребностям современных учеников, для которых пользование компьютером – уже обиходная реальность. Электронный адрес московской гимназии используется уже на 7 уроке gimn1567@col.ru, все желающие могут переписываться со своими московскими ровесниками, вначале переписка может состояться на других иностранных языках. Интернет-адреса, помещённые в учебнике, должны способствовать овладению русским языком, русский язык может стать средством в приобретении нужной информации. В учебнике имеются, например, такие упражнения: Зайди на сайт www.transsib.ru и напиши по-польски, что тебя больше всего заинтересовало. На официальном сайте президента России www.kremlin.ru/articles/state_insignia_02_3.shtml вы можете прочитать слова и послушать гимн России.

5 Мультимедийное приложение к комплексу представляет собой презентации, выполненные в программе PowerPoint, оно в виде бонуса предлагается учителям, работающим с комплексом «Кл@сно!». К первой части «Кл@сно!» составлены три презентации: две для повторения и закрепления лексики по 2 темам *Профессия* и *Хобби*; посвящённая самому популярному русскому сувениру – матрёшке. Мы, авторы серии «Кл@сно!», хотим, чтобы русский язык стал наравне с западными языками школьным предметом, выбираемым учениками, хотим доказать, что в нашей глобальной деревне все мы можем приобретать знания и умения с помощью иностранного языка. Молодые люди сами прекрасно знают, что знание иностранных языков в настоящее время ценится выше всего. Мы не должны ждать, пока с запада к нам придёт мода на русский язык. Молодые люди, не обременённые прошлым, сами хотят учить русский язык уже теперь. Такую задачу, естественно, облегчает хороший учебник, и мы выражаем убеждение, что с нашим учебником в руках справиться с этой задачей будет легче.

Использованная литература

- Chlebda B., Danecka I.: Кл@сно! 1. Język rosyjski dla gimnazjum. Podręcznik, Wydawnictwo Szkolne PWN, Warszawa 2004.
- Chlebda B., Danecka I.: Кл@сно! 1. Język rosyjski dla gimnazjum. Zeszyt Ćwiczeń, Wydawnictwo Szkolne PWN, Warszawa 2004.
- Chlebda B., Danecka I.: Кл@сно! 1. Język rosyjski dla gimnazjum. Książka dla Nauczyciela, Wydawnictwo Szkolne PWN, Warszawa 2004.
- Chlebda B., Danecka I.: Кл@сно! 2. Język rosyjski dla gimnazjum. Podręcznik, Wydawnictwo Szkolne PWN, Warszawa 2005.
- Chlebda B., Danecka I.: Кл@сно! 2. Język rosyjski dla gimnazjum. Zeszyt Ćwiczeń, Wydawnictwo Szkolne PWN, Warszawa 2005.
- Chlebda B., Danecka I.: Кл@сно! 2. Język rosyjski dla gimnazjum. Książka dla Nauczyciela, Wydawnictwo Szkolne PWN, Warszawa 2005.

Key words:

modern didactic set designed to teach Russian language in secondary school, holistic introduction of the Russian alphabet, authentic characters, multimedia teaching materials

Summary

Кл@ссно! is a modern didactic set designed to teach Russian language in secondary school. The set includes a textbook linked with a workbook, and a teacher's book providing ready scenarios to all of the lessons. The Russian alphabet introduced holistically from the very beginning or the characters being, real students from Moscow's secondary school – these are only few among many new interesting propositions used in the set *Кл@ссно!* is organized according to the standards of A1/B1 European Level language educational description.

Two parts of the textbook have already been released (2004, 2005), the third one will be available in 2006.

МЕТОДИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В БИЗНЕС-ОБЩЕНИИ

Изабелла Хазагерова, Россия, Москва

Теория коммуникативных неудач возникла в контексте интереса к речевым актам и проблемам общения в системе «человек – машина». В результате выработался атомарный подход к проблеме, когда в поле зрения оказывается единичный коммуникативный акт и компоненты информационного процесса (адресант, адресат, канал, код, сообщение и референт). Ср. современное словарное определение коммуникативной неудачи: *ситуация, когда коммуникативный акт не достигает коммуникативной цели, поскольку нечто в процессе коммуникации происходит неправильно. Например, высказывание, не будучи само по себе ложным, оказывается неуместным, неинтересным или непонятным* [Иванов, с. 251].

При таком подходе упускается из внимания дискурс, частью которого является данный коммуникативный акт. В то же время ключ к пониманию природы коммуникативной неудачи и поисков алгоритмов к ее устранению в ряде случаев лежит именно в дискурсе, за пределами коммуникативного акта. Одним из таких случаев является межкультурное общение. Коммуникативные неудачи, возникающие здесь, удобнее типизировать и устранять не в рамках единичных актов, а в рамках ситуаций, фреймов общения. Уже в идее создания словарей «ложных друзей переводчика» проявилась попытка предвидеть коммуникативные неудачи, возникающие под влиянием давления родного языка. Впоследствии в связи с ростом популярности гипотезы Сепира – Уорфа возникло целое исследовательское направление, поддерживающее межкультурное общение по линии адекватного использования лингвистических, а также паралингвистических средств. При таком понимании *в центре внимания находится то обстоятельство, что различия в интерпретации могут быть заложены как в структуре языка, так и в его систематическом использовании (дискурсе)* [Елизарова, стр. 45].

В самом деле, в кросс-культурном общении возникает то, что можно назвать семантическим акцентом – давление национальной картины

мира на языковое поведение, когда говорящий вынужден объясняться на неродном языке или вынужден учитывать ассоциации инокультурных слушающих, даже когда сам он говорит на родном языке. При этом если фонетический акцент замечен, а потому редко приводит к коммуникативным неудачам, то семантический акцент, как правило, и проявляется гораздо сильнее и выявляется далеко не всегда. Если принять известное положение Ч. Филлмора [Fillmore, p. 114] о том, что *слово тащит сцену*, то придется признать, что сцена определяется дискурсивными привычками данной культуры, поэтому адекватно распознать эту сцену можно не всегда, тем более, что результат коммуникативной неудачи – поведенческая реакция – проявляется не сразу.

По-видимому, в современном мире, в эпоху глобализации, проблема межкультурного общения острее всего стоит в сфере бизнеса. Здесь коммуникативные неудачи обходятся дорого в прямом смысле этого слова. Скажем, в ходе коммерческих переговоров широкое использование примеров, в качестве убеждающего аргумента (в риторике Аристотеля – парадигма), как правило, вызывает у русскокультурного человека настороженность и может привести к срыву сделки.

Положение облегчается тем, что при острой необходимости успешной межкультурной коммуникации в сфере бизнеса, здесь есть факторы, значительно облегчающие выявление и предупреждение коммуникативных неудач. Это, во-первых, исчислимость ситуаций бизнес-общения и, во-вторых, прагматическая прозрачность и верифицируемость коммуникативных целей.

В самом деле, бизнес-общение сводится к двум группам ситуаций. Это коммерческие переговоры между поставщиком и клиентом, состоящие из таких стадий, как телефонные переговоры, личные встречи, презентации, коммерческие предложения, заключение сделки, постпродажная работа с клиентом, ситуации внутрикорпоративного общения, связанные с управлением, контролем, организацией, планированием, мотивацией, обучением, делегированием и т. д.

Прагматическая прозрачность в бизнес-общении позволяет не задаваться трудно разрешимыми семантическими вопросами и устранять коммуникативные неудачи, оставаясь в поле прагматики. Например, вместо того, чтобы разбираться в причинах различий в значении русского слова *друг* и английского слова *friend*, как это делает в известных работах А. Вежбицкая, в бизнес общении достаточно знать прагматические

следствия из семантических различий применительно к типичным для бизнеса случаям (скажем, из обращения *friend* со стороны руководителя, не следует делать вывод о том, что подчиненный может рассчитывать на особое к себе расположение).

При прагматической ясности и исчислимости ситуаций в бизнес-общении главная проблема межкультурной коммуникации остается: *в силу того, что носители культуры применяют большинство ее постулатов интуитивно, не осознают своих привычек и предпочтений, воспринимают их как единственно возможные, их картина мира не может быть выявлена через посредство исследований на базе вопросов и ответов и должна анализироваться на основе систематических наблюдений над лингвистическими моделями* [Whorf, 259]. Все это наводит на мысль об использовании деловой игры для разрешения этой проблемы.

В своей работе по оптимизации бизнес-общения в фирме Zepter International мы использовали следующий алгоритм.

Выявив набор коммуникативных ролей и тем, мы воспроизвели различные ситуации в ходе созданных нами бизнес-игр. После проведения тура игры модератор предлагает участникам высказываться в свободной форме о том, как прошла игра, какие моменты оценены участниками как коммуникативный успех, а какие как коммуникативные неудачи. При этом сама беседа модератора с участниками проводится по методике, известной в социологических опросах как методика фокус-групп (Подробное описание см.: [Белановский]). На базе протокола фокус-групп делаются выводы и вырабатываются рекомендации, которые включаются затем в раздаточный материал. После этого с теми же участниками проводится новый тур игры. С каждым новым тренингом база примеров и выводов расширяется, а участники все реже попадают в ситуацию коммуникативной неудачи.

Нам представляется, что такая методика, опирающаяся на фреймовую структуру общения и рефлекссию, следующую за практикой общения, а не предшествующую ей, как это бывает при анализе семантики слов и выражений, вполне адекватна объекту. Нами, например, было установлено, что при общении одного говорящего с русскоязычной группой (роли тренинг менеджера и продавцов, тема – обучение продажам) пассивность аудитории не должна восприниматься говорящим как непонимание или отсутствие интереса к теме. Ясно, что к подобному выводу, имеющему

практическую ценность при межкультурном бизнес-общении, сложно прийти, отталкиваясь от семантики слов или выражений.

Использованная литература

Иванов, Л. Ю.: *Коммуникативная неудача* // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник, М., 2003.

Елизарова, Г. В.: *Культурологическая лингвистика. Опыт исследования понятия в методических целях*, СПб., 2000.

Fillmore, Ch.: *Topics in Lexical Semantics* // Current Issues in Linguistics / Ed. by R. W. Cole. Bloomington, 1975. P. 76–138.

Whorf, B.: *Language, thought and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf* / Ed by J. B. Carroll. Cambridge, 1956. P. 246–270.

Белановский, С. А.: *Метод фокус-групп*. М. 2001.

Key words:

communicative failure, business communication, trainings, focus groups

Summary

Overcoming of communicative failures has recently become very important in the sphere of cross-culture communication, particularly in business. In this article we propose the method of trainings as one of the effective means against communication failures in business.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ УФЫ (НОВЫЕ НАЗВАНИЯ НА УЛИЦАХ ГОРОДА)

Евгения Яковлева, Российская Федерация, Уфа

Язык современного города чутко отозвался на преобразования в общественной сфере. Особенно значительный приток лингвоматериала наблюдается в последние полтора десятка лет. Так, к примеру, ономастическое пространство Уфы значительно расширилось за счет бурного роста названий частных предприятий торговли, питания, фирм и объединений, открытых и закрытых акционерных обществ (ОАО, ЗАО), компаний, банков, товариществ с ограниченной ответственностью (ТОО) и пр.

Новые названия – урбонимы (от лат. *urbs* город) – представляют собой имена собственные, так как присваиваются объекту индивидуально и в силу объективных и субъективных причин. *«Если вещь поименована, – писал А. Ф. Лосев, – это значит, что кто-то где-то и притом как-то выделил ее из окружающего мира, наделил какими-то признаками, помыслил о ней и зафиксировал, что она есть именно она, а не что-нибудь другое»* (Лосев, 1993, 873).

Проблемами номинации как целенаправленной деятельности по созданию новых имен занимались многие отечественные языковеды: В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. В. Щерба и др. Они изучали взаимодействие языка и мышления, речевой деятельности, анализировали признаки, лежащие в основе номинации. Современные лингвисты (И. В. Крюкова, В. В. Колесов, Р. Ю. Намитокова, Е. О. Орлова, Е. В. Шилова и др.), продолжившие классические традиции отечественного языкознания, подчеркивают, что ономастиологический подход к исследованию средств обозначения объектов внеязыковой действительности обусловлен прежде всего особенностями функционирования языка и предполагает выход за пределы внутриязыковых отношений в область внеязыковой действительности.

Тенденция к выделению городских и сельских объектов особыми знаками существовала и раньше, но была (по причине невысокой гра-

мотности населения) рисуночной или символичной: *крендель* как знак булочной, *сапог* на сапожной мастерской, *зеленая елка* около питейного заведения (отсюда жаргонное – *Иван Елкин* – трактир). Функционировали и вывески, которые сообщали о назначении заведения и фамилию его владельца. В дореволюционной России весьма часто фамилии знаменитых купцов становились своего рода «брендами», т. е. торговыми марками: *Икра от Елисеева; торт от Филиппова, серьги от Фаберже* и пр. До 1985 г. в Советском Союзе область урбонимов оставалась практически за пределами внимания лингвистов, так как названия предприятий давались по нескольким хорошо отработанным схемам. Во-первых, значительный массив названий составляли аббревиатуры: *ЗИЛ, КамАЗ, БелАЗ, Башметаллнефтехим*. Название-аббревиатура часто включало три компонента: указание на географическое положение, вид продукции и форму организации производства (завод, объединение и пр.): *УМПО* (Уфимское моторопроизводственное объединение). Современные названия иногда несут отголоски прежних традиций, но включают в свой состав новые композиты: *АИС+, ПИ+, Евростиль, Уфа-вита*. Во-вторых, названия, к примеру, магазинов, мастерских и т. п. обозначались, в основном, по предмету торговли, услуг и зачастую различались только номерами: *«Продукты. Магазин № 26», «Булочная № 3», «Баня № 5»*.

«Ономастический бум», начиная с конца 80-х годов XX века, активизировал номинативно-коммерческое творчество населения (нами были зафиксированы более 2500 наименований). Анализ урбонимов позволил отметить яркое разнообразие лексических пластов, встречающихся среди новых названий города, и даже некоторую «филологическую изошренность», проявленную при их составлении. Названия представляют собой своего рода «сюжет», пронизывающий городской текст, если понимать термин «сюжет», по Б. В. Томашевскому, как *«переход от одной ситуации к другой»*. «Плотность» расположения названий в городском пространстве и степень их выраженности неодинакова в разных районах многонациональной Уфы, где можно встретить имена, относящиеся к разным языкам: например, в одном здании Демского района Уфы соседствуют магазин промышленных товаров *«Freundschaft»* (нем. дружба), мини-рынок *«Алтын»* (тюрк. золото) и магазин *Демский* (по названию реки).

В основу классификации названий коммерческих предприятий и организаций могут быть положены разные признаки: семантические, генеалогические, структурные и пр.

С позиции генеалогической классификации бросается в глаза тот факт, что характерной особенностью ономастического пространства Уфы является наличие разного рода тюркизмов (в тексте статьи они даны в русской орфографии): *Азык-тулек/Продукты, Балык/Рыба, Икмек/Хлеб*. Это объясняется, во-первых, законом о государственных языках Республики Башкортостан, на которых должны быть выполнены все вывески (т. е. на русском и башкирском); во-вторых, языковой мозаикой многонационального города, в котором находят себе место слова самых разных языков – славянских, тюркских, романо-германских, финно-угорских и прочих: *Аленушка, Акбузат (крылатый конь), Big Star, Блиц, Бонус, Диамант, Зингер, Золотой лес, Levi's, Mazda, Ляля-Тюльпан, Phillips, Peugeot, Reebok, Second hand, Сябры, Сакмар, Фiesta и пр.*

Семантическая классификация позволяет выявить следующие группы урбонимов:

1. Названия, фиксирующие имена исторических личностей: хоккейный клуб «*Салават Юлаев*», юридическое агентство «*Агата Кристи*», салон красоты «*Клеопатра*», магазин антиквариата «*Николай II*», парикмахерская «*Наполеон*».

2. Названия, связанные с именами хозяев, родных, близких, так как номинаторы, объясняя слово, отвечали, что «так зовут меня, брата, дочь, жену и пр.» Эта группа самая многочисленная, и в ней представлены: а) тюркские мужские и женские имена – *Айгуль, Азамат, Айдар, Гузель, Зифа, Лейсан, Мурат, Чулпан, Юлай*; б) греческие, латинские, древнееврейские, западноевропейские и славянские мужские и женские полные и сокращенные имена: *Александра, Анна, Арина, Валентина, Злата, Леон, Людмила, Маргарита, Оливия, Светлана, Скарлет, Руслан, Сара, Степан, Эрнест*.

3. Названия-мифонимы, отражающие культурный пласт лексики (так называемые прецедентные имена), связанные с: а) собственно мифонимами (мифонимы, демонимы, теонимы, мифотопонимы): *Аврора, Гермес, Дионис, Зевс, Кассиопея, Эллада*; б) названиями литературных, сценических, музыкальных произведений, памятников и пр.: *Атлантида, Джоконда, Золотой ключик, Кармен, Маленький принц, Остров сокровищ, Пигмалион, Руслан и Людмила, Три толстяка*; в) именами литературных персонажей: *Ассоль, Белоснежка, Гулливер, Мальвина, Робинзон, Скарлетт, Фигаро*.

4. Названия-географизмы, характеризующиеся большим разнообразием, в основе которых лежат: а) географические объекты, находящиеся на территории Башкирии: горы – *Ала-Тау* (Пестрая гора), *Айташ* (Лунный камень); реки – *Сакмар*, *Агидель*, *Инзер*; города и поселки – *Акъяр*, *Бурзян*, *Дим*; б) географические объекты, находящиеся собственно в России и за ее рубежом: острова – *Ямайка*; страны – *Бельгия*, *Британия*; города – *Баден-Баден*, *Версаль*, *Кабул*, *Чикаго*; горы – *Арарат*, *Эверест*; реки – *Амазонка*, *Ниагара*.

5. Названия, связанные с флорой и фауной, как тюркские, так и собственно русские и заимствованные: а) птицы – *Карлугас*, *Беркут*, *Жаворонок*, *Пеликан*, *Сокол*, *Фламинго*, *Чайка*; б) животные – *Анаконда*, *Барс*, *Кит*, *Скорпион*, *Кобра*, *Крот*, *Соболь*, *Медведь*, *Панда*; в) насекомые – *Пчелка*; г) деревья – *Березка*, *Кипарис*, *Рябинушка*; д) цветы – *Жасмин*, *Незабудка*, *Орхидея*, *Эдельвейс*; е) плоды – *Апельсин*, *Манго*, *Орех*, *Ягодка*.

6. Названия-астрономы: *Ай* (луна), *Нур* (луч); *Галактика*, *Сатурн*, *Юпитер*.

7. Названия-минералы: *Алмаз*, *Бриллиант*, *Гранит*, *Жемчуг*, *Изумруд*, *Топаз*.

8. Названия, связанные с социальным статусом людей, профессиями и пр.: *Авиатор*, *Ваш доктор*, *Граф*, *Дантист*, *Издатель*, *Купец*, *Механик*, *Навигатор*, *Огородник*, *Печатник*, *Табиб* (доктор), *Трикотажница*, *Эколог*, *Энергетик*, *Ямщик*.

9. Названия, связанные с внешними характеристиками, оценками человека и т. д.: *Батыр*, *Ветеран*, *Гурман*, *Зоркий*, *Крепыш*, *Лакомка*, *Сластена*, *Эгоист*.

10. Имена, связанные с обобщенными названиями явлений природы, ландшафта, времени и пр.: *Берег*, *Белые ночи*, *Вошебная радуга*, *Долина*, *Звездопад*, *Лето*, *Метелица*, *Оазис*, *Сиреневый туман*, *Сезон*, *Урман* (лес), *Шаровая молния*.

11. Названия, отражающие специфику товаров: *Аяк* (нога – обувь), *Бабушкины беляшики*, *Бакса* (огород), *Винный погребок*, *Все для бильярда*, *Галерея окон*, *Громада мебели*, *Деловая литература*, *Камины*, *Краски XXI века*, *Мебель Черноземья*, *Саквояж*, *Цыплята-табака*, *Чудо-печи*, *Шкафчик & Диванчик*, *Чистая вода*, *Шторы*, *Электроника*.

12. Названия, отражающие идеологический пласт лексики: а) тюркские – *Азатлык* (тат. свобода), *Бердемлек* (башк. единство), *Дуслык* (башк.

дружба), *Мирас* (башк. наследие); б) собственно русские и заимствованные – *Держава, Идеал, Родина*.

Классификация наименований по их структурным особенностям и морфологическим признакам позволяет выделить: 1. Названия-слова, подвергаемые дальнейшей дифференциации: а) аббревиатуры по первым буквам слов: *АС* (Анна, Сергей), *АИС+*; б) слова, составленные из разных корней – *Автозапчасти, Строймаркет*; в) «цифронимы», составленные из цифр, – *072, 555, 2000*. 2. Названия-слова: а) однокорневые *Обувь, Хлеб*; б) составные – *Вятка-Сервис, Чай-Сервис*. 3. Названия, представляющие собой: а) заставшую падежную форму имени существительного – *На углу, На Новомостовой, У Насти, У Марата, У Мефистофеля*; б) глагольную форму – *Айда (зайдем), Заходи*. 4. Названия-словосочетания: а) прилагательное + существительное – *Золотая линия, Тропические аквариумы, Чистая вода, Школьные товары*; б) существительное + существительное в род. п. – *Азбука вкусов, Дом паркета, Мир антенн*; в) существительное + существительное в именительном падеже – *Отдых и лечение, Шрек и Жак*; г) местоимение + существительное – *Ваше величие, Мой дом, Твой выбор*; д) числительное + существительное – *12 стульев, 13-й кардан, 32 жемчужины, Четыре лапы*; е) союз + существительное – *Как дома*; ж) местоимение + глагол – *Я покупаю*. 5. Названия, включающие три и более слов: *На морском дне, Индустрия делового мира*. 6. Названия-фантомы, не поддающиеся расшифровке: *Дайра, Крэкс, Линта, Тин* и др.

Итак, языковой ландшафт Уфы представляет собой сложное ономастическое пространство, причем урбонимы характеризуются особой спецификой, связанной с их информативностью, экспрессивностью и аттрактивностью, или рекламностью. Именно этим названные лексические единицы отличаются от имени собственного, описываемого в аспекте синхронии только с позиции идентификации какого-либо объекта. Названия же, которые создаются в наше время, позволяют изучать их становление и типологию, так как в аспекте диахронии любое собственное имя «событийно», т. е. мотивировано, а сам процесс номинации как один из видов речевой деятельности есть результат предикации, суженный до рамок одной лексемы.

Использованная литература

- Крюкова, И. В.: *Пограничные разряды ономастики в современном русском языке*. АКД. Волгоград 1993.
- Колесов, В. В.: *Язык города*. М.: Высшая школа, 1993.
- Лосев, А. Ф.: *Вещь и имя // Лосев А. Ф. Бытие, Имя, Космос*. М.: Мысль, 1993.
- Намитоква, Р. Ю.: *Эргонимы как объект ономастики // Филология и журналистика*, 1999, 4.
- Орлова, Е. О.: *Картины мира в названиях новгородских улиц: Учебно-методические рекомендации*. Великий Новгород 2002.
- Шилова, Е. В.: *Эргонимы как социокультурный компонент лексики*. Омск 1998.

Key words:

the language of the city, onomastics, personal name, urbonim, the name of commercial enterprice, sociolinguistic, ets.

Summary

The article in question deals with onomastic space of the multinational city of Ufa. It offers the review of basic names of commercial enterprices.

D. FRAZELOGIE

ОТНОШЕНИЕ БОЛГАР К ГРЕКАМ В ПРОШЕДШИХ ВЕКАХ, ОТРАЖЕННОЕ В ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И ПАРЕМИЯХ

Зоя Барболова, Болгария, София

Многовековая вражда между Болгарией и Грецией, просуществовавшая почти до конца XIX века, отражается и на отношениях этих двух народов. Эта ситуация, и прежде всего негативное отношение болгар к грекам, нашло яркое выражение в ряде устойчивых словосочетаний в болгарском языке, часть которых представлены в этой работе.

Прямые контакты между болгарами и греками датируют с момента вступления славянских племен и древних болгар на Балканский полуостров. Как известно из истории, они выражаются преимущественно в ряде войн между Византией и новым Болгарским государством в продолжение многовекового периода. Это обуславливает оформившиеся враждебные взаимоотношения, которые усиливаются в особенности после падения Болгарии под Византийским игом. Непрерывное стремление греческого духовенства к господству над болгарской церковью на основании их общей конфессиональной принадлежности, поддерживают враждебный характер их взаимоотношений и во время Османской империи, в чьи границы входят и Византия тех времен, и Болгария. Нестихающая ненависть болгар к греческому духовенству, продолжившаяся до конца болгарского Возрождения, переносится и на греческий народ.

Устойчивое негативное отношение болгар к грекам в этих периодах нашло отражение в ряде фразеологизмов и паремий, зарегистрированных в трудах наших деятелей Возрождения¹. Сегодня они дают нам возможность вернуться в историю и попробовать реставрировать представление болгар о греках до конца XIX века.

Итак, из устойчивых словосочетаний /далее УС/ понимаем, что для болгар греки прежде всего народ с таким плохим нравом, что: *Дето стъпи грък, трева не никне. /Где грек ступил, там трава не растет./*. Поэтому они

¹ Больше всего в: **Геров, Н.**, *Речник на българския език*. Т. I, С., 1975, с. 254 и **Славейков, П. Р.**, *Български притчи или пословици и характерни думи*. С., 19.

их сравнивают с одним из самых хищных животных – волком: *Грък като вълк. /Грек как волк./; Бог да пази от влашки вълци и от беломорски гърци! /Упаси Бог от влахских волков и беломорских греков!;/ в гората вълци, а в градът гърци. /В лесу – волки, а в городе – греки./.* Эту неприязнь болгарин испытывал прежде всего к представителям греческого духовенства, которые во время Османской империи присвоили себе право владеть и управлять болгарской церковью. Таким образом Болгария оказывается под двойным рабством: *в конаците турци владеят, а в черквите гърци виреят. /В городской управе турки владеют, а в церквах греки ширятся./.* Болгары хорошо понимали, что *Турците със сила, гърците с книга докарала са ни до този хал. /Турки силой, греки книжиной довели нас до такого положения./.* Но духовное рабство оказалось тяжелей политико-экономического: *По-харно да от турчин измучен, а не от гръка изучен. /Лучше турок бы тебя мучил, чем грек учил./.* Поэтому, кроме волкам (*В гората вълци, в черквата гърци.*), болгары уподобляли греческих священников самому большому бедствию тех времен – чуме, которая, согласно народному мировоззрению, один из самых страшных демонических образов: *Черна чума и гръцки калугер – двоица братя. /Черная чума и греческий монах – два брата./.*

Известно, что Болгария принимает свою веру от Византии, благодаря чему конфессионально принадлежит к православному христианскому направлению. Вопреки тому для болгар синоним грека становится *миша вяра /мышьячая вера/.* Это едва ли можно отнести за счет некоторых различий в ритуалах и обрядах. Вероятнее, оно связано с коллективным мнением болгар, что люди, которые не чтут десять заповедей Бога, не могут быть поклонниками Христа. Следовательно, по их мнению, греки – язычники, неверные, которые прикидываются христианами.

Самая существенная конкретная черта обобщающего образа греков, это их способность умело врать. Нечто больше, болгары считали, что в этом отношении они многократно превосходили цыган, которых и сегодня принимают за обманщиков: *Грък циганина надлъгва. /Грек цыгана в обмане превзойдет./; Грък лъже за девет циганина. /Грек врет как десять цыган./; От гръцка лъжа и циганинът се плаши. /Греческой лжи и цыган боится./; Грък лъже и сам си вяра хваща. || Грък като лъже и сам вяра си хваща. /Грек врет и сам себе верит./.* Поэтому, когда кто-то заводится, болгары говорили: *Посвали, гръче! /Умерь, греченок!/ или Лъжи, гърче*

и свести се! /Ври, гречонок, да не завирайся!/ А это, как известно, грубое нарушение одной из десяти божьих заповедей.

Греки еще и хитры. Вероятно это их качество имели в виду болгары, когда говорили: *Дошел като грък на купя.* /Пришел как грек на базар./ или *Отишел като обран грък на купя.* /Пошел как обворованный грек на базар./ и *Брътви си (Ломоти се; Одумва са) като обран грък на купя.* /Бормочет как обворованный грек на базаре./ 'без денег, а хочет покупать'. Их хитрость, в сочетании с алчностью и скупостью, ясно эксплицированы в: *Да ти не знае грък парите, ни на турчин децата.* /Чтоб грек твоих денег не ведал, а турок – твоих детей./.

К этим их качествам в своей характеристике греков болгарин прибавил и лицемерие: *Гърците са минали още и през кучето през червата.* /Греки прошли и через собачьи кишки./; *Сит вълк и побългарен грък да ги не вярваш.* /Сытому волку и болгарскому греку веру не имей!/. Таков характер даже греческих дев, над которыми болгарин иронизирует в полове: *Гръцките моми вино не пият, из кюшетата със шишетата, под чадърите със гънгалите.* /Греческие девицы вина не пьют, по углам из бутылок, под зонтиками с/из (смысл слова в этом контексте утерян)/. Лицемерие и лукавство греков нашло ясное отражение и одной народной песне:

*Рано в неделя стани,
верно се богу моли,
войската, синко, собери.*

<...>

*и от никой се не бой,
само от гърци лукави,
лукави, още издатци.*

*В воскресенье встань рано,
Богу верно помолись,
Войско, сын, собери.*

<...>

*и никого не бойся,
кроме греков лукавых,
Лукавых, еще предателей.*

Все это давало основание болгарам бояться греков как напасти божьей. Поэтому они желали друг другу: *Да те пази Господ от кон отзад, от вол отпред, а от грък отвред.* /Убереги тебя Господь от коня сзади, от вола – спереди, а от грека – отовсюду!/. *От сит вълк и от стар грък Господ да те пази.* /От сытого волка и от старого грека упаси тебя Бог./ Но страшнее всех явно были отуреченные греки, что подчеркивается в просьбе: *Пази, Боже, от грък потурчен, от лисица калугерка и от магаре*

градинар. /Упаси, Боже, от отуреченного грека, от лисицы-монашенки и от осла-огородника./

Высокомерие – другая негативная черта греков, которая впечатляла болгар. В поговорках: *Гърците са като крастава коза: колкото я чука градът, толкова повече си вири опашката.* /Греки как коростливая коза: чем больше град ее бьет, тем больше хвост торчит./ и *Гърците ги съсива салтанатът, <а българите инатът>.* /Греков морит фарфаронство, <а българ – упорство>/, фиксировано их стремление к неразумной роскоши. Но высокомерие и национальное самочувствие греков, созданное на основании их величия в античности и их превосходства над другими народами во время Византийской империи, болгары принимали с иронией: *Пробила му са шапката от ум.* /Шляпа у него от ума продырявилась./ 'о греке, который хвастается, что умен'.

Страх болгар перед греками не мешал им относиться с насмешкой, пренебрежением и даже с грубой иронией к ним, и к разным элементам их нравов и обычаев: *Грачи като грък над змия.* /Каркает как грек над змеей./; *Сиромах хаджия, дринав грък и гръчава свиня едно е.* /Нищий хаджи, грек в лохмотьях и худая свинья – одно и то же./ *Гърците сторили биволското лайно на чер хайвер, а цървулите на българите – на ахтопод и ги изели.* /Греки сделали черную икру из буйволова говна, лапти болгар – октоподом и съели./; *Грък като мре, доде не каже чироз, не издъхва.* /Грек умирая, пока не скажет «чироз» 'сушенная скумбрия', не подойдет./; *Грък кога се роди, доде не каже чироз, не го кръщават.* /Грека, когда родится, пока не скажет «сушенная скумбрия», не крестят./ . Негативное аксиологическое отношение к грекам болгары выражали и в совсем безобидных шуточных прибаутках: *Аз не ща попа, че тропя, не ща си гръка, че хърка и не ща влаха, че маха.* /Не хочу попа, не хочу грека, не хочу влаха: поп тарыхтит, грек храпит, а влах – руками машет./ *Боже, наспори, всички гърци разтури, само един остави и него козар направи! // ... распори, само един остави и него пъдар направи!* /Обилуй, Боже, всех греков разгони, одного только оставь, чтобы за козами бегал! // ... распори, одного только оставь, да и его полевым сделай!/. *Гръцки кола* 'что-то странное' и *Да направим, да намажем гръцките кола.* (По П. Р. Славейкову: «Потому что у греков нет возов, то принятие каждого странного положения называют греческим возом – гръцки кола.») или в угрозах как: *Ще ти кажа аз тебе как се бръсне грък на припек!* /Я тебе покажу как грека бреют на солнцепеке!/.

С большой неприязнью относились болгары и к своим сородичам, которые огречивались, подражали им и или поддерживали с ними близкие отношения ради выгоды: *Пази боже от погърчен и от потурчен. /Упаси боже от огреченного и от отуреченного./; Селото не е гръцко, ала е гърчаво. /Дервня не греческая, а уботая./ Облякъл гръцки гащи като оцетар.(2)². /Одел штаны греческие как продащик уксуса./; Дал си дъщерята, ушили му калимявка. /Дал дочь, сшили ему калимявку./* 'об взаимоотношениях греческих владык с болгарскими попами'.

На основании сильно выраженного негативного отношения и сравнения с другими народами болгарин пришел к следующему дидактическому выводу: *У чифутин пий вино, не спи; у ерменец пий, не яж; у турчин пий кафе и чибук, вино не пий; у арнаути пий и яж, на път с него не ходи; а у грък нищо не прави /У жида пей вино, не спи; у армянина пей, не ешь; у турка пей кофе и кури, вина не пей; у арнаута пей и ешь, в дорогу с ним не ходи; а у грека ничего не делай/*, который категорически показывает, что болгары испытывали гораздо большую неприязнь к грекам, чем к туркам – их пятивековым порабощателям.

Кроме исключительно отрицательного эмоционально-экспрессивного отношения болгар к грекам в прошедших веках, в представленных УС отражены и качества /как ложь, хитрость, лицемерие, ласкательство, высокомерие/, которые, подчиняясь христианскому моральному кодексу, болгары исключили из своей ценностной системы и считали их греховными.

Вынесенные здесь фразеологизмы и паремии незнакомы современному болгарину. Они не только вышли из употребления, но давно забыты. Одна из причин это факт, что после освобождения двух народов от турецкого ига и последовавшими за этим событиями, их контакты уже не так тесны. В продолжение века они существуют почти изолированно друг от друга, вопреки общей государственной границе. Это обстоятельство дает возможность забыть старые, исполненные враждебностью, взаимоотношения и создать новые на основе доброжелательства. Таким образом, представленные здесь фразеологизмы и паремии становятся

² *Станимъкалиште /Асеновградските – З. Б./ гърци, наричани лангари, са повечето оцетари и ходят с бели гащи. Значи: обул бели гащи и иска да го взимат за грък. /Греки из Асеновграда, которых зовут лангарами, большинство производители уксуса и ходят в белых штанах. Значит: надел белые штаны и хочет, чтобы его принимали за грека./* (Славейков, 1954: 398).

лишними, а коллективный образ греков в представлении болгарина принимает более нормальный вид. Эта ситуация еще не нашла выражение в новых УС в болгарском языке. Современное общение добрых соседей, интерес болгарина как к античной, так и к современной культуре греков предполагает, что недалеко время, когда наш народ создаст новые УС с положительным нюансом в аксиологическом аспекте.

Удаление этих фразеологизмов и паремий из употребления и причина этого одновременно показывают, что динамика языковых единиц узко связана с экстралингвистическими ситуациями и что процессы развития в языке находятся в прямой зависимости от политического, экономического и культурного развития общества, от его взгляда на действительность и способа ее восприятия.

Key words:

descriptors: greecs, bulgarians, fraselogisms, paremii

Summary

Jke much century ewimy relation between Bulgaria and Greece, before the end of the XIX century, reflect the reations of thees two peoples. This situation, and first of all the negative relation bulgarians to greecs, find clear reflection in many fraseologisms in bulgarian language, part of which are represented in this work.

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ С СОЮЗОМ КАК И С АНТРОПОНИМАМИ

Рене Гренарова, Чешская Республика, Брно

Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека – который живет чужими мыслями и своими чувствами. Из различных сочетаний этих четырех основ, мотивов деятельности – все различие людей. Люди, живущие только своими чувствами, – это звери.

Л. Н. Толстой

Перед нами стояла трудная задача выделения критериев отнесения устойчивых сравнений (УС) к группе фразеологизмов, выражающих характер человека, так как само определение термина «характер» человека кажется сложным.

В нашем исследовании опираемся на мысль Б. Басарова о двусторонней структуре характера. *Характер человека* он представляет как «единство динамических и содержательных сторон». Под содержательной стороной понимаются генерализованные мотивы личности, под динамической – поведение человека. Если содержательная сторона характера проявляется в УС обоих языков в виде определения различных черт человеческого характера, то наличие динамической стороны в его составе предполагает включение в материал исследования УС, характеризующих поведение человека, обусловленное особенностями его характера и небольшого количества УС, характеризующих действия человека, т. е. такие поведения, при лексикографических толкованиях которых используются слова, непосредственно называющие определенные черты его характера.

Устойчивые сравнения, относящиеся к этому фразеосемантическому полю, составляют довольно многочисленную, частотную и типичную для

обоих языков серию фразеологизмов и отличаются развитой системой значений, образов и средств выражения. К данному фразеосемантическому полю нами отнесено 55 УС русского и 34 УС чешского языка. В силу многочисленности данного разряда фразеологизмов и, следовательно, трудности анализа нами выделены, в зависимости от оценочного компонента фразеологического значения, три основные фразеосемантические группы в двух сопоставляемых языках - положительная оценка, отрицательная оценка и нейтральное оценочное значение. Количественное распределение УС по выделенным группам свидетельствует о наличии общей закономерности.

К первой группе УС, выражающих отрицательные черты характера человека, относятся УС с отрицательным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, т. е. УС со значением, вызывающим осуждение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера человека. Как в русском, так и в чешском языке они составляют наиболее многочисленную группу. Общая семантическая асимметрия фразеологической системы может быть объяснена более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, т. е. резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденцией к использованию «готовых речевых форм» и в том числе устойчивых сравнений.

Распределение УС по фразеосемантическим подгруппам проводилось на основе их идентификации отдельными лексемами, словосочетаниями или развернутыми описаниями в лексикографических источниках и наличия общих интегральных сем в их семантике. Наиболее многочисленную подгруппу составляют УС с общим значением *хитрость и лицемерие*: *быть хитроумный как Улисс - být lstivý jako Odysseus*; *быть как Тартюф - být jako Tartuffe*; *быть хитрым как сто китайцев - být chytrý jako stádo opic*; *быть как двуликий Янус - 'licoměrný člověk'*; *быть хитрым как Лиса Патрикеевна - 'vychytralý, lstivý člověk'*; *ловкий как Хлестаков - 'filuta, mazaný člověk'*; *být mazaný jako Žid*. Далее были выделены фразеосемантические подгруппы: *лживость и обман*; *злоба и злость*; *предательство*; *жестокость*; *нерешительность*; *растерянность*; *многословие*; *тщеславие*; *ревнивость*; *жадность*; *неверие*; *невоспитанность*; *упрямство*; *экспансивность, сварливость и др.*

Для некоторых УС характерно наличие дополнительной дифференциальной семы, указывающей на различные черты характера. Наличие дополнительной семантики, с одной стороны, наглядно свидетельствует о взаимосвязанности фразеологизмов, системном характере фразеологии, с другой, предполагает сложный поиск частичных эквивалентов (или аналогов) при переводе с одного языка на другой. Рассматривается стилистическая окрашенность УС. По наличию интенсификаторов выделяются УС с экспрессивным компонентом коннотации. С точки зрения эмоциональности ряд фразеологизмов данной подгруппы имеет сатирическую окрашенность, напр.: *быть как прусские тараканы* – 'o rozpínavosti, posměšné označení vojáků'; *быть как Плюшкин* – 'být jako křeček, shromažďovat zásoby'; *хитрый как сто китайцев* – 'být chytrý jako stádo opic'; *кеcat jako Palackej* – 'трепать языком / болтать (ораторствовать, витийствовать)'.

Ко второй группе относятся УС с положительным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, т. е. УС со значением, вызывающим одобрение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера человека. Их количество значительно меньше количества УС отрицательной оценки (отношение 1 : 5). Наиболее многочисленные фразеосемантические подгруппы: *смелость*; *верность*; *трудолюбие*. Остальные выделенные фразеосемантические подгруппы: *справедливость*; *бдительность*; *терпеливость*; *находчивость*; *щедрость*; *красноречие*.

Сигнификативно-денотативное и оценочное значение УС можно выразить с помощью семантических признаков: интегральная сема *характер человека*, интегральная сема *положительной коннотации*, интегральная сема *конкретной черты характера* (напр.: *мужество*), дифференциальная сема *поведения* и дифференциальная сема *действия*. УС *вести себя как Иван Токмаков* – 'být hrdina, o statečnosti' уточняется семантика и наличием дополнительной дифференциальной семы – *одобрение и благодарность*.

Рассматривая УС данной группы с точки зрения функционально-стилистической коннотации, отмечаем отнесение, напр., УС: *терпеливый как Иов* – 'být trpělivý jako Job / snášet něco trpělivě jako Job'; *ждать как Пенелопы* – 'čekat na někoho / být věrná jako Penelopa'; *сторожить кого-нибудь как Аргус* – 'být (bdělý) jako Argus' к книжному стилю, УС: *работать как папа Карло* – 'mnoho pracovat, ale málo vydělat'; *куй железо пока Горба-*

чев – ‘být pohotový, pospíšit si, udělat něco dokud je to možné’; *молчать как Зоя Космодемьянская* – ‘mlčet jako hrob, nic neprozradit’ к просторечно-разговорному.

Последняя (третья) фразеосемантическая группа *нейтральные черты характера* содержит УС с нейтральным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения, т. е. УС, в значении которых отсутствует ярко выраженное одобрение или осуждение. Эта группа является самой малочисленной из выделенных трех групп УС. При помощи анализа семантики УС выделяем фразеосемантические подгруппы: *любопытство; доверчивость; застенчивость, робость, стеснительность; нерешительность; наивность*. Напр.: *быть как Алеша Бесконвойный* – ‘o podivínovi, o rozsmárném, vrtošivém člověku’; *быть как Еноха Праведный* – ‘o prostáčkovi a natvrdlém dobrotisku’; *быть jako malej Jarda* – *как будто вчера на свет родился*.

При сравнении объема УС в фразеосемантических группах обнаруживается определенная неравномерность. Тема, на наш взгляд актуальна, с одной стороны, для теории и практики перевода, ибо важно не только правильно семантически перевести устойчивое сравнение, но и показать возможность различных вариантов перевода одного и того же устойчивого сравнения. С другой стороны, исследование межъязыковой идиоматичности дает возможность глубже изучить системные отношения в каждом из сопоставляемых языков. Правильное употребление фразеологических единиц в устной и письменной речи является одним из показателей хорошего владения как родным, так и иностранным языком.

Приложение

Фразеосемантическое поле *характер человека* в устойчивых сравнениях с союзом *как* и с антропонимами:

1. Фразеосемантическая группа *отрицательные черты характера человека*
вести себя как Дон-Жуан – *chovat se jako Don Juan*; *жестоким как Ирод* – *krutý jako Herodes*; *продать как Иуда* – *zradit někoho jako Jidáš*; *быть как Иуда* – *být falešný jako Jidáš*; *поступать как Каин* – *ročínat si jako Kain*; *быть самовлюбленным как Нарцис* – *zhlížet se v sobě jako Narcis*; *жестоким как Нерон* – *(být) krutý jako Nero*; *быть ревнивым как Отелло* – *být žárlivý jako Othello*; *отречься от кого-нибудь как Петр от Христа* – *zapřít někoho jako Petr Krista*; *умыть / умывать руки как Пилат* – *mýt si ruce jako (Pontský) Pilát*; *быть злым как сатана* – *být divoký / vzteklý jako ďábel*; *быть как Тартюф* – *být jako Tartuffé*; *хитроумный как Улисс* – *být lstivý jako Odysseus*; *быть как Фома неверующий* – *být*

jako nevěřící Tomáš; быть злым как Баба-Яга - o lstivém, zlém a strašném člověku; нерешительный как Бурданов осел - o nerozhodnosti; обмануть как Ви(ль)говский / Муговский Москву - snadno někoho ošidit, o klamu; растеряться как Емельянова мать перед смертью - o bezradném, rozpačitém člověku, ztratit hlavu, přijít do rozpaků; быть хитрым как сто китайцев - být chytrý jako stádo opic; быть как Кощей Бессмертный - o zlé a hrůzostrašné bytosti; быть хитрым как Лиса Патрикеевна - o vychytralém, lstivém člověku; быть как Мазепа - o zrádcí; умереть как Малюта Скуратов - o trapiči a mučiteli, o tyranovi; страшный как Мефистофель - obraz zlého ducha; умять как новгородец - o vzdorovitém, paličatém člověku; поступать как Обломов - zosobnění nerozhodnosti, trpnosti, váhavosti; вести себя как папа римский - o krveprolití, za které je odovědný katolicismus; быть как Плюшкин - být jako křeček, shromažďovat zásoby; быть как прусские тараканы - o rozprínavosti, posměšné označení vojáků; вести себя как Тарзан в джунглях - chovat se někde jako na pastvě; свистеть как Троицкий - lhát jako když tiskne, bezostyšně lhát; перешла как Ульяна в лясскую веру - o člověku, jež rychle změnil názor; ловкий как Хлестаков - o tazáném člověku, filuta; быть как Двуликий Янус - o licoměrném člověku; lhát jako cikán - соврет и глазом не моргнет, соврет недорого возьмет; hádat se jako cikánka - гадать на кофейной гуще; mít hubu jako cikánka - у нее язык хорошо подвешен; tváří se jako svatá Dala (a nevěděla komu) - делать непонятливое, смущенное, невежественное лицо, být jako ďáblem posedlý - в него как будто бес / дьявол вселился; kعات jako Palackej - трепать языком, болтать (ораторствовать, витийствовать); mít řeč jako Palacký / Palackej - у него язык без костей; lhát jako baron Prášil - необдуманно фантазировать; být chytrý / tazáný jako Žid - хитроумный как черт (пустословить, пустозвон)

2. Фразеосемантическая группа положительные черты характера

сторожить кого-нибудь как Аргус - být bdělý jako Argus; терпеливый как Иов - být trpělivý jako Job / snášet něco trpělivě jako Job; она выглядела как Немезида - být jako Nemesis; ждать как Пенелопа - čekat na někoho / být věrná jako Penelopa; верный как Ромео и Джульетта - věrný jako Romeo a Julie; быть как амазонка - o odvážné, bojovné, na muži nezávislé ženě; куя железо как Горбачев - být pohotový, pospíšet si, udělat něco, dokud je to možné; щедрый как Дед Мороз - o štědrém obdarovávajícím člověku; работать как папа Карло - mnoho pracovat, ale málo vydělat; молчать как Зоя Космодемьянская - mlčet jako hrob, nic neprozradit; вести себя как Иван Токмаков - o statečnosti, být hrdina; вести себя как Иван-царевич - ideál všech ctností, prototyp kladného hrdiny; být pilný jako Ferda Mravenec - быть трудолюбивым как муравей; mluvit jako Jan Zlatoústý - быть красноречивым и убедительным

3. Фразеосемантическая группа нейтральные черты характера

он как Гамлет - být / váhat jako Hamlet; быть как Алеши Бесконвойный - o podivínovi, o roztárném, vrtošivém člověku; вести себя как Архаровец - o dětském rošťákovi, filutovi, o dospělém lehkomyšlném čtverákově a tulákově; верить кому-то как богу - věřit někomu jako slovi božítu; быть как любопытная Варвара - být zvědavý jako stará bába / ženská; быть как Еноха Праведный - o prostáčkovi a natvrdlém dobrotisku; быть как царевна Несмеяна - o bázlivém, nesmělém člověku; být zvědavá jako Eva - быть любопытным как сорока; být jako Héraklés / Herules na rozcestí - быть на распутье; být jako malej Jarda - как будто вчера на свет родился

Использованная литература

- Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996, 352 с.
- Ганджина, И. М.: *Словарь современных русских фамилий*. Москва: Астрель, 2001, 672 с.
- Кондратьева, Т. Н.: *Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря*. Казань: Изд. Казанского университета, 1983, 109 с.
- Максимов, В. И.: *Словарь перестройки*. Санкт-Петербург: Златоуст, 1992, 256 с.
- Михельсон, М. И.: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. Москва: Русские словари, 1994, 819 с., 936 с.
- Снегирев, И. М.: *Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах*. Н. Новгород: Три богатыря, Братья славяне, 1996, 624 с.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přírovnání*. Praha: Academia, 1983, 492 s.

Key words:

the phraseomantic field, Russian and Czech fixed comparisons, the phraseomantic group, simple idioms with antroponyms, the conjunction as, the analysis

Summary

The paper analyses some Russian and Czech fixed comparisons with the conjunction *as* and with *anthronyms of eminent historical personalities*, belonging to the phraseosemantic field of *human characteristics*. The analysis considers the evaluation of a functionally-stylistic and emotionally-expressive distinction, i. e. connotative elements of phraseological meaning. The ascertained differences mostly result from national specifications (lifestyle, religion, historical and political development).

ОТРАЖЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭНАНТИОСЕМИИ В РУССКОЙ И ВЕНГЕРСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Золтан Дьёрке, Венгерская Республика, Сегед

Общеизвестно, что наличие в языке семантических оппозиций моносемия – полисемия – энантиосемия, а также синонимия – антонимия является одним из важных доказательств системной организации лексико-фразеологического состава языка. В то же время необходимо указать и на относительный характер вышеуказанных семантических категорий, так как языковые единицы в единой лексико-фразеологической подсистеме языка функционируют не изолированно, а в процессе коммуникации они вступают в сложную взаимосвязь друг с другом. В процессе взаимосвязи между микросистемами языка, а также внутри отдельных языковых единиц (как, например, в их семантической структуре) может возникнуть асимметрия. В результате такой асимметрии формируется энантиосемическая оппозиция, представляющая собой семантическую оппозицию внутри значений языковых единиц – слов и фразеологических единиц (ФЕ).

Словарь лингвистических терминов под редакцией О. С. Ахмановой энантиосемию (греч. *enantios* 'противоположное' + *stigma* 'знак') определяет следующим образом: «*Энантиосемия – это языковое явление, при котором проявляется способность языковых единиц выразить антонимические значения внутри своей семантической структуры*» (Ахманова 1969: 526).

Одни лингвисты определяют энантиосемию как частный случай полисемии и антонимии, когда два лексико-грамматических варианта многозначного слова вступают в антонимические отношения (Лендвай 1998: 133). Другие же лингвисты считают, что энантиосемия – это «*способ скрещения омонимии и антонимии*» (Горелов 1986:89).

Относительно раскрытия причин возникновения энантиосемии в сфере отдельных лексем мнения учёных расходятся. Большинство учёных причины возникновения энантиосемического значения лексем видят в капризности и прихотливости коннотаций, в их несогласованности,

доходящей иногда до противоречивости. Так, например, В. Н. Цоллер, рассматривая эмоционально-оценочную энантиосемию, приходит к выводу, что важную роль в возникновении эмоционально-оценочной энантиосемии играет ирония, ироническое словоупотребление, доходящее иногда до сарказма (Цоллер 1998: 76). Венгерский лингвист Э. Лендваи в своей монографической работе также указывает на пейорацию и на мелиорацию как на главные причины возникновения энантиосемической структуры лексем и фразеологических единиц (Лендваи 1998: 133).

Причины возникновения энантиосемического значения наиболее полно и основательно освещаются в книге венгерского лингвиста Й. Крекича «Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений» (Танкёньвкиадо, Будапешт, 1989), в которой автор посвящает отдельную главу анализу противоположных значений глаголов. Подходя к явлению энантиосемии с точки зрения диалектической взаимосвязи действительности и мышления, мышления и языка, Й. Крекич указывает, что ... наше мышление отражает *«структуру действительности»*, то, что *«в ней доступно нашим наблюдениям, или то, что по крайней мере, в ней по этим наблюдениям предполагаемо»* (Крекич 1989: 38) *«... И если, 'существование противоположностей характерно для структуры действительности', то следовательно, оно должно быть характерным и для структуры мышления»* (Там же, 39). Й. Крекич также устанавливает, что возникновение энантиосемии имеет онтологические основы и оно тесно связано с процессом номинации. В связи с этим Й. Крекич устанавливает следующее: *«С развитием человеческого общества для человека постепенно стало потребностью всё более дифференцированно отражать действительность, 'структуру действительности', передавать явления (предметы, процессы, действия) в противоположных значениях, и если для этого мы не находим нового средства, используем данное»* (Крекич 1989: 39).

Общеизвестно также, что энантиосемическая оппозиция характерна не только для семантической структуры отдельных лексем, она также может возникнуть и в семантической структуре более сложных языковых единиц – фразеологических оборотов. В трудах, посвященных различным вопросам лексической энантиосемии, имеются лишь отдельные ссылки на возможность возникновения энантиосемической оппозиции в семантической структуре фразеологизмов (Лендваи 1998: 133; Пете 1996: 129).

Среди зарубежных и отечественных лингвистов на наличие фразеологической энантиосемии впервые обратил внимание венгерский фразеолог Бела Татар, который в своих работах подверг анализу 12 русских ФЕ, обладающих энантиосемической структурой (Татар 1992: 165–167, 2001: 272–278). Б. Татаром были выявлены следующие русские ФЕ, обладающие энантиосемической структурой: *скатертью дорога; милое дело; наше вам с кисточкой; невесть сколько; невесть какой; паче чаяния; убить бобра; во веки веков; всё равно; не слышать ног под собой; терять голову; без оглядки.*

Явление энантиосемии в семантической структуре фразеологизмов мы проиллюстрируем ниже на следующем русском фразеологизме: *ВО ВЕКИ ВЕКОВ (ФСРЯ:59) 1. всегда, вечно = örökkön-örökké; örök időkre; az idők végezetéig; időtlen időkig; amíg világ a világ. 2. навсегда, навечно = mindörökre; örökre; 3. никогда = (anton.) sohasem.*

Степень энантиосемических отношений между значениями многозначной ФЕ зависит от диахронических факторов, а именно, от стадии десемантизации: от начала поляризации значений, ослабления «изначальной» семантики ФЕ и формирования нового антонимического значения. Энантиосемическая оппозиция, в отличие от собственной антонимии, не означает диаметральной противоположности двух значений.

В результате анализа семантической структуры ФЕ, обладающих противоположными значениями, можно установить, что главной причиной возникновения энантиосемических отношений между значениями является пейорация – когда в процессе речи на внутрисемном уровне ФЕ, в результате различных отрицательных ассоциаций, происходит перегруппировка сем, смена положительного оценочного компонента в семантике ФЕ на другой, прямо противоположный (отрицательный): +↔-.

Энантиосемическая оппозиция в семантической структуре многозначной ФЕ может возникнуть между любыми из значений ФЕ: так, например, в случае трёхзначной ФЕ *во веки веков* энантиосемическое противопоставление возникло между 1 и 3 значениями ('*всегда*' + ↔ - '*никогда*'), а в семантической структуре ФЕ *не слышать ног под собой* антонимическое противопоставление наблюдается между 1 и 2 значениями ('*быстро ходить, бежать*' + ↔ - '*утомиться*').

Относительно удельного веса ФЕ с энантиосемической структурой во фразеологическом составе языка мнения учёных расходятся. Большинство лингвистов утверждает, что количество ФЕ с энантиосе-

мической структурой значительно меньше, чем многозначных или даже омонимических ФЕ. В корпусе «Фразеологического словаря русского языка» (под ред. А. И. Молоткова), насчитывающего около 4000 словарных статей, лишь 17 % фразеологизмов обладают двумя и больше значениями. А по данным М. И. Сидоренко, удельный вес омонимических ФЕ в русском языке не превышает 100 ФЕ (Сидоренко 1966: 251–529). Всё это, вероятно, объясняется сложностью структуры и семантики фразеологических единиц, препятствующей семантическим сдвигам, которые в свою очередь приводят к возникновению полисемантической или энантиосемической структуры комплексных устойчивых языковых единиц. Выявление точного количества энантиосемических ФЕ возможно только в результате тщательного анализа семантической структуры всего фразеологического состава языка. По нашему мнению, количественный состав русских ФЕ с энантиосемической структурой не меньше, чем омонимических ФЕ.

Это подтверждается и нашим анализом, проведённым на материале семантической структуры соматических фразеологизмов, в составе которых нами выявлено 13 ФЕ с энантиосемической структурой: *умная голова; ни ногой куда; избушка на курьих ножках; подступить/подступать под сердце кому; язык не поворачивается/повернулся; по руке кому, что; большой руки; показать/показывать нос; в глазах; глаза на затылке; вертеться в голове (вертится в голове)*. Для иллюстрации ниже мы проанализируем семантическую структуру лишь одной из выявленных нами энантиосемических ФЕ с компонентом-соматизмом:

УМНАЯ ГОЛОВА (Вл: 2-198) 1. умный, толковый человек = *okos, eszes ember; nagy eszű; jó eszű; jó fejű; éles eszű; éles elméjű; eleven eszű; van sütnivalója (biz)* 2. (ирон.) глупый человек = *(iron) nagyokos; okostojás; az észtlől majd elsül a feje; majd szétveti a fejét az ész; okos, mint a tordai kos: 'умный человек' + ↔ - 'глупый человек'.*

Значительно реже встречаются случаи, когда в структуре многозначной ФЕ происходит поляризация сем и переход отрицательной (пейоративной) семантики в положительную (мелиоративную) семантику: - ↔ +. Такая мелиоративная семантическая оппозиция характерна для ФЕ *глаза на затылке у кого-л.* (прост. шутл.):

ГЛАЗА НА ЗАТЫЛКЕ у кого-л. (прост., шутл.) (Вл: 2-60): 1. кто-л. рассеянный, невнимательный = *(tréf) vki nagyon figyelmetlen, szórakozott; nem lát a szemétől; hátul hordja (tartja) a szemét; otthon felejtetted a szemed?; hol van a szemed?;*

nem látsz?; hová tetted a szemed? (К: 2-36) 2. кто-л. Всѣ видит, всѣ замечает = mindent lát; mindent észrevesz; semmi sem kerül el a figyelmét (tekintetét); vkinek még hátul is szeme van: 'рассеянный', 'невнимательный' - ↔ + 'внимательный', 'собранный', 'всѣ видит, всѣ замечает'.

Таким образом, явление энантиосемии в сфере фразеологии представляет собой интереснейшее семантическое явление, которое отражает динамический характер человеческого мышления и языка. В нём находят своё проявление один из важнейших законов диалектики – закон единства и борьбы противоположностей, когда на уровне микросистемы многозначного слова сталкиваются две противоречивые тенденции языкового развития.

Использованная литература

- Ахманова, О. С. 1969. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е. – Москва: Советская Энциклопедия.
- Горелов, И. Н. 1986. Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития. In.: Вопросы языкознания 1986 № 4, ст.: 86–96.
- Крекич, Й. 1989. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений. – Будапешт: Танкёньвкиадо.
- Лендваи, Э. 1998. Лексическая семантика русского языка. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó.
- Пете, И. 1996. Иллюстрированная практическая фразеология русского языка. – Сегед.
- Сидоренко, М. И. 1966. О фразеологических омонимах. Москва. Уч. Зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. II, 251–259.
- Татар, Б. 1992. Фразеология современного русского языка. – Будапешт: Танкёньвкиадо.
- Татар, Б. 2001. Явление полисемии и энантиосемии в русской фразеологии. – Hungaro-Slavica- Red.: István Nyomárkay, Budapest: ELTE Szláv és Balti Filológiai Intézet, 272–278.
- Цоллер, В. Н. 1998. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке. – Научные Доклады Высшей Школы, «Филологические науки» 1998/№ 4: 76–83.

Keywords:

phraseology, polysemy, antonymy, enantiosemy, language system

Summary

Reflections of phraseological enantiosemy in the dictionaries of Russian-Hungarian idioms

The article deals with the phenomenon of enantiosemy, which is typical of the semantic structure of polysemic phraseological units in Russian and other languages. In the study the author analyses the semantic structure of 25 enantiosemic Russian idioms, highlights the reasons for the development of enantiosemy, which are rooted in the basic rules of language and cognition, and those of ontology.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ С СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Иоланта Игнатович-Сковроньска, Польша, Щецин

Доклад касается вопросов классифицирования фразеологических инноваций в польском языкознании. Его целью является приспособление уже существующих классификаций к описи целеустремлённых усилий на фразеологизмах в современной прозе. Прежде чем приступить к основным анализам следует сделать несколько предварительных предположений. Ссылаясь на определения С. Бомбы, понимаю под названием фразеологических инновации такие актуализации фразеологизмов, которые являются в какой-то степени проявлением выхода за фразеологическую норму (Ваба 1989: 46). Я отношусь к фразеологической норме как к «сбору фразеологизмов, одобренных польским языковым обществом, а также правил, определяющих способ реализации их тождественности в текстах» (Ваба 1989: 20).

Проблематика способов актуализации фразеологических соединений появляется в польской языковой литературе при способности затрагивания вопросов из области культуры языка, теоретических проблем общей фразеологии и сфункционалированных способов использования фразеологизмов в разных типах текстов. Представленные там типологии ссылаются на разные классификационные критерии. Решительное их большинство опирается не на семантические факторы. Только одна классификация приводит в порядок типы фразеологических модификаций из-за семантических преобразований. Наши обсуждения ограничим подробным анализом наиболее важных классификаций, чтобы после этого показать в сокращённом виде их влияние на дальнейшие исследования в интересующей нас области.

Автором первой классификации фразеологических инноваций является А. М. Левицки, который, оперируя понятием *стереотипа* на определение фразеологических соединений, определил два способа их актуализации. Первый тип заключается в репродукции стереотипа без каких-либо изменений, второй – в «освежении», ведущем к созда-

нию фразеологических инноваций. А. М. Левицки приводит четыре их типа: нормативные инновации, образовавшиеся вследствие добавления к стереотипу предусмотренного нормой определения, структуральные инновации, являющиеся последствием усилий предпринимаемых производителем текста на структуре стереотипа (речь здесь идёт о добавлениях, замене непредусмотренного нормой элемента); контекстные инновации, образующиеся вследствие введения стереотипа в нетипичный для него контекст и контаминационные инновации, которые являются эффектом идентификации двух или больше стереотипов (Lewicki 1976: 23).

Проблематики нормативных инновации, по другим источникам важной, но для наших рассуждений не имеющей значения, в этом месте не поднимаем. Однако замечаем, что остальные типы инноваций, выраженных А. М. Левицким, возникают тоже в размышлениях С. Бомбы, автора второй, важной для нас классификации. Её источником было наблюдение всевозможных речевых поведений потребителей современного польского языка, проводимое под углом фразеологической правильности. Поэтому в орбите заинтересованности автора *Культуры польского языка* находятся не только преобразования нормативных фразеологизмов, но и актуализации ненормативных единиц. Приводя в порядок неканонические употребления, С. Бомба делит их по тому признаку, каким способом «производитель текста нарушает норму, таким образом, выходит ли он за неё, или тоже модифицирует единицы, входящие в её состав, или расширяет их лексическую сочетаемость» (Bańba 1989: 46). Итак, окончательно С. Бомба различает три основных типа фразеологических инноваций: дополнительные инновации, которые образуются тогда, когда производитель текста прибегает к внеязыковой норме и употребляет внешние или внутренние фразеологические заимствования, индивидуализмы или родные фразеологические неологизмы; модифицирующие инновации, которые являются эффектом модификации лексической или/и грамматической структуры нормативных фразеологизмов, а также расширяющие инновации, которые являются продуктом расширения лексической сочетаемости соединения.

В классификационной схеме С. Бомбы нет, по правде говоря, места на контекстовые инновации, но находим их в процессе ознакомления с содержанием сформулированных исследователем принципов фразеологической правильности. Одна из них – это принцип семантического и стилистического согласования фразеологизма с контекстом, приказыва-

ет, чтобы «фразеологизм семантически соответствовал своей лексической среде, а высказывание, в котором он появился, создавало согласованную и внутренне сплочённую целостность, удержанную в одной стилистической тональности» (Ваба 1989: 86).

Оговоренные до сих пор классификации наводили порядок во фразеологических инновациях по несемантическим критериям. Вышеуказанное утверждение не является упреком, скорее имеет цель обращения внимания на специфику интересующих нас явлений. Фразеологизм как сложная языковая единица является своеобразной формально-смысловой совокупностью. Модификации его структуры приводят обычно к преобразованиям в сфере содержания, если даже эти преобразования касаются только экспрессивных, прагматических или образных ценностей соединения. Поэтому экономнее и прозрачнее описывать инновации только с одной перспективы. Такое описание оправдывают, кроме того, ещё два фактора. Во-первых, авторы работ, пользующиеся формалистическими классификациями, не избегают вообще анализа «движения значений», который регулярно появляется во время разработки характеристики отдельных типов инноваций. Во-вторых, мы дождались тоже классификации фразеологических инноваций, обоснованной только на смысловом факторе. Эту классификацию разработала Г. Майковска и её деление можно признать за дополняющее к выше представленным классификациям С. Бомбы и А. М. Левицкого.

Объектом описи Г. Майковской были намеренные модификации фразеологических соединений в современной публицистике. Их типология является результатом сравнения «значения смодифицированных фразеологических соединений со значением традиционных соединений, которые были основанием модификации». В общем автору удалось отличить и описать девять основных типов смысловых преобразований: ослабление метафоричности соединения, намеренную двусмыслность, кажущуюся дефразеологизацию, антонимическую модификацию, конкретизацию значения, расширение значения, намёк, преобразование соединения в направлении асемантичности, а также изменение эмоционального и стилистического оттенка фразеологизма. (Majkowska 1987: 29÷40).

На разработанную А. М. Левицким, С. Бомбой и Г. Майковской модель ссылаются авторы опубликованных в последних годах важнейших работ из области фразеологических инноваций А. Пайдзиньска, И. Либерек и Г. Дзямска-Ленарт. Описывая механизмы преобразования фразеоло-

гизмов в поэзии, шуточном стихотворении и публицистике, они концентрируются на анализе модифицирующих, расширяющих и контекстовых инноваций, подчинённых разнообразным целям артистического выражения. Наблюдаем, однако, существование в рассматриваемой выше модели какую-то трещину, которую осознала во время попытки использования её для описи намеренных фразеологических модификаций в современной польской прозе. Главной конструкционной осью схемы является деление на фразеологические инновации, которые являются эффектом попытки выйти за пределы нормы (дополнительные инновации), и фразеологические инновации, которые являются эффектом преобразования нормативных фразеологизмов (модифицирующие, расширяющие и контекстовые инновации), ведущие к разным модификациям содержания фразеологизмов. Исследовательская практика показывает, однако, что модифицирование семантики фразеологизмов не обязательно должно быть продиктовано изменениями структуры, лексической сочетаемости или функционированием соединений в нетипичном для них контексте. В своих материалах я нашла многочисленные примеры изменений значения фразеологизмов, независимых от вышеперечисленных параметров. Вот один выбранный пример.оборот *открыть, открывать (снова) Америку* означает 'сказать или другим способом представить, заметить общеизвестные, очевидные утверждения, не делать ничего большого в наблюдении мира, не быть новаторским'. В романе И. Глембского «Лечение» это соединение является синонимом противоположного содержания: «сказать или другим способом представить, заметить что-то новое, новаторское, ранее неизвестное». *Я думал, что открою Америку, а тем временем только потерял время, чтобы убедиться, что больные являются абсорбированными своей болезнью до такой степени, что ничего другого и никого другого для них не существует.*

Следовательно, кажется, что приведение в порядок фразеологических инноваций, возникших вследствие преобразования нормативных фразеологизмов, следует отметить четыре их типа. Кроме традиционно перечисляемых модифицирующих, расширяющих и контекстовых инноваций надо добавить тоже семантические инновации, образовавшиеся в результате приписания фразеологизму нового значения или нового смыслового оттенка без модифицирования его структуры, нарушения лексической сочетаемости или расположения на фоне нетипичного контекста.

Использованная литература

- Bąba, S.: Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny. Poznań 1989.
- Dziamska-Lenart, G.: Innowacje frazeologiczne w powojennej felietonistyce polskiej, Poznań 2004.
- Głębski, J.: Kuracja. Kraków 1998.
- Lewicki, A. M.: Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej. Teoria zwrotu frazeologicznego. Katowice 1976.
- Liberek, J.: Innowacje frazeologiczne w powojennej fraszce polskiej. Poznań 1998.
- Majkowska, G.: Celowe modyfikacje związków frazeologicznych we współczesnej publicystyce (na materiale felietonów prasowych). a typescript of the doctor's thesis. Warszawa 1987.
- Pajdzińska, A.: Frazeologizmy jako tworzywo współczesnej polszczyzny. Lublin 1993.

Key words:

Linguistics – phraseology – idiomatic innovation – semantic innovation – structurally-semantic innovation – contextual innovation – broadening innovation

Summary

Idiomatic innovations from the semantic perspective

The objects of research in this paper are classifications of idiomatic innovations functioning in Polish linguistics. Their analysis is aimed at elaborating a model useful in describing manipulation with idioms in contemporary prose. The result of research is a proposal to distinguish four types among innovations being the effect of transforming normative idioms: semantic innovations, structurally-semantic innovations, contextual innovations and broadening innovations.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА «ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ И СОФИЯ» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Наталья Кабанова, Россия, С-Петербург

В готовящемся к печати «Словаре русских библеизмов» (Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, О. И. Трофимкина) сочетание *Вера, надежда, любовь* сопровождается пометой *высок.*, и определяется следующим образом: *Главные христианские добродетели, о которых говорится в Новом Завете.* В качестве примера приводится цитата из 13 главы Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла: *А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.* Больше нигде на страницах Библии данное сочетание не встречается в полном виде, лишь в этом послании. Следующий пример – строки из стихов Федора Тютчева: *Всё, что сберечь мне удалось // Надежды, веры и любви, // в одну молитву всё слилось: // Переживи, переживи!* Далее следуют две цитаты из газет: *Без веры, надежды и любви невозможно жить. Эти три слова сливаются у меня в одно большое понятие, которое не могу объяснить.* (Комс. правда, 1995, 30 сент., В. Глаголева); *Розов всё, что писал, по-моему, писал сердцем. С искренней Верой, Надеждой и Любовью. Уже в этой своей самой первой пьесе – с верой в целительную силу человеческой дружбы и доброты.* (Сов. Россия, 1997, 11 февр.).

Приведенные примеры говорят о том, что перед нами – устойчивый словесный комплекс (УСК), т. е., по установившейся в российской лингвистике традиции – соединение двух и более компонентов словесного характера, построенное по грамматическим законам языка и характеризующееся стабильностью семантики, воспроизводимостью, устойчивостью лексического состава и грамматической формы при фиксированном диапазоне видоизменений.

Тема *веры, надежды, любви* весьма популярна в теологической традиции, и, по сведениям чешского словаря библейской культуры (*Slovník*

biblické kultury), составляет группу из божественных добродетелей, являющихся важнейшим залогом спасения души.

Дж. Фергюсон в своей книге «Христианский символизм» пишет, что *Вера, Надежда, Любовь* в христианском сознании – это абстрактные персонажи, часто изображаемые в искусстве эпохи Возрождения. Олицетворением этих добродетелей являются женские фигуры: *Вера* изображается в виде женщины с чашей или/и крестом. У её ног – фигура святого Павла. *Надежда* – крылатая женщина, вздымающая руки к небу. Её характерный атрибут – якорь, являющийся христианским символом надежды и веры. *Любовь* обычно окружена детьми, одного из которых она вскармливает грудью. Иногда у неё в руках пламя или сердце. У её ног изображается святой евангелист Иоанн.

УСК получил дальнейшее развитие в женских именах, о чём свидетельствует следующее жизнеописание святых мучениц из сборника житий. В царствование императора Адриана (около 137 г.) жила в Риме вдова по имени София, что в переводе значит «премудрость». Своим дочерям София дала имена, соответствующие христианским добродетелям: первую дочь назвала она Верою, вторую – Надеждою, а третью – Любовью. Слух о премудрости и красоте девочек распространился по всему Риму и дошёл до царя Адриана, который захотел их увидеть. Слуги привели Софию с её дочерьми во дворец, где царь приказал им поклониться языческим богам. Но, несмотря на мучительные истязания, девочки отвечали отказом. София *о том только сокрушалась и заботилась, как бы какая-либо из ее дочерей не утратилась мук и не отступила бы от Господа своего*. На глазах матери девочек после жестоких пыток одну за другой убили. София вывезла тела дочерей из города и с честью похоронила. На могиле их она усердно молилась три дня, и сама почилла в Господе. Верующие погребли её вместе с дочерьми.

Таким образом, к УСК добавляется ещё один компонент – *София*. *София*, по данным энциклопедии «Мифы народов мира», *в иудаистических и христианских религиозно-мифологических представлениях – олицетворённая мудрость божества*.

Итак, имена всех четверых глубоко символичны: София – «Мудрость» – мать трёх теологических добродетелей – *Веры, Надежды, Любви*.

До сих пор все эти имена представлены в русском языке, хотя их не назовёшь очень модными и популярными.

Следующая картина наблюдается в других славянских языках (см. таблицу).

Язык	I Кор. 13.13	Современные имена			
рус.	А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.	Вера	Надежда	Любовь	София
болг.	А сега остават тия три: вяра, надежда, любов; но по-голяма от тях е любовта .	Вера, Вяра	Нада, Надежда	Любка, Любов	Соня, София
серб.	А сад остаје вјера, над, љубав, ово троје; али је љубав највећа међу њима.	Вера	Нада Надежда		Соња, Софија
макед.	А сега остануваат овие три работи: верата, надежта и љубовта; ајголема меѓу нив е љубовта .	Вера	Нада Надежда	Љупка	Соња, Софија
хорв.	Sada ostaje vjera, ufanje i ljubav – to troje – ali je najveća među njima ljubav .	Vera, Vjera	Nada		Sonja, Sofija
словен.	Za zdaj pa ostanejo vera, upanje, ljubeze, to troje. In največja od teh je ljubezen .	Vera	Nadja		Zofija, Zofka
польск.	A teraz zostaje wiara, nadzieja, miłość, te trzy rzeczy; lecz z nich największa jest miłość .	Wera, Wiera	Nadzieja		Zofia
чешск.	A tak zůstává víra, naděje a láska – ale největší z té trojice je láska .	Věra	Nad'a		Sofie, Soňa
словац.	Teraz zostáva viera, nádej a láska . Ale najväčšia z nich je láska .	Viera	Nadežda		Žofie

Как видим, во всех рассматриваемых языках используется имя матери девочек – *София*, единственное «непереведённое» имя, или производное от него – *Соня*.

Эквиваленты имени *Vera* именно в такой фонетической форме существуют почти во всех рассматриваемых языках. В болгарском и хорватском, наряду с этим вариантом, функционируют соответствующие евангельскому тексту формы *Вяра* и *Vjera*. Вариант *Vera*, а не *Vjera* укоренился также в сербском и македонском языках, в чешском – *Věra*, а не *Vira*, в польском – *Wera* и *Wiera*, но не *Wiara*, как следовало бы ожидать.

Исключение составляет словацкий язык, в котором функционирует имя *Viera*, совпадающее с компонентом рассматриваемого УСК.

Имя *Надежда* встречается в болгарском, сербском, македонском и словацком языках, где воспринимается как заимствование из русского (даже в болгарском, в котором оно полностью эквивалентно компоненту УСК – *надежда*). Польское имя *Nadzieja* также соответствует евангельскому тексту. Более частотны производные формы от этого имени: болгарское *Надя*, сербское и македонское *Нада* (ср. *над* и *надеж* в УСК), хорватское *Nada* (ср. *ufanje*), словенское *Nadja* (ср. *uranje*), чешское *Nad'a* (ср. *naděje*).

Эквивалент имени *Любовь* существует лишь в болгарском языке – *Любов*. Чаше употребляются производные от него: *Любка* в болгарском, *Лупка* в македонском. Формы *Луба* в македонском языке и *Ljuba* в хорватском – производные от другого имени – *Лубица*, *Ljubica*. В других языках не обнаружено имён, совпадающих с компонентом рассматриваемого УСК: в хорватском языке нет имени *Ljubav*, в словенском – *Ljubeze*, в польском – *Miłość*, в чешском и словацком – *Láska*.

Подобная картина кажется странной, если принять во внимание, насколько важное место отводится главнейшей из трёх христианских добродетелей. Всего о *любви*, по сведениям словаря-справочника «Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета», на страницах Евангелия говорится 108 раз.

Вот какими вдохновенными словами воспевается *любовь* в Первом послании к Коринфянам святого апостола Павла:

- 1 Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая и кимвал звучащий.
- 2 Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.
- 3 И если я раздам всё имущество моё и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы.
- 4 Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,
- 5 Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,
- 6 Не радуется неправде, а сорадуется истине;

- 7 *Всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.*
8 *Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...*

Почему же в подавляющем большинстве современных славянских языков нет женского имени, соответствующего главнейшему из Божьих даров?

Вероятно, ответ на этот вопрос поможет дать более глубокий анализ с привлечением материала более широкого круга языков.

Использованная литература

- Барнуэлл, К., Дэнси, П., Поп, Т. *Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета*. Словарь-справочник. «Библия для всех», СПб. 2000.
- Библия (сиречь) Книгите на свещеното писание (на) Ветхия и Новия Завет издава св. Синод на Българската църква. София, 1992.
- Избранные жития святых жен I-X вв.* «Издательство Православного братства святого апостола Иоанна Богослова», М., 2002, с. 68–82.
- Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т.2. «Советская энциклопедия», М., 1982, с. 464.
- Нови Завет Господа нашега Исуса Христа. The British and Foreign Bible Society for The Gideons International. «FORUM», Novi Sad, 1991.
- Свето Писмо на Стариот и на Новиот Завет. Британско и инострано библиско друштво. Лондон, 1990.
- Фергюсон, Дж.: *Христианский символизм*. Сер. «Символы», кн. VIII. М., 1998.
- Христианство*. Энциклопедический словарь в 3 томах. «Большая Российская энциклопедия», М., 1995.
- Attwater, D.: *Slovník Svatých*. «Papyrus + Jeva», Praha, 1993.
- Biblia. Pismo Sväté Starej a Novej Zmluvy. Slovenská Evangelická cirkev A. V. v ČSSR, 1990.
- Biblija. Stari I Novi Zavjet. Kršćanska sadašnjost. Zagreb, 1995.
- Biblija święta. Wszystko pismo Święte Starego i Nowego Testamentu. Lipsk, 1914.
- Nový Zákon. Žalmy Příslov. Český ekumenický překlad. «Česká biblická společnost», 1996.
- Slovník Biblické Kultury*. «Eva Edition», 1992.

Key words:

name, Vera, Nadezhda, Liubov, Sofiya, set word combination, New Testament, Slavic languages, love

Summary

In the article, the subject of the research is the set word combination stemming from the text of the New Testament (I Corinthians 13:13): *And now these three remain: faith, hope and love. But the greatest of these is love.* The word combination develops into the names of the saint martyrs *Vera, Nadezhda, Lyubov'*, and at the same time extends its borders enriching by one more component *Sophia*. Functioning of this combination is traced in the nine modern Slavic languages.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ, ЗАПИСАННОЙ В ЛАТГАЛИИ

Елена Королёва, Латвия, Даугавпилс

Проблемы изучения диалектной фразеологии связаны прежде всего с устной формой существования диалектного высказывания, линейным развертыванием диалектной речи, наличием общей апперцепционной базы у говорящих, опорой на контекст, использованием невербальных средств общения. К расшатыванию идиом и появлению однословных идиом приводит редукция, свойственная устной разговорной речи в целом: *как в соль сесть* 'внезапно заболеть неизлечимой болезнью' – *сесть: в глазах тёмно, ничего не вижу, нынче я сел горáзд с глазám, ещё побли́зости так-сяк*. Млт.; *хоть бы хны* 'безразлично' – *хны: Хóдит, хны́ ему*. Млт.; *как рукой сняло / как с рук сняло / как рука́м сняло / как рука́м отняло / как рука́м сняли* 'бесследно прекратиться (о неприятном явлении)' – *как рукой: Поéхала в Кéмери, в санато́рию, в э́той бузы́ покупáлася – как рукой сняло. Зятька́ своего́ как примали́нил <побил>, и кровь с но́су, и хва́тит, всё – как рукой <перестал дебоширить>*. Млт.

Здесь мы сталкиваемся с другой проблемой диалектного языка. Как всякая разновидность устной речи, фразема может быть представлена большим количеством вариантов *берéчь как глаз во лбу / берéчь / держа́ть / карау́лить как глаз* 'беречь как зеницу ока': *Компрéссор у кого́ есь, запря́тан в ка́ждого – как глаз во лбу береге́т. Тепе́рь ён яну́ карау́лит как глаз, ему́ 80 лат на́до мобі́льник купи́ть. Ва́ню береги́ как глаз. Есь в меня́ 20 лат, но я держу́ как глаз: или в больни́цу поéхать или что*. Млт. в данном случае наблюдается редукция локативного компонента *во лбу* и развитие синонимического варьирования глаголов *берéчь / держа́ть / карау́лить*. Лексикографам приходится сталкиваться с проблемой тождества и подобия фразеологизма.

Современное состояние диалектной лексикографии не позволяет считать собранным весь материал по фразеологии русских народных говоров. СобираТЕЛЬСкая работа сталкивается с определенными трудно-

стями. Трудно выделить фразеологизмы в потоке речи. Необходимо кропотливо изучать материал одного населенного пункта, идиолекта на фоне всего говора, учитывать данные опубликованных диалектных словарей, как современных, так и исторических. Частотность – важный критерий в распознавании идиом.

Важным критерием в данном случае является наличие языкового соответствия в языке титульной нации, если говоры островные, как изучаемые нами говоры Латгалии. Например, как *разламанный* не считается в нашем «Диалектном словаре одной семьи» [ДСОС, 1-2] фразеологизмом. Сравнение с языковым материалом латышского языка позволяет исправить эту ошибку: *justies kā salauztam* <чувствовать себя как разломанным>, 'чувствовать себя разбитым' [LKFV: 415] – как *разламаный* 'усталый, разбитый, больной': *Значит мої кóстки погóду чўвствуют: я сегодња вся как разламанная*. Птл. [ДСОС, 2: 60]. Интересно, что компонент *чувствовать* оторвался от фразеологизма и переместился в начальную часть высказывания. Этот контекст наглядно демонстрирует то, как происходит постепенное разрушение фразеологизма. Сначала один из компонентов перемещается в ближайший контекст, потом в пресуппозицию, сохраняясь только в памяти говорящих.

Сопоставительное изучение диалектной и в нашем случае латышской фразеологии является очень перспективным. Еще более перспективным является сравнительное изучение русских староверческих говоров с латгальскими народными говорами, так как там языковых соответствий должно быть еще больше. Это очень перспективная тема.

Проблемы толкования лексического значения фразеологизма. Лексикограф должен использовать в толковании идентичные фразеологизмы литературного языка. Однако аналоги в литературном языке не всегда имеются. С подобными проблемами сталкиваются авторы двуязычных фразеологических словарей. Так, авторы латышско-русского фразеологического словаря [LKFV] в случае отсутствия такого аналога переводят фразеологизмы на русский язык и такие кальки снабжают специальной пометой: *ar acīm zagt nav grēks* *глазами красть – не в карман класть'; *dievs mutē velns sirdī* *языком Бога хвалит, а в душе черта славит'; *par naudu pat velns danco* *за деньги и черт пляшет' [LKFV: 20], *zaļajā muižā* – *на зеленом подворье (в лесу, под открытым небом) [LKFV: 529]. Аналоги этих фразем отсутствуют в русских говорах Латгалии. Однако встречаются и исключения: *akla vista arī graudu atrod* <

слепая курица тоже зерно находит >, *¹ и слепой курице случается зерно найти' [LKfV: 525] – *попало слепой курице зерно* 'неожиданно повезло': *Повезло – попало слепой курице зерно!* Птл.

Но этому принципу авторы следуют не всегда. Например: *prasi sunim desu!* <проси у собаки колбасу!> имеет такое толкование 'захотел от кошки лепешки!; в зубки попало: считай – пропало'. А фразеологизм *katram ir sava uts* <у каждого своя вошь> в словаре имеет толкование 'у всякого Степана свои изъяны'. Без перевода оказывается неясной мотивация и следующего фразеологизма: *pilns kā suns blusu* <полон как пес блох>, 'у него капризы на каждом шагу, от него только и жди капризов' [LKfV: 88] – *много блох за шкурой* 'совесть нечиста': *Много за твоёй шкурой блох!* (сильно разбаловавшейся правнучке). Птл. [ДСОС, 2: 118]. «Существенными семантическими признаками блохи являются – бессчетность – дробность – множественность, подвижность (проворность, прыгучесть), чернота, малый размер и способность кусаться» [СД, 1: 197]. Это во многом объясняет развитие образной семантики фраземы.

Представляется, что дословный перевод или пресуппозиция обязательно должны быть представлены в рамках словарной статьи у каждого фразеологизма и в диалектном словаре, и в переводном словаре. В противном случае самое интересное – образная мотивация фразеологии, демонстрирующая языковую картину мира, – отсутствуют, а словарь нельзя в полной мере использовать для сопоставительных культурологических исследований. Например: *darbs nav zaķis – projām neskries* <работа не заяц – в лес не убежит>, в словаре дается толкование 'дело не медведь – в лес не убежит, работа не волк – в лес не убежит' [LKfV: 527]; *labāk zīle rokā, nekā mednis kokā* <лучше синица в руках, чем глухарь на дереве>, в словаре дается такое определение: 'не сули журавля в небе, а дай синицу в руки' [LKfV: 535]; *skatās kā zirgs pēc auzām* <смотрит как конь на овёс> – словарная дефиниция 'смотрит как волк на теленка (как кот на сало)' [LKfV: 538]. Эти идиомы отражают особую нагруженность культурными коннотациями в культурно-языковом пространстве латышского языка лексем *заяц, тетерев, конь*. Например, компаративные конструкции – стереотипы с опорным компонентом *конь* – в латышском языке могут иметь значения 'работать как конь', 'врать как конь', 'здоров как конь': *strādā kā zirgs* – 'работает как вол', *melo kā zirgs* – 'врет как сивый мерин' [LKfV: 538], *vesels kā zirgs* – 'здоров как бык' [LKfV: 539].

Эти фразеологизмы могут не иметь общих компонентов в образной структуре. Казалось бы, такие далекие, на первый взгляд не сопоставимые фразеологизмы отражают разную картину мира народов, их создавших: *tik noguris kā kad rudzu rīju izkūlis* <так устал, как когда рей ржи намолотил>, 'так устал, будто весь день молотил' [LKFV: 401] – *ustāls* как *lēn prodāvši* 'очень сильно устать после тяжелого физического труда': *Agāfja Petrovna visgādā govorīla: «Ustāla* как *lēn prodāvši, вот и я сегодня как лēn prodāvši»*. Дгв. Разные события отражены в образах этих идиом, объединяет их отношение к процессу выращивания льна и ржи как к самой тяжелой работе. Интересно, что русские и латыши живут на одной территории, выращивают и рожь, и лен, воспевают их в фольклоре. Только историческая случайность привела к тому, что во фразеологизмах представлена разная специализация народа в выращивании сельскохозяйственных культур. Сопоставление следующих фразем важно в культурологическом аспекте: *čakls (strādīgs) kā skudra* 'трудолюбив как муравей (как пчела)' [LKFV: 438] – *rabótat* как *murāiški* 'трудиться старательно как муравьи': *Nādo rabótat* как *murāiški* <муравьи>. Крс. Народный стереотип рождается из наблюдений над природой, отражает изначальную близость сельского труженика к окружающей природе, неразрывную кровную связь с ней и демонстрирует несколько иную, чем у носителей литературного языка, наивную картину мира. В русском литературном языке отмечается фразеологизм *работат, трудитсѧ как пчёлки*: «Словно Божьи пчелки трудились две сестрицы. Многим облегчили страдания» [Блаженная Евфросиния Полоцкая 1939: 11]. Хотя представление о муравье как о трудолюбивом насекомом также характерно для языкового сознания носителей литературного языка, достаточно вспомнить басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей», ставшую прецедентным текстом, несмотря на то, что мотив заимствован у Лафонтена, а тот его взял у Эзопа, но во фразеологию русского литературного языка в силу исторической случайности образ муравья не попал.

Следующий фразеологизм демонстрирует синкретизм христианского и языческого:

bīstas (bēg) kā velns no krusta <спасается (бежит) как черт от креста>, 'боится как черт ладана (попа); бежит как черт от ладана; боится как огня' [LKFV: 238] – *bojāts* как *čērt lādana* Млт. | *bojāts* как *čērt гроба* | *bojāts* как *čērt грёма* Птл. [ДСОС, 2: 114] | *bojāts* как *čērt огня* 'очень сильно бояться': *Моя* как *чёрт грёма* *бойлась побесітсѧ*,

поиграть. Пзн. *Под бо́ком сидели, а боялись его́ как чѣрт ла́дана*. Млт. *Они́ боя́тся меня́ как чѣрт огня́ – нагоню́ на них стра́ху*. Дгв. Перун пускал стрелы в чертей, поэтому они боялись грозы, и огня, Илья-пророк подобным образом устрасал чертей, проносясь по небу в своей колеснице [Афанасьев 1983: 84]. От христианства идет представление о том, что «черт ладану боится», по свидетельству С. В. Максимова, крестьяне на случай грозы припасают ладан, чтобы посыпать его на уголья в печной загнетке или на раскаленную сковородку [Максимов: 208], а где гроб, там кадят ладан (хотя, вероятно, варианты *грома* / *гроба* могли возникнуть по фонетическим причинам: губные слабо различаются в устной речи, а усвоение фразем в говорах происходило устным путем). Интересно, что, по религиозным представлениям староверов, *крест всему́ челове́ку ограда́*. Стр. Приведенные русские фразеологизмы отличаются в социолингвистическом отношении. Так, *боя́ться как чѣрт ла́дана* – общенародное, *боя́ться как чѣрт огня́* записано от постоянного жителя Латвии, переехавшего в Латвию из России, *боя́ться как чѣрт грому́* записано у латгальских староверов, *боя́ться как чѣрт гро́ма/боя́ться как чѣрт гро́ба* записано у православных в Пыталово, населенном пункте, исторически входящем в состав Первой Латвийской республики. Таким образом, мы видим, что диалектный материал отличается разнородностью социального статуса респондентов. Социолингвистическое описание диалектной фразеологии – еще одна проблема, стоящая перед диалектологами.

Список населенных пунктов

Даугавпилсский район: Даугавпилс (Дгв.); *Краславский район*: Краслава (Крс.); *Прейльский район*: Пизани (Пзн.); *Стародворье* (Стр.); *Резекненский район*: Малта (Млт.); *Пыталово Псковской области* – Птл.

Использованная литература

Афанасьев, А. Н.: *Древо жизни*. Москва. 1983.
Блаженная Евфросиния Полоцкая (память 23 мая). Житие св. Евфросинии Полоцкой. Rīgas Grebeņšičikova Vecticībnieku draudzes izdevums, Rīga. 1939.
ДСОС – Королева, Е. Е.: *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Ч. 1–2. Daugavpils. 2000.

LKFV – Caubuliņa, D., Ozoliņa, N., Plēsuma, A.: *Latviešu-krievu frazeologiskā vārdnīca*. Rīga. 1965.

Максимов, С. В.: *Нечистая неведомая сила*. Т.1. Москва. 1993.

СД – *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т.1. Москва. 1995.

Key words:

comparative phraseology, lexicography, dialect, national stereotype, language picture of the world, Russian, Latvian

Summary

The author has recorded a collection of idioms in Russian dialects of Latgale and describes her experience of lexicography in this article. Each idiom may be reduced to a word in dialectal speech or may have some variants. Therefore it is difficult to find boundaries of idioms and to define their semantics. Besides many corresponding Latvian idioms could be a source of local Russian idioms (the author gives 6 examples). a comparative study of idioms allows defining the cultural context in which these idioms have appeared.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОБЯЗАННОСТИ БОГОПОЧИТАНИЯ» В СОЧИНЕНИЯХ ИВАНА НЕРОНОВА

Мария Коротенко, Россия, Магнитогорск

Обширное поле «церковь», исследование которого крайне важно для воссоздания языкового портрета церковных деятелей, к коим относился и Иван Неронов – пламенный проповедник 2-й пол. XVII в. и глава церковной оппозиции первого этапа раскола русской церкви – включает в себя несколько фразеосемантических групп. Первая и основная из них – группа «обязанности богопочитания». Она представлена в сочинениях И. Неронова 20 устойчивыми словесными комплексами (УСК) – *веровати въ Господа/Бога, последовати святым стопам, любити Господа/Бога, убоятися Бога/Христа, уповати на Христа/Бога, исповедовати Христа/Спаса/Слово Божие* и др.

УСК группы «обязанности богопочитания» содержат сложную сему 'верить в бога'. Данная сема эксплицирована лишь в одной устойчивой единице, представленной в сочинениях И. Неронова в двух вариантах, – *веровати в Господа/Бога*. «Веровать в Бога, – по Закону Божьему, – значит быть твердо уверенным в том, что Бог есть, промышляет о нас, и всем сердцем принимать Его божественное откровение (благодать)» [1, с. 501]. «Веровать в Бога» есть первая и основная обязанность богопочитания [1, с. 570]. Крайнюю малочисленность УСК с эксплицированной семой 'верить в бога' можно объяснить, обратившись к исследованиям религиозной картины мира, в которых *вера* определяется через *доверие* и трактуется как «естественная и адекватная установка по отношению к Божеству, которое таково, каким его представляют христиане». Такое доверие Т. Пенелхэм называет «имплицитным» [Цит по: 2, с. 67].

Второй обязанностью богопочитания «Закон Божий» называет «идти за Христом», то есть, «веровать во Христа.., исполнять его святую волю» [1, с. 35]. На присутствие в текстах И. Неронова этой обязанности ука-

зывают 7 УСК *последовати Христу, Христу послужити, покоритися Владыце, угодити Богу* и др. Помимо коннотаций, вносимых зависимыми компонентами как наименованиями христианского Бога, глагольные компоненты в составе УСК *последовати Христу, последовати святымъ стопамъ, подражати Владыку/Христу* наделяют УСК дополнительными оценочными смыслами, обусловленными наличием сем воли и желания в их интенционале. Зона же интенционала компонента *угодити УСК угодити Богу* включает, помимо названных, семы достижения результата, за счет чего и происходит концентрация положительных смыслов во всем УСК.

Третья обязанность богопочитания, по «Закону Божьему», – «надеяться на Бога, любить Бога и повиноваться Богу» [1, с. 570]. В УСК *на Бога надежду имети, уповати на Христа, ждати милости Господа/Бога* и т. п. сема 'верить' присутствует потенциально и обнаруживается в результате обращения к словарным дефинициям. Так, *вера*, судя по «Историко-этимологическому словарю» П. Я. Черных, одним из значений имеет 'твердую надежду на что-либо, упование' [3, т. 1, с. 141]. Через 'твердо надеяться' определяется слово, являющееся компонентом нескольких УСК этой группы, – *уповати* [4, с. 743]: *уповати на Христа* и др. Словари указывают и на объект указанного действия: *уповати* – 'надеяться на божественную милость' [3, т. 2, с. 291], что в текстах И. Неронова нашло отражение в УСК *уповати на Всещедрую милость* и *ждати милости Господа*. Глагольный компонент в составе УСК *ждати милости Господа* также корреспондирует понятию 'надеяться' («Словарь русского языка XI–XVII вв.» определяет *ждать* как 'ожидать, надеяться' [5, т. 5, с. 78]). Надежда, наряду с верой и любовью, является одной из главных христианских добродетелей [6, с. 165], «надеяться на Бога» – третьей обязанностью богопочитания [1, с. 570]. Для сочинений И. Неронова характерна более высокая частотность и относительное разнообразие УСК со сложной семой 'надеяться на Бога', чем УСК с эксплицированными семами 'верить в Бога' и 'любить Бога', что обусловлено особой эмоционально-экспрессивной окрашенностью понятия 'надежда' в христианской культуре. Митрополит Антоний Сурожский в «Беседах о вере и церкви» так определяет различия между надеждой и верой: «... искра радости... отличает надежду как предвкушение от веры, являющейся лишь убеждением» [7, с. 150]. В исследуемых текстах данные УСК имеют четкую функциональную при-

крепленность: характеризуют действия автора текстов (9 употреблений) и его единомышленников (3 употребления).

«Любить Бога» является составляющей третьей обязанности богопочитания (наряду с «надеяться на Бога») [1, с. 570]. Данный постулат нашел отражение в УСК *любити Бога/Господа/Христа, убояться Бога/Христа, божий страх соодолети*, извлеченных из сочинений И. Неронова. Имплицитное присутствие семы 'верить в бога' в данных УСК отражает «Словарь православной культуры» в статье, посвященной слову *вера*. Одним из значений слова *вера* словарь называет 'любовь к Богу' [6, с. 43]. Кроме того, Б. Вышеславцев в работе «Этика преображенного Эроса» определяет веру как «непосредственное отношение между Богом и человеком... в интимно-сердечном соприкосновении любви» [8, с. 44].

«Высшая форма любви к Богу, – гласит «Закон Божий», – есть благоговение, или страх Божий», то есть «боязнь удалиться от Бога через наши грехи» [1, с. 570]. Она отражена в текстах И. Неронова посредством УСК (*у*)*бояться Бога/Христа, страх Божии соодолети*. В последнем УСК основные коннотативные смыслы в свернутом виде заключены в сочетании компонентов *страх Божии*, являющихся библейской реминисценцией (Сир. 1: 11), которые в текстах Священного Писания наделены положительными оценочными семами, опирающимися на семы эмотивности и экспрессии. Дополнительная же экспрессия вносится в УСК компонентом-интенсификатором *соодолети* – 'усилить' [9, т. 3, ч. 1, с. 785], который насыщает весь УСК семами интенсивности. Такая концентрация смыслов в импликационале УСК дает возможность использовать его в идеологических (пропагандистских) целях. В сочинениях И. Неронова данный УСК наделяется большей значимостью (ценностью) по сравнению с УСК *от Бога данная власть*. Контекстуально названные УСК связываются причинно-следственными отношениями: «*Слыши, любезне, иже бо страхъ Божии не соодоле, превозможе отъ Бога данную власть царя...*» [10, с. 98]. Таким образом, *страх Божии* признается основой верховной власти, а отступление от него чревато потерей престола, что на примере древних византийских царей, опираясь на многочисленные цитации из житий отцов церкви, И. Неронов старается донести до московского царя Алексея Михайловича.

В рамках четвертой обязанности богопочитания «Закон Божий» предписывает «поклоняться Богу, прославлять и благодарить Господа Бога» [1, с. 570]. В сочинениях И. Неронова данную христианскую обязанность

отражают УСК *образу поклоняются, поклоняются Христу/Богу, первообразное почитати, почитати со страхомъ* и др. Образное значение 'почитать, поклоняться божеству' в УСК с глагольным компонентом *поклоняются* сформировано на базе прямого – 'класть земной поклон, простираться ниц' [11, т. 6, с. 602], и происходит из обряда «в знак смирения перед Богом...сопровождать молитву поклонами» [1, с. 37]. Зависимые компоненты в УСК *образу поклоняются, поклоняются Христу/Богу, первообразное почитати* указывают на объект поклонения.

Компонент *образ* в составе УСК *образу поклоняются* в сочинениях И. Неронова реализует значение 'прообраз, первообраз' [5, т. 12, с. 134], в исследуемых текстах он тесно связан семантически с компонентом *первообразное УСК первообразное почитати*. «Первообразным» же человеческого существа, – по утверждению С. Булгакова, – является «Бог, Абсолютный Божественный Дух» [12, т. 1, с. 418].

Итак, зависимые компоненты УСК *образу поклоняются, первообразное почитати, поклоняются Христу/Богу* указывают на один объект психического действия – христианского Бога.

Дополнительными семами экспрессии в структуре коннотативных смыслов отмечен УСК *почитати со страхом* – здесь пополнение зоны импликационала происходит за счет зависимого компонента, указывающего на высшее проявление религиозного чувства. Данный УСК имеет в сочинениях И. Неронова функциональную прикрепленность: характеризует психическое действие единомышленников автора текстов – провинциальных «ревнителей благочестия».

«Чтобы вера была живой и действительной, – гласит «Закон Божий», – необходимо исповедовать ее» [1, с. 501]. Исповедовать Бога, то есть «открыто выражать внутреннюю веру в Бога словами и добрыми делами так, чтобы никакие опасности, гонения, страдания и самая смерть не могли заставить отречься от веры» [1, с. 502] – пятая и последняя обязанность богочитания [1, с. 570]. В текстах И. Неронова эта обязанность отражена УСК *исповедовати Христа/Спаса/Слово Божие, исповедовати (в троице славимаго) Бога, исповедовати страдание* и др. УСК *исповедовати Христа, исповедовати Спаса, исповедовати Слово Божие, исповедовати в троице славимаго Бога* являются вариантами УСК *исповедовати Бога*: стержневые компоненты их совпадают, зависимые же представляют собой полные синонимы, – что и обеспечивает единство плана содержания данных единиц. Все УСК фразеосемантической группы «обязанности

богопочитания» содержат в своем импликационале ярко выраженные оценочные семы, часто сочетающиеся с семами эмотивности и экспрессии.

Основная, наиболее глубокая черта характера, отражающаяся в УСК группы «обязанности богопочитания», – религиозность; сочетание реализма и мистицизма. Наличие ярко выраженных сем воли во многих УСК группы, сочетающихся с ярко окрашенными коннотативными смыслами, позволяет предположить объединение в структуре личности И. Неронова сильного чувства с напряжением воли, направленных на какую-л. ценность. Чем выше ценность, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей с сильной волей. Вера выступает как основная непререкаемая ценность, с этим связано гипертрофированное чувство личной ответственности у автора исследуемых текстов за неприкосновенность/сохранение этой ценности.

Использованная литература

1. *Закон Божий* / Сост. Прот. Серафим Слободской, изд. 4-е, репринт, М.: Даниловский благовестник, 1995. – 723 с.
2. Коростелева, Ю. Е. *Религиозная картина мира (гносеологический анализ)*: Дисс... канд. филос. наук, – Магнитогорск, 2002. – 123 с.
3. Черных, П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: в 2-х тт.* – М.: Русский язык, 1993.
4. *Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.)* / Под ред. Р. М. Цейтлин и др. М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
5. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* – М.: Наука, 1975–2002. – Вып. 1–26.
6. Складаревская, Г. Н. *Словарь православной церковной культуры* / РАН. Ин-т лингвистич. исслед. – СПб.: Наука, 2000. – 278 с.
7. Антоний Сурожский. *Беседы о вере и церкви*. In: Богословские труды. Вып. 23. – М., 1982. С. 13–32.
8. Вышеславцев, Б. П. *Этика преображенного эроса: Проблемы закона и благодати.* – Paris: YMCA press, – 1931. – 273 с.
9. Срезневский, И. И. *Словарь древнерусского языка: в 3-х т.* – М.: Книга, 1989.
10. *Письмо Неронова к Стефану Вонифатьеву из Вологды, отъ 13июля 1654 г.* In: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н.Субботина. – Т.1. – М.: Братское слово, 1875. – С. 94–108
11. *Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.: в 10-ти т.* / АН СССР. Ин-т рус. яз. (Андрианова и др.). Гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1987–2002.
12. Булгаков, С. Н. *Трагедия философии (философия и догмат)*. In: Булгаков С. Н. Сочинения: в 2-х т. – Т.1. – М.: Наука. – 1993. – С. 311–517.

Key words:

language portrait, set expressions, phraseological-semantic group

Summary

Ivan Neronov was the most famous preacher of the second part of the XVII century and leader of opposite church in the beginning of the Great Split. He was the most unusual and strong-willed person in times of the Great Split.

The set expressions of phraseological-semantic group “God-worship duty” taken from Neronov’s works are important to show what he was like as medieval church figure. Owing to the analysis we get characteristics of author’s language portrait.

ЯЗЫКОВЫЕ СВОЙСТВА И ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ПОТЕНЦИИ ФРАЗЕОМОДЕЛЕЙ С ЛЕКСИЧЕСКИМ ПОВТОРОМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. МАКАНИНА

Л. В. Ксенофонтова, Россия, Москва

В современных лингвистических исследованиях структура языка не отделяется резко от его функций. Функциональный анализ дает возможность вскрыть соотношение значения языковых единиц и их смысла в тексте [3, с. 18]. Поиск смысла функционирования единиц выводит на содержательные характеристики текста в целом. В этом плане традиционно существенным ориентиром являются ключевые лексические средства. Но на роль ключевых, реализующих основные инвариантные темы в художественном произведении, могут претендовать и синтаксические модели, обладающие изобразительно-выразительным потенциалом. В статье пойдет речь не о свободных моделях, а о предложениях фразеологизированной структуры с лексическим повтором типа: жизнь как жизнь, жизнь есть жизнь, жизнь – это жизнь, жизнь везде жизнь. Частая встречаемость в пределах одной книги В. Маканина [4] (более 60 единиц) наводит на мысль о не обычном их употреблении (передача спонтанности, автоматизма разговорной речи в тексте), а о смыслообразующем, концептуально значимом.

Писатель В. Маканин относится к значительным русским прозаикам, его «особое место определяется отчетливо внеидеологическим и более того – экзистенциальным характером его прозы» [5, с. 9]. Два романа В. Маканина: «Портрет и вокруг», «Один и одна», написанные в 80-х годах, объединены сквозным образом рассказчика – писателя Игоря Петровича. Его (равно как и В. Маканина) интересуют проблемы социально-психологического характера, в частности, драма героев, «одного» и «одной», не принявших советскую идеологическую установку на стандартно-общественное и стандартно-бытовое. Они живут прошлым – молодостью, в которой была оттепель: пламенные речи, публичная поэзия, яркие спектакли, песни у костра. А время 70-х – время прагматиков, время другого

«выводка», «роя» – неприемлемо для них. Они отгораживаются от чуждого им мира своей одинокостью, но, по-видимому, от своего времени отгородиться невозможно. Стереотипная, стандартизованная идеология навязывает стереотипное мышление, поэтому, на наш взгляд, практически все герои мыслят стереотипами. Вот почему во всех видах речевых действий: и внутренней речи героев, переданной Игорем Петровичем, и в его собственной речи – столь часто встречаются фразы-стереотипы. Они представлены в тексте фразеологическими конструкциями. Думается, языковой, структурно-семантический аспект служит основанием описания функционирования синтаксических единиц, поэтому рассмотрим указанные свойства фразеомоделей.

Фразеологизированные предложения представлены в тексте конструкциями, построенными по модели «повтор лексем + формант (как, есть, это, значит)», имеющими обобщенное грамматическое субъективно-модальное значение «оценка предмета речи как соответствующего обычной норме или постоянным, обычным качествам», которое регулярно воспроизводится данной моделью. Это значение создается разнопозиционным лексическим повтором (в позиции субъекта и предиката) и имеет преимущественно интерпретационный, а не отражательный характер.

В первую очередь, к таковым относится наиболее частотная фразеомодель с формантом «как», в которой оба компонента тождественны не только лексически, но и по форме.

*– Меня, собственно, не Н. волнует. **Скульптор как скульптор**; Нинель Николаевна покачала головой, нет, нет, ей не плохо – **вечер как вечер**; **Кумиры как кумиры**. Твардовский и Хрущев остались в том времени навсегда; Не исчезнут ли, мол, некоторые книги после их посещения; **люди как люди**; Сидя в кресле, он покуривал и стряхивал пепел на пол: **в сарае, мол, как в сарае**; **Но в общем то дача как дача**; **На водах как на водах**.*

Семантико-синтаксическая особенность таких конструкций в том, что оценка – «предмет, ситуация в рамках обычного» – заключена не в одном компоненте, а передается и воспроизводится конструкцией в целом. Повтор лексем не только передает семантику идентификации (тождества), но и способствует механизму передачи двух типов референции – конкретной и родовой. Первая лексема – предмет речи относит высказываемое к конкретному, наблюдаемому, или мыслимому денотату, а вторая актуализирует понятийное, родовое, конвенциональное значение.

Формант «как» вносит компонент уравнивания этих двух сущностей лексического значения и, следовательно, участвует в передаче предикативности. Данные конструкции употребляются в большинстве случаев изолированно, вне союзной синтаксической связи с другими предикативными единицами, однако функционируют они, как правило, в контексте обусловленности, обоснования той или иной ситуации, поэтому между ними и контекстом нередко устанавливается значимое бессознательное.

*Тот медленно, благоговейно подносил наполненный стакан ко рту. **Старичок как старичок; Начало было как начало. Пока.***

Довольно часто фразеомодели сопровождаются частицами, модальными словами, прямо указывающими на оценочное отношение, логическую обусловленность, а также на авторизацию «точки зрения» – собственную или чужую речь героя.

*И зачем ей надо было в обувной, у нее есть обувь, отличная обувь, ну просто женщина как женщина, вот и зашла; Ну да – одинокий я. Но ведь люди как люди; Даев перебил: **Мол, женщины как женщины.***

Особый стилистический эффект наблюдается в случаях употребления фразеомоделей в позиции вставки, где усиливается эффект мимолетности пришедшей в голову героя мысли: *«Мимо нее шли люди (вечер как вечер); Я даже забываю, что можно бы закурить. (Маневр как маневр); Оба не замечали собирающейся вокруг деревенской толпы (зеваки везде зеваки).»*

В последнем примере фразеоконструкция имеет несколько другой оттенок: обобщенности обычного, присущего человеческой натуре качества.

Более отчетливую идентифицирующую семантику имеют фразеомодели со связками-формантами «есть» и «это». Связка «есть» вносит оттенок абсолютного тождества, замкнутой тавтологичности. С помощью повтора создается «формульность» и симметричность, способствующая закреплению в краткой яркой форме глубокой мысли, а отсюда и особая выразительность, и частая воспроизводимость их в речи. Предмет речи оценивается говорящим как соответствующий своей сущности и одновременно не выходящий за рамки своей сущности.

*Женщина есть женщина. Она разговорится, если уж пригласила; Говори, мол, я жду, **жизнь есть жизнь** и человека, мол, словами не убьешь; Он не из тех, кто слушается. **Барин есть барин; Зрелище есть зрелище**, – некая первородность и таинство, тем и манит.*

Лексемы с обобщенным значением (абстрактным, родовым, метафорическим) участвуют в создании универсальных формул бытия, этому же способствуют показатели всеобщности, всеохватности – «езде», «езде»:

*- Какое это имеет значение? **Вещи всегда есть вещи; Искатель истины отошел в глубь пещеры и сердце его разрывалось от боли. Сердце всегда есть сердце.***

Синонимичными по значению с предыдущей группой являются фразеомодели с частицей «это». Частица «это» акцентирует значение идентификации, способствует интонационной расчлененности конструкции, при этом усиливается текстовая функция прямой или обратной обусловленности происходящих событий. Лексический повтор поддерживает семантическую афористичность:

*Один раз ограбил, другой раз одарил. **Характер – это характер; Возраст – это возраст, конечно, но зато Геннадий Павлович из тех, кто не подведет; Дочка – это дочка. Семья – это семья. Дело святое; Впрочем, люди – это люди, танцуют везде.***

Особый, каждый раз индивидуальный, трудно улавливаемый смысл выражают конструкции с повтором имен собственных.

*Материал, дескать, у меня есть, но справиться трудно, **а ведь Старохатов – это Старохатов. Большой драматург, что там ни говори; Держалась независимо и гордо. Но опять, увы, Нина – это Нина; Коля не придет. – Коля – это Коля.***

В данных конструкциях говорящий идентифицирует лицо по своим существенным качествам, которым оно, по обыкновению, не изменяет. Лицо оценивается как не выходящее за рамки своего «обычного амплуа». Конкретное значение таких конструкций зависит только от того, какой смысл говорящий вкладывает в оценку, а точнее, как лично он понимает сущностные качества оцениваемого лица относительно сложившейся ситуации. Их семантика наиболее открыта, легко наполняется контекстными отношениями.

Во фразеомоделях с повтором лексем и связочным глаголом «значит» реализуются разные по характеру субъективно-модальные значения. Лексемы в именительном падеже передают значение идентификации:

*Но в остальном – ни – ни, деньги и блага его не волнуют: **герой – значит герой.*** В этом примере актуализируется значение необходимости соотвечствия заданной роли. Связка «значит», хотя и десемантизированная,

вступает в синонимические отношения с глаголом «означает». Другое лексическое наполнение может создавать омонимичное отмеченному в предыдущем примере значение согласия.

*Но работы я в те времена не боялся. **Надо, – значит, надо.*** Здесь общее значение конструкции – «принятие сложившегося положения». Формант «значит» синонимичен форманту «так» (Надо так надо).

Выделенные четыре разновидности фразеомоделей с повтором с формантами «как», «есть», «это», «значит» близки по характеру субъективно-модального значения. Для них характерна модификация и в объективно-модальном плане:

*Липы **были** как липы. Начало **было** как начало. Вера **была** всего лишь Верой. Внутри портфель **был** как портфель.*

Кроме того, фразеомодели допускают и семантические модификации, например, в плане субъектной авторизации: *Но Вера **для меня** теперь просто Вера*; необходимой реальности: *Чушь собачья – пленный **должен** *выглядеть* как пленный.*

С точки зрения структуры рассматриваемые фразеомодели двукомпонентны, но квалификация первого компонента как подлежащего (предмет речи) не вызывает сомнения, а второго как сказуемого (предикативная характеристика предмета речи) недостаточна, т. к. модально-оценочное значение соответствия обычной норме или постоянной сущности заключено во всей модели. Особенно ярко это значение выявляется во фразеомоделях с формантом «как», которые способны употребляться в качестве сказуемого: Они люди как люди. Поэтому степень синтаксической членности таких конструкций невысока. «Русская грамматика» рассматривает как фразеологизированные предложения только первую разновидность [6, с. 368]. На наш взгляд, все выделенные разновидности можно отнести к фразеомоделям, поскольку они обладают существенными чертами сходства в форме, семантике и функционировании. По крайней мере, три последние находятся в зоне переходности между синтаксически свободными и фразеологизированными предложениями [2].

Обобщая наблюдения над языковыми свойствами фразеологизированных предложений, отметим, что, с одной стороны, их конкретные субъективно-модальные значение формируются лексическим наполнением и взаимодействием с контекстом, а с другой стороны, наблюдаемые обобщенные языковые значения сами несут в себе текстообразующий потенциал.

Описываемые фразеомодели – это знаки оценивания мыслящим субъектом «положения дел» как стандартного, в них лексический повтор, тавтология, способствует передаче фразеологичности мышления. По функции они представляют собой логическое обоснование субъектом возникающих ситуаций, интерпретацию последних как не выходящих за рамки имеющихся о них представлений. Это формулы «расхожего» житейского обоснования происходящих событий, возникающих коллизий, формулы – стереотипы житейского мышления.

Практически все герои Маканина мыслят обыденно, стереотипно, тем самым в повести «Один и одна» *снято* драматическое противопоставление двух поколений: старого, восторженного, и нового, прагматического, противопоставление одиноких и находящихся внутри «выводка» и «роя». Как замечает исследователь Т. Маркова, подобные словесные формулы (повторяемости, обыденности, заурядности) с непреложностью стиливого закона присутствуют в разных текстах Маканина и отражают авторскую концепцию человека [5, с. 101]. Критик Л. Аннинский писал, что В. Маканин – «кристаллограф серого бытового разговора, а школа «серединного человека», к которой он отнес В. Маканина, безусловно, создала свою стилистику. Это не межстилье и не «ожидание» стиля. Это язык, отвечающий теме» [1, с. 8].

Возникает вопрос, намеренно или ненамеренно использует писатель столь частотно фразеомодели? На наш взгляд, ответом является второе: авторское подсознание, интерпретируя объективную действительность и воплощая ее в субъективно-объективные формы художественного мира, использует максимально адекватные средства для выражения темы, мотива, концепции.

Поэтому в данном случае в текстах В. Маканина фразеологизированные конструкции, реализуя заложенные в них определенные значения, способствуют эффективному выявлению ключевых мотивов. Это действительно «язык, отвечающий теме».

Литература

1. Аннинский Л. Структура лабиринта // Маканин В. С. Избранное. Повести и рассказы. – М., 1987.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000.
3. Валгина Н. С. Теория текста. – М., 2004.
4. Маканин В. Портрет и вокруг. Один и одна. – М., 1991.
5. Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). – М., 2003.
6. Русская грамматика Т.2. – М., 1980.

Key words:

phraseomodel, lexem repetition, text function, identification, stereotype, standart, estimation, evaluation

Summary

The article is devoted to phraseomodels (phrasems) of the Russian language with tautological components. Depending on formants, there are four groups established with common identifying notion, which appear to be the basis for the reproduced subjective-modal notion – accordance to casual, stereotypical. The meaning and usage of the phraseomodels given in Makanin's texts appear to be conceptforming.

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ В СИСТЕМЕ СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ¹

Ольга Куныгина, Россия, Челябинск

Существование в разделе «Морфология» современного русского языка таких понятий, как *предлог*, *союз*, *частица*, ни у кого не вызывает сомнений. Однако освоение этих понятий вряд ли будет полным, если не обратить внимание на существование и функционирование наряду с лексическими единицами классов фразеологизмов: фразеологических предлогов, фразеологических союзов, фразеологических частиц.

Класс фразеологизмов-частиц качественно отличается от лексических частиц. Фразеологические частицы представляют собой раздельнооформленные структурные образования, тогда как лексические частицы – цельнооформленные.

Недостаточная изученность класса фразеологических частиц объясняется отсутствием единой терминологии: «*частицы речи*» (В. В. Виноградов), «*составные частицы*» (Грамматика – 1980, вузовские и школьные учебники), «*сложные частицы*» (Н. Ю. Шведова), «*эквиваленты слова*» (Р. П. Рогожникова). Хотя в «Русской грамматике» вводится термин «*частицы-фразеологизмы*», рассматриваются они «*внутри составных частиц*».

На наш взгляд, наиболее точным обозначением единиц этого класса будет термин «*фразеологическая частица*». Называя единицы этого класса этими термином, мы указываем на их характерные признаки: раздельнооформленность, цельность значения, соотносимость с лексическими частями.

Впервые фразеологические частицы выделила как семантико-грамматический класс А. М. Чепасова в книге «Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов».

Она соотнесла фразеологизмы с категориальным грамматическим значением слов и создала семантико-грамматическую классификацию

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК – 3911.2004.6

русских фразеологизмов. Фразеологические единицы по содержательным признакам распадаются на 7 больших классов, каждый из которых имеет свойственное только ему общеграмматическое, категориальное значение, или тип семантики, и характеризуется закономерной для этого класса синтаксической сочетаемостью.

Сам термин «значение» по отношению к части речи частица следует употреблять корректно. Частицы не обладают номинативной функцией в строгом смысле этого слова, они не обозначают ни предмета, ни признака, ни процесса, а *«вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений»*.

Специфика фразеологических частиц как одного из семантико-грамматических классов заключается в том, что они являются своеобразным средством: указывают на уточнение, ограничение, выделение, усиление и т.д. смысла слова или словосочетания или на отношение говорящего к высказываемой мысли.

Класс фразеологических частиц, соотносимый с лексическими частицами, обладает широтой семантики. На эту особенность обратил внимание В. В. Виноградов в книге «Русский язык»: *«...семантический объем этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления»*.

Фразеологизмы-частицы по своему категориальному значению соотносительны с лексическими частицами и вносят дополнительные семантические оттенки уточнения, ограничения, выделения, отрицания, усиления и т.д. в значения слов или словосочетаний.

В семантической структуре фразеологизмов-частиц вычленяются групповые семы, являющиеся важными, так как они лежат в основе общей семантической классификации данных единиц на группы. Групповым семам подчинены остальные, менее общие семы, уточняющие, конкретизирующие их, которые мы называем индивидуальными, так как они создают индивидуальность фразеологических единиц. На основе индивидуальных сем фразеологизмы-частицы определенной группы объединяются в подгруппы.

Например, фразеологические частицы, содержащие сему «смыслоразличительность», разделены нами на три подгруппы. Первую образуют усилительные частицы, например, *все же(ж), даже и, хоть бы и, вот*

ведь; во вторую группу входят указательные частицы, к примеру, *а вот, вот и, вот тебе и, да вот, и вот, ну вот*; третью составляют частицы, выражающие значение уподобления: *будто бы, будто и, вроде бы, как бы, точно бы* и другие.

Как показывает анализ нашего материала, групповое значение некоторых фразеологизмов-частиц может осложняться элементами значений других групп. Совмещение нескольких сем в значении одной единицы свидетельствует о сложности семантики фразеологических частиц, поэтому выделенные нами группы и подгруппы не отделены друг от друга жесткими границами, а представляют собой семантически связанную открытую структуру.

Фразеологические частицы соотносятся с лексическими частицами русского языка. При сравнительной характеристике лексических и фразеологических частиц необходимо отметить следующее.

1. Лексические частицы являются древнейшими по образованию. Большинство этих единиц образовано от слов других частей речи.

Например, *ведь* – ВЪДЪ; *бы* – из формы второго-третьего лица аориста глагола БЫТИ; *мол* – МОЛВИ; *чай* – ЧАЯТИ.

Фразеологические же частицы являются сравнительно поздними по образованию. Более того, этот класс фразеологических единиц постоянно пополняется в современном русском языке.

2. Лексические частицы сохраняют омонимические отношения с местоимениями, наречиями, союзами.

«Скажи, которая Татьяна?» – «Да¹ та, которая грустна и молчалива, как Светлана» [А. Пушкин. Евгений Онегин].

Молодые листья лепетали, да² зяблики кое-где пели [И. Тургенев].

Да¹ – лексическая частица, служит для выражения значения подтверждения.

Да² – союз, служит для связи частей сложносочинённого предложения.

Фразеологические частицы вступают в омонимические отношения с единицами других семантико-грамматических классов: качественно-обстоятельственными фразеологизмами, фразеологическими союзами, модальными фразеологизмами.

– Опоздали, Семён Иванович, поезд только что¹ ушёл [А. Гайдар. Школа].

Только что² хозяева и гости начали засыпать, к дому подъехало несколько человек верхом [Емельянов. Выход из окружения].

Рыбкооповская лавка - обыкновенная хата, только что³ под железной крышей да перед входной дверью большое, широкое крыльцо [Н. Дубов. Мальчик у моря].

Только что¹ – качественно-обстоятельный фразеологизм, так как связан с глаголом *ушёл*, синонимичен наречию *недавно*, в предложении является обстоятельством времени.

Только что² – фразеологический союз, так как связывает части сложноподчинённого предложения, синонимичен союзу *как только*.

Только что³ – фразеологическая частица, уточняет семантику словосочетания *под железной крышей* и служит для выражения значения выделения.

3. Лексические и фразеологические частицы вступают в синонимические отношения друг с другом.

Вот - вот и - вот тебе и - а вот и - а вот.

- *Вот и* наше жилище, - воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику [И. Тургенев. Ася]. - *Это тебе не армия!* - ору я ему (итальянцу - О. К.) в ответ и точно также кручу у его физиономии пальцем. *Вот тебе и* демократия, *вот тебе и* свобода личности [Комсомольская правда. 5. 01. 90.]. *А вот и* калоши, вон там. Достань их [К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве]. Куда ни взглянешь, люди, люди, люди, - много людей, говорящих на непонятном языке. *А вот* жонглер [Н. Ильина. Возвращение]. «Мой секундант? - сказал Евгений, - *Вот* он: мой друг, *monsieur Gillot*» [А. Пушкин. Евгений Онегин]. *Вот* парадный подъезд [Н. Некрасов. Размышления у парадного подъезда].

Единицы приведенного ряда относятся к группе смысловозначительных частиц, сочетаются с существительными – *жилище, демократия, свобода*, и др. и личными местоимениями третьего лица – *он, она, они*; служат для выражения значения указания на предмет, лицо, живое существо, но различаются семантическими оттенками: *вот и* – усилительное указание; *а вот и* – усилительное указание с оттенком долгожданности; *а вот* – указание с оттенком неожиданности; *вот тебе и* – усилительное указание с оттенком неудовлетворенности.

Как видно из приведенных цитат, фразеологизмы-частицы имеют больше возможности в выражении отношений и оттенков, чем лексическая частица.

Сравните: *вот он, вот* подъезд. Лексическая частица *вот* служит для выражения значения указания на предмет, лицо. А фразеологизмы-части-

цы благодаря раздельноформленности и разнообразию сем фразообразующих компонентов точнее, глубже выражают оттенки и отношения.

Использованная литература

Виноградов, В. В.: *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. М., 1972.

Грамматика русского языка: в 2 т. М., 1960.

Рогожникова, Р. П.: *Вариативность и синонимия эквивалентов слова*. In: Диалектические процессы во фразеологии. Челябинск, 1993. с. 40–41.

Русская грамматика: в 2 т. М., 1982.

Чепасова, А. М.: *Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов*. Челябинск, 1974.

Шведова, Н. Ю.: *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М., 2003.

Key words:

morphology, form words, a particle, phraseology, a semantic group, a phraseological particle

Summary

The given article considers the problem of the status of phraseological particles in the system of functional parts of speech.

Phraseological particles present a semantico-grammatical class of phraseological unit having its semantic peculiarities.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ БОТАНИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ПОЛЯКОВ

Мирослава Малоха, Польша, Кельце

Названия растений, так как и фразеологизмы, отражают этапы исторического развития, жизнь и быт общества, формирование первичных представлений о природных явлениях. В ботанической номенклатуре запечатлены как реалии из обыденной жизни, так и воображение народа – ее творца. В системе народных названий отражается языковое чутье простого человека, которое проявляется в создании и толковании названий растений, иногда даже попытка их этимологизации. В процессе номинации проявляются ассоциации, обусловленные религией, культурой, социальным строем, географическими особенностями. Наконец, в названиях растений отражены способы оценки мира, что выражается в актуализации особенностей внешнего облика и хозяйственного применения, лечебные свойства. Кроме физических черт, таких как внешний вид, цвет, цветение, сбор семян/плодов и др., большую роль играют символические коннотации и религиозные, ритуальные ассоциации, т. е. вера в магические способности растения.

Ботаническая номенклатура образует систему наименований растений, состоящую из исконных слов данного языка, заимствований и искусственных образований по модели латинских (реже греческих и немецких) систематических терминов. В ее состав входят непроеизводные слова (например, *трава, капуста, лук*), производные слова, образованные суффиксальным способом, (например, *восковник, кислица, горчица*), сложные слова (например, *трилистник, белоголовник, тонкотрубочник* и др.), синтаксические группы (например, *мышинный терн, петров крест, куриная слепота* и др.).

В номинативное пространство фитонимов закономерно входят характеристики человека как существа социального, отражаются его социальный статус, профессия, иерархическая структура общества.

Рассматривая ботаническую номенклатуру, нельзя упускать из виду факт, что одно и то же название может использоваться для обозначения нескольких видов растений, или же наоборот: один и тот же вид получал несколько названий.

Самую многочисленную группу составляют фитонимы, содержащие указание на социальную группу, прежде всего это соотнесение растения с царем или королем. Отличительной особенностью этих обозначений являются их эмоциональные потенции, способность выражать ту или иную оценку. Н. И. Анненков в «Ботаническом словаре» [4] приводит около 15 русских «царских» фитонимов, относящихся почти к 30 ботаническим видам. При этом в народной номенклатуре так же, как и в травниках, слово «царь» может быть включено в фитоним целиком и являться начальным элементом двучленного «имени» растения (типа *царь-трава*, *царь-зелье*, *царь мордвин*, *царь мурат*, *царь муром*, *царь сил*), либо фитоним образуется по модели: прилагательное + существительное (*царев лист*, *царевы очи*, *царские очи*, *царские кудри*, *царский посох*, *царский скипетр*). Подобная номинация характерна и для других славянских языков – бел. *царска карона* 'лилия кудрявая'; *свечка царская* 'коровяк' (*Verbascum*); *царскія кудры* 'хвош'; *царевы вочы*; в украинском и польском прежде всего под влиянием экстралингвистических факторов в наличии компоненты-derivаты от основы *король*: укр. *королів цвіт* (*Phaseolus coccineus* Lam.); укр. *королиця дурна* (*Agaricus caesareus* Scop); польск. *królewski kwiat* *Narcissus* [3, 183]. В донских говорах фиксируются единицы с компонентом *панский* – *панская гвоздика* 'цинния'; *панская розочка* 'мак махровый'.

Основным общим признаком, формирующим зрительный образ «царских» трав, является цвет. Благодаря своей яркой и подчас необычной окраске эти растения зрительно выделяются на фоне других. Трава *царь Симан* в Травнике 18 столетия описывается следующим образом: «Есть трава царь Симан, растет она на старых местах и зеленых лугах, ростом в стрелу, на ней два цвета: один синь, другой красен, лист мал, что денешки больше. Та трава угодна ко всяким вещам и ко всяким болезным» [7, 445]. Некоторым «царским» растениям приписываются и другие чудесные особенности, к примеру, антропоморфный корень (трава *царской двор*), способность издавать звуки, растению кланяются другие травы, оно представляет собой нечто среднее между травой и деревом (*царем царь*) [5].

Венчик или другая часть растения в народных описаниях этих трав уподобляется золоту или огню. С золотом связаны три «царских» травы: *царевы очи*, *царские очи*, *царские кудри*. «Трава *Царь Арусалим* (вероятно, название апеллирует к городу Иерусалим) растет в локоть в вышину, а видом желта, яко злато, цвет силу имеет. И та трава добра ко очам, у кого болят очи, носи при себе и болезнь минетса. И муж жены не любит, и жена мужа не любит – держи при себе» [7, 444]. Логическим завершением идеи яркости и блеска становится свечение цветка.

Согласно рукописным источникам 17–18 веков, трава *царь Сим* вырастает из ребра или даже сердца похороненного человека; сбор ее также ритуально и хронологически регламентировано – приурочено ко дню святого Яна, при этом прибегали к помощи черного пса или драгоценных металлов [1, 302–303]. Отдельные элементы описания и использования травы *царь Сим* (см. также варианты ее названия – *Симтарим трава*, *царь Симтарим*, *царь Сирман*, *Димитарь трава* и др.) позволяют предполагать, что составители средневековых травников имели в виду средиземноморскую мандрагору (*Mandragora officinarium*, L.) или ее субституты.

Особый статус *царь-травы* подчеркнут не только функционально (в наделении растения лечебными свойствами), но и вербально: в сравнении с золотом, а также в именовании растения *травой над травами*, *земным сокровищем*, *отрадою болящих*. «Царские» растения использовались в профессиональной магии: корнем растения *царь Сим* натирали оружие; по поверьям, он же помогал в строительстве церквей и мельниц. Человек, носящий при себе траву *царские очи*, поймает много птиц и зверей. Лечебные функции «царских» растений основываются на магическом воздействии. Существенен сам характер болезней, на которые направлены лечебные свойства «царских» трав. Это заболевания, воспринимаемые традицией как особо тяжелые, неизлечимые, в некоторых случаях демонологической природы, требующие магического вмешательства. Кроме того, такие растения наделялись и магической способностью регулировать социальные отношения и проблемы. См. к примеру: «Есть трава *царевы очи*, ростом красна собою, листочки красны, цвет красен, наверху лепок. И та трава велми добро держать к животу и тоим ползует велми, на суд итьти – возми с собою, посетиши врага – кривым судом не осудят тя, в пудть итьти на которое дело – возми с собою тое траву – добро тебе будет» [6, 439]; «Есть трава *царь Сим*, растет при великих реках и припольниках ... И та трава вельми угодна на котором человеке

смертная болезнь – у ту траву дать пить в молоке козье и носить на себе, и тот здоров будет. ... Добро ея держать царю, и князю, и купчине – его же учнут бояться орды и земли [7, 446].

По модели мотивации, основанной на актуализации социальных отношений, построены фитонимы рус. *атаман-трава*, *султан* – высокое растение с большим соцветием. Наименование белорусами разрыв-травы как *зладзейска трава* основано на ее использовании в воровской практике, для открывания замков – бел. «Ёсць така трава, што злодзей разрэжа сабе руку, усадзіць тую траву, то яна зрасцецца, тады кожан замок абы сціснуў, так адчыніцца. Яна такую моц мае, што проці вады плыве» [2, 167].

Внешний вид одного из видов чертополоха (*Carduus benedictus*), напоминающего покрытую голову, обусловил фитоним *czubek benedyktyński* или *czubek turecki* [3, 182]. Однако наиболее притягательной во фразеологическом процессе оказалось соотношение лысой головы или тонзуры у католического священника с одуванчиком. Этот цветок в белорусских говорах обозначается как *ксяндзоў плеш*, в украинском языке – *попово гумеце*, *плешивец*; чешском – *pleš* (см. также лат. *caput monachi*, нем. *Pfaffenblatt*). Возможно, что в результате вторичного осмысления появились названия одуванчика *попы*, *попик*. Примечательность головного убора священнослужителя оказалась запечатленной в донских наименованиях – *архирейская шапка* (кактус с цветком белым, как лилия); *архиреева голова*.

Упоминание священника в польских фитонимах – *księżę jajka*; *księżę jajca* появляется рядом с *lisie jajka* для обозначения синюхи (*Polemonium coeruleum*), а также растений из семейства орхидных, яйцеобразные клубни которых использовались как афродизиак (см. в травнике XVI ст.: «*Księżę iayka, lysye iayka, ziele sprawuje chciwość cielesną*» [3, 202]. При лечении бесплодия прибегали и к помощи травы с названием *papier jajca* 'душица, майоран' (*Origanum vulgare*) [3, 202]. Видимо, этот факт стоит в ряду предписаний бесплодным женщинам вступить в половые отношения со священником.

К кругу фитонимов с компонентом-обозначением священника принадлежит также дон. *поповский цветок* 'сирень' (*Syringa vulgaris*). Фитонимы, указывающие на сферу профессиональной деятельности, довольно малочисленны. Растение *пастушья сумка* имеет сходные названия в разных языках: англ. *Shepherd's purse*, польск. *kaletka pasterska*, *tasznik* (*Capsella bursa-pastoris* Monch.). Немцам она напоминает кошелек

для денег – *Geldbeutel* или чашку пастуха – *Hirtentasche*. «Военная» сфера представлена единицами с компонентами *гвардеец*, *красноармейский* – *гвардеец* ‘цинния’; *красноармейская звёздочка* ‘космея’.

Таким образом, фитонимы, которые происходят от наименований, связанных с указанием на социальную группу (царь, король, вор, поп и т. д.), кроме метафорической иллюстрации особенностей, несут в себе и некоторую эмоциональную оценку. Тем самым в названиях растений отражается духовная и материальная сфера человека, а также этапы его когнитивной деятельности.

Использованная литература

1. Chodurska H., *Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich XVII-XVIII wieku*. – Kraków 2003.
2. Federowski M., *Lud białoruski na Rusi Litewskiej*. Т.І. – Kraków 1897.
3. Sokólska U., *Zestawienia w funkcji XVI-wiecznych nazw botanicznych*. In: Białostockie archiwum językowe, Nr 3. – Białystok 2003. – S. 177-213.
4. Анненков Н. И., *Ботанический словарь*. – СПб. 1878.
5. Ипполитова А. Б., «*Та трава есть царь во всех травах...*» Поверья о «царских» растениях в устной и рукописной традиции. In: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ippolitova1.htm>
6. *Травник начала XVIII в.* In: Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков. – Москва 2002. – С. 420-440.
7. *Лицевой травник начала XVIII в.* In: Отреченное чтение... – С. 441-464.

Key words:

botanical nomenclature, term, plant names, social status/position, multiword units, semantic motivation

Summary

The paper deals with semantic motivation of East Slavonic and Polish multiword plant names related to social position. Analysed terms are evocative reconstructible word combinations containing such components as king/tsar, sultan, ataman, nobleman, monk, priest, bishop, herdsman/shepherd, thief, guardsman.

НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Йоланта Митурска-Бояновска, Польша, Щецин

Славянская фразеология является сокровищницей народной культуры. ФЕ нередко отражают древнейшие верования наших предков. Богатый пантеон славянских божеств состоял из нескольких уровней. С IX в. славянская мифология постепенно разрушается, что связано с введением в наши земли христианства. Сохраняется прежде всего демонология, принадлежащая к низкому уровню славянской мифологии. В зависимости от места обитания различались демоны: воздушные, водные (*водяной*), прибрежные (*русалка, берегиня*), болотные, полевые (*полевик, луговик, полудница*), лесные (*леший*), горные, подземные, связанные с домашним хозяйством (*домовой-доброжил, дворовый; банник, овинник, бес, кикимора, упырь, ведьма, волколак*) и др. Источником сведений на тему ранних славянских верований являются средневековые хроники («История Польши» Я. Длугоша), анналы, летописи («Повесть временных лет»), археологические материалы (раскопки), а также фольклор. Представление об этих демонах в фольклоре на протяжении столетий неоднократно менялось (их облик, сфера действия). В XIX и XX веке славянская демонология представляет собой смесь чужих и родных элементов. Языческие демоны подвергались эволюции под влиянием христианской религии, а также западной литературы. Одни и те же демоны даже в соседних районах могли резко различаться сферой деятельности. Относительно богатый материал содержащий «демоническую» лексику находим в польских пословицах и в русской фразеологии (особенно в диалектной).

Рядом с хозяевами жил дух дома, которого звали *домовой* (эвфемизмы: *мужичок, дедко, дедушко, доброхот, доброжил, суседко, хозяин, он, сам* и др.). В его владении были жилые и хозяйственные помещения дома. У славян различались два вида домовых: *доможил* и *дворовый*. Доможил (*доброжил, доброхот, кормилец, соседушка, подпечник, избной*) жил дома, обычно в углу за печью. Дворовый (*хлевник*) часто мучил животных. Домовой оставался в большей части невидимым, но мог показаться людям,

обычно ночью, в разных обличиях: монахом, седым стариком, мужчиной, свиньей, собакой, котом, стогом сена или кем-нибудь из членов семьи. Духа дома легко обидеть и тогда он может побить посуду, сорвать со спящего одеяло. Он любит проказничать. Раз в году (30 марта) от зари до первых петухов домовый бесится. В это время он не узнает никого из домашних, тоскует и злится. Такое поведение объясняется тем, что у него спадает старая шкура или что ему хочется жениться на ведьме. Следы верований в домового находим сегодня лишь во фраземах: *вид как у домового* прост. неодобр.¹, *как домовый* прост. неодобр., *как батан вырядится* Яросл. (*батан* «домовой»), *выть как домовый* народ. У западных славян домового представляли в виде гномика, которого называли *domowy, uboże, stwor, chobold, kobold, kłobuk, karzetek skrzat, inkluz, plonek, latawiec, domownik, stopan, żmij, chowaniec*. Следы этих верований сохраняют пословицы: *mały jak skrzat, leci jak skrzat, piszczy jak skrzat, każda chata ma swego skrzata; Ej, trzeba by jechać do Poznania i kupić sobie takiego skrzata, takiego wabia, żeby pieniądz był w mieszku*.

Ночью, согласно поверьям славян, человеку угрожали кикиморы (*шшшшморы*; польск. *zmora, wieczornica, mara, gniewuch, gniotek, siodełko, siodło*, реже *kikimora*). Предполагается что названия *kikimora, zmora, mara, mara* родственны словам *morzyć, zmarły* и что кикиморы в некоей степени напоминали упырей. У западных славян ночью действовали также демоны, которых называли *nocnice (placzki*; ср. еврейскую *Lilith*). Кикиморы и *nocnice* это демоны женского рода, представляемые в виде медленно передвигающейся безобразной старухи: *как кикимора* прост. ирон., *ходить как кикимора* прост., ирон., *lizie jak zmora, chodzi by jak mara, snuje się jak mara*. *Nocnice* и восточные кикиморы беспокоили по ночам маленьких детей. Кикиморы досаждали также хозяевам, причиняли вред домашним животным и птицам. Они давили спящих или сосали их кровь. Лицо таких людей утром обычно было бледным: *wyglóndo, jakby go mara całóm noc dusiła; chudy, blady, jakby go wszytki mory po nocach cyskały; blady jak zmora, wygląda jak mara*. Если повернуться на правый, т. е. «хороший» бок, тогда кикиморы не беспокоили спящего (ср. положительное значение слов *право, прада, правильный, справедливость*). Когда человек просыпался, кикимора исчезала: *zniknąć jak mara*.

¹ Перечень источников, из которых почерпнут иллюстративный материал, дается в конце статьи.

На всей славянской территории, а также у венгров, румынов и греков была широко распространена вера в упырей. На польской территории этого демона называли *wupierz*, *wampierz*, *wąpierz*, *wupiór*, *upiór*. Применялось также название латинского происхождения *strzyga*, *strzygoń*. Упырем после смерти мог стать каждый (даже священник). Крестьяне верили, что упырем становится человек, у которого две души. В связи с этим в сомнительных случаях родители крестили ребенка дважды. Уже О. Кольберг отмечает, что согласно народным поверьям, лицо человека, который после смерти становится упырем, красного цвета. Оно таким же остается еще некоторое время после смерти: *czzerwony jak upiór*. Упыря представляли в виде белого существа или человеческой тени, которой сопутствовал запах мертвеца и пронзительный холод: *wygląda jak upiór*, *zbladł jak upiór*, *biały jak upiór*. Он появлялся ночью, внезапно, и также внезапно исчезал: *бродить как упырь* устар. народ.-поэт. неодобр.

Согласно языческим поверьям в лесной чащобе обитал лесной дух – *леший* (также *лесовик*, *лешак*, *лесной*, *вольной*, *шишок*). Внешность лешего переменчива. Хозяина леса и зверей представляют либо одетым в звериную шкуру с рогами и копытами, либо верхняя половина тела у него человеческая, на голове козы уши, рога и борода, ниже пояса – козлиное туловище (ср. *Пан* в греческой мифологии). Лешие – оборотни, могут являться зверем, птицей, собакой, кошкой, козлом, грибом, кустом, стариком. Он также способен менять свой рост. Лесной дух одет в кафтан, подпоясанный красным кушаком. Левая пола кафтана запахнута за правую, правый лапоть надет на левую ногу, а левый – на правую. Такое представление о лешем нашло свое отражение во фразеологизмах *ни на лесного не походит* Иркут., *как леший* прост. ирон. или шутол., *заросший как леший* прост. ирон. или шутол. Поступки лешего непредсказуемы. Существенного вреда людям не делает, но часто зло и жестоко шутит над ними: *леший красноплеший* Сиб., *леший поехал на ком* Сиб. ирон., *лешим неквашен*. Ему приписывают то, что он любит кричать в лесу, людей может пугать своим смехом, ср.: *как лешман ржать* Яросл. бран. Лешие заманивают в лес женщин. *Девки лесные* (Смол.) это попавшие в лес девушки, которые по воле лешего научились колдовству и знахорству, но утрачивают это знание после выхода замуж. Сохраняется поверье, что 4 сентября, в день Св. Агафона-огуменника, леший «бесится» и тогда рекомендуется лучше в лес не ходить. В Польше лешего звали *leśny*, *leśny duch*, *lasowy*, *leśnik*, *leśny dziad*, *gajowy*, *borowy*, *borowiec*, *boruta*, *laskowiec*.

В образе лешего постепенно сочетаются элементы языческих и христианских верований. Он также существенного вреда никому не делает, лишь проказничает: *Diabeł Boruta figle z nami stroi*.

В народных поверьях широко была распространена вера в *ведьм* (польск. *wiedźma, czarownica*). Это были женщины, вступившие в союз с дьяволом или другой нечистой силой. В славянской мифологии выделялись три категории ведьм: «черные», творящие исключительно зло, «серые», способные совершать также добрые дела, и «белые», помогающие человеку. У восточных и западных славян ведьмы являются компиляцией разных женских демонов: *бабы-яги* (польск. *jędza*) и общеславянского злого духа *полудницы*. Прототипом ведьмы, как мы сказали, была *баба-яга* (*jędza, jędzona*). В сказках восточных и западных славян ее изображали как худощавую недоброжелательную старуху, которая крала детей, держала их в клетке, кормила, а потом их пожирала. Ведьмой могла стать прежде всего деревенская ехидная ревнивая баба, но также женщина молчаливая, особенно не очень наделенная красотой: *zлая как ведьма* неодобр., *красивая как ведьма* прост. ирон., *страшная ведьма, вид как у ведьмы* неодобр., *характер как у ведьмы* неодобр., *zły jak jędzona, wygląda jak jędzona*. Ведьма могла насылать порчу на людей и скот, вызывать эпидемию, засуху, неурожай. Ей приписывали порчу молока: *Na Boże Ciąło, robak w kapuste, diabeł w babę włazi, a czarownica mleko krowom zabiera*. Некоторые были даже убеждены в том, что ведьма могла превратить коровий навоз в масло: *Deszczyk pada, słońce świeci, czarownica masło kleci*. Они умели предсказать будущее, делать яды и приворотные зелья. В воображении простого народа ведьма – это безобразная старуха, ср.: *straszny jak czarownica, wygląda jak czarownica (z Łysej Góry), ma nos jak czarownica*. Для общения с нечистой силой ведьмы слетались по четвергам на шабаш на Лысую Гору. В зависимости от района, ведьма пользовалась разным «средством транспорта». Итак, польская ведьма летала верхом на помеле или метле, жмудская на метле, литовская на лопате, русская на помеле, на коне, козле или свинье (в которых превращала человека): *czarownica z Łysej Góry; tak ciemna noc, że czarownice na Łysą Górę nie trafią*. Самые известные шабаши происходили в купальную ночь (24.06) и 13.12: *kupalnej nocy wydziera bies wiedźmie oczu*. В воображении крестьян на Лысой Горе происходили оргии, в связи с этим Лысая Гора стала символом разврата: *Gdzie karczma, tam prawie i Łysa Góra*. Простой народ был убежден в том, что ведьме достаточно посмотреть на кого-нибудь, чтобы нанести ему вред. Свидетельствуют

об этом фразеологизмы *с глаза пропадающий* Смол., Сиб., *урочливый глаз* Сиб., *урочный человек* Сиб., *idzie ktoś jak urzeczony*. В сглаз верили также и древние римляне. Единственным лекарством, защитой перед порчей, сглазом и всякого рода неблагоприятными человеку силами была слюна, отсюда пословица: *Pluń na mare!* Таким же образом защищались перед дурным глазом и древние римляне. Еще до сих пор широко распространена в Польше вера в магическую силу красного бантика, защищающего перед сглазом.

Иногда крестьяне подозревали, что в связь с нечистой силой вступают лица с какими-нибудь изъянами, напр.: *лихо одноглазое* Яросл. Согласно славянской мифологии вычленяются благоприятные четные и неблагоприятные нечетные числа. Несчастливые нечетные числа, половина, дефектность характеризуют отрицательные понятия и персонажи (ср. *тринадцать, лихо одноглазое*). У восточных славян *Лихо* является персонафицированным воплощением злой доли, горя, которое представляли как худую женщину без одного глаза, встреча с которой опасна для человека (ср. одноглазого *Полифема* в греч. мифологии).

С введением христианства постепенно разрушается славянская мифология. Из богатого пантеона божеств сохраняется лишь демонология. Следы древних верований находим также во фразеологии. Сохранившиеся до наших дней образы отдельных демонов на протяжении столетий подвергались трансформации, впитывали чужие элементы или стали компиляцией нескольких демонов.

«Демоническая» лексика, находящаяся в составе некоторых ФЕ, употребляется с целью отрицательной характеристики человека, его качеств, поведения, привычек (как результата влияния нечистой силы), напр. *чёрт сел на тебя* Иркут., *чёртова паршивочка* Урал. бран., *как чертовина* Иркут. Бран., *напиться до чёртиков* Иркут., *как домовый, как леший, красивая как ведьма, хохотать как русалка, straszny jak czarownica, włóczy się jak zmora, wygląda jak jędzona, brzydki jak diabli, śmieje się jak diabeł w suchej wierzbie* и др.

Использованная литература

- Токарев, С. А. (eds.): *Мифы народов мира. Энциклопедия*, т.2, М. 1988;
<http://pogанизm.ru/mith-it.htm>
- Федоров, А. И.: *Изучение русской сибирской диалектной фразеологии*. In: Гуманитарные науки в Сибири 1998, № 4; www.philology.ru/linguistics2/fyodorov-98.htm
- Baranowski, B.: *W kręgu upiorów i wilkołaków*, Łódź 1981.
- Berwiński, R. W.: *Studia o gusłach, czarach, zabobonach i przesądach ludowych*, Poznań 1862.
- Di Nola, A. M.: *Diabeł*, Kraków 1997.
- Rożek, M.: *Diabeł w kulturze polskiej*, Warszawa–Kraków 1993.
- Strzelczyk, J.: *Mity, podania i wierzenia dawnych Słowian*, Poznań 1998.

Источники

- Алексеенко, М. А., Белоусова, Т. П., Литвинникова, О. И.: *Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь*, М. 2004.
- Мокиенко, В. М.: *Словарь сравнений русского языка*, «Норинт», СПб. 2003.
- Bańko, M.: *Słownik porównań*, Warszawa 2004.
- Krzyżanowski, J. (eds.): *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, t.1–4, Warszawa 1969–1978.

Key words:

Russian and Polish phraseology, demonology

Summary

Folk beliefs in Russian and Polish phraseology

After the introduction of Christianity on Slavic territories, the mythology of our ancestors disintegrated. Only so-called demonology remained from old beliefs. They included all kinds of demons: those of atmosphere, water, shores, mud, fields, forests, underground demons and home demons. Their traces may still be found in Polish proverbs and Russian phraseology. “Demonological” lexis is mainly used for negative characteristic of characters, comparisons: *как домово́й, как леший, красивая как ведьма, straszny jak czarownica, włóczy się jak zmora, wygląda jak jędzona, brzydki jak diabli* and other.

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ

Ева Паевска

Задачей этого выступления является характеристика выражения эмоций при помощи фразеологических единиц в польской экономической прессе за последний год. Основой выборки анализируемого языкового материала, а также вытекающие из нее выводы, были журналы: «Gazeta Bankowa», «Gazeta Finansowa», «Forbes» и «Business Week», влияющие на формирование общественного мнения. Способы выражения эмоций стали в последние годы предметом живого интереса многих научных дисциплин, в том числе и в языкознании¹. Это и не удивительно, потому что они являются одним из основных элементов, формирующих человеческую психику. В психологии существует около 100 дефиниций эмоций, которые сосредотачиваются на актуальном состоянии конкретных лиц, подчеркивают качество и интенсивность эмоций, время их продолжения, а также направление на объект. В зависимости от степени проявления и характера эмоции можно разделить в общих чертах на: отрицательные, такие, как злость и страх, а также на положительные, такие, как удовлетворение и радость. Несмотря на то, что они зависимы от данной коммуникативной ситуации, субъективны и индивидуальны, они представляют образец вербальных поведений, типичных для данного общества. Они вписываются в широко понимаемое понятие культуры, эпохи,

¹ I. Nowakowska-Kempna, *Konceptualizacja uczuć w języku polskim*, Warszawa 1992, A. Pajdzińska, *Jak mówimy o uczuciach? Poprzez analizę frazeologizmów do językowego obrazu świata*, w: *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1999, s. 83–101, J. Puzynina, *Uczucia i postawy we współczesnym języku polskim*, w: *Język a kultura, Uczucia w języku i tekście*, pod red. I. Nowakowskiej-Kempnej, A. Dąbrowskiej i J. Anusiewiczza, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, t.14, Wrocław 2000, s. 9–24, M. Peisert, *Formy i funkcje agresji werbalnej. Próba typologii*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2004, N. Pawlak, A. Duszak, *Anatomia szczęścia. Emocje pozytywne w językach i kulturach świata*, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2005.

пола, группы; соотносятся с общественными и культурными нормами, действующими в данной языковой общности, зависят от иерархии ценностей, исповедуемых группой или единицей, определяемых исповедуемым мировоззрением.

Рост интереса к хозяйственной тематике вызывает то, что журналы, посвященные ей, завоевывают рынок прессы, а количество их увеличивается год от года. Если раньше они ассоциировались с объективированными сообщениями о рынке, бирже, производственных технологиях, то сейчас такой сухой пересказ относится к прошлому. Конкуренция на рынке принуждает к применению продуманных языковых стратегий в отношении к точно определенному потребителю. В результате хозяйственная публицистика является одним из элементов рынка и соответственно как рыночная политика сосредотачивается на эмоциональной дифференциации продуктов. Ее задачей является присвоение представляемым фирмам, продуктам, маркам, идеям и взглядам дополнительной эмоциональной стоимости. В результате этого существенную роль играют сенсуальные восприятия, такие, как свобода, связь с природой, чистота окружающей среды, свежесть, современность, престиж, элегантность и т. п. Это вызывает то, что язык хозяйственной публицистики, аналогично как и язык власти или рекламы, становится образным и эмоциональным. Он исполняет роль эффективного орудия, служащего продаже идей, взглядов, хозяйственных стратегий и т. п. Вербализованные эмоции делаются соответственным оформлением в ситуации, когда чистой информации уже недостаточно и она не производит никакого впечатления на получателя. Одним из способов выражения эмоций является применение в тексте фразеологических единиц, возбуждающих у получателя определенные ассоциации, сформированные общей базой опытов данной языковой общности.

Предметом нижеследующего анализа являются фразеологические единицы, выступающие исключительно в сплошных текстах, таких, как статья, фельетон, интервью, отчет и т. п. Исследуемые тексты особенно специфичны, так как с одной стороны, они профессиональны, а с другой, – продукт массовой культуры, что в результате вызывает ситуацию, в которой авторы обращаются к лексическим средствам, типичным для разговорного языка, путая их с профессиональной лексикой. Экспонировалась впоследствии эмотивная функция, способствующая не только передаче информации, но и активизации эмоций, которые являются

текстовым явлением и подлежат прочтению только тогда, когда будут учитываться интенции отправителя и предполагаемые реакции получателя. Ибо они вписываются в прагматические компоненты дискурса, такие как передаточно-приемочные отношения, интенциональность высказывания, а также формальная организация. Кроме того нужно напомнить, что обсуждаемые тексты исполняют добавочно функцию влияния. Итак, передаваемое содержание, по идее, должно активно включать читателя в процесс переработки информации. К примеру, фразеологизм *jak grzyby po deszczu* FB 5/47 может в зависимости от контекста вызывать положительные эмоции, такие, как радость, удовлетворение, или отрицательные: чувство угрозы, раздражение и т. п., а в результате стимулировать получателя к диаметрально разным действиям.

Отправитель сознательно обращается к разным стилистическим средствам, к которым относятся также фразеологизмы, чтобы усилить передачу, создать чувство общности с получателем, вызвать его доверие, то есть просто применяет авторско-текстовые стратегии, особенный интертекстуальный сценарий. Фразеологические единицы выполняют в этом случае функцию фигуры интертекста, они являются простыми, готовыми к использованию текстовыми шаблонами, которые в разговорной речи употребляются автоматически, а в публицистических текстах вводят особенную полифонию высказывания. С одной стороны, они стереотипны, но с другой, – являются материалом к разнообразным творческим решениям, позволяют постепенное увеличение эмоций. Они вводят частный язык в язык официального высказывания, становятся элементом языковой игры, одним из правил которой является разбивка фразеологизмов. Такая интертекстуальная игра между конвенциями, как жанровыми, так и стилевыми в экономической прессе, ведет к персонификации сообщения. Фразеологизмы часто таким образом являются в этих текстах показателями стилизации разговорной речи.

Особенно выразительно экспонируются отрицательные эмоции, умелое экспонирование которых может представлять собой огромное оружие в борьбе с конкурентами на рынке. К примеру, возбуждение гнева может действовать бойкотом товаров данной фирмы, а в результате ее падением, или также возбуждение страха может довести до паники на бирже, которая влияет на состояние хозяйства. Вербализованные эмоции образуют, следовательно, факты. Фразеологические единицы, которые экспонируют страх или опасение, часто возбуждают ассоциации с:

- a) **пропастью, пучиной, падением:** *LOT stanie na krawędzi upadku.* FB 8/38, **balansować na krawędzi:** *firma balansuje na krawędzi bankructwa* FB 5/24, **stać na progu:** ... *jeden z ...koncernów stanie na progu bankructwa* FB 5/121, **zbliżać się do kresu:** ... *GPW zbliża się do kresu możliwości rozwojowych* GB 18/7, **spadać na łeb na szyję:** ... *kurs giełdowy akcji spada na łeb na szyję* FB 04/36, **pikować w dół:** ... *akcje skończyły pikowanie w dół na złotówce* FB 8/23, **iść w dół:** ... *wycena Pekso poszła mocno w dół.* FB 8/41, **skok na głęboką wodę:** ... *wprowadzenie izby walutowej będzie skokiem na głęboką wodę* GB 10/5, **znaleźć się na równi pochyłej:** *Niemcy... znalazły się na równi pochyłej* FB 5/14,
- b) **непосредственной угрозой смерти: być na celowniku:** ... *na celowniku EFL są już nieruchomości* FB 1/61, **znaleźć się w zapaści:** ... *wzrost gospodarczy w Polsce będzie podtrzymywany przez kroplówkę funduszy unijnych. Kroplówkę, bez której pacjent mógłby się znaleźć w kolejnej zapaści.* GB 27/5, **stan przedzawałowy:** FB 8/59, **odbezpieczyć karabin:** ... *jest to odbezpieczeniem karabinu, który wystrzelił serią afer* BW 6/12, **widmo zagłada w oczy:** *widmo bezrobocia zagłada w oczy...* FB 7/84,
- в) **стихиями: być w oku cyklonu:** ... *przetrwąć cyklon, w którego oku tkwi, nie ...* FB 3/23, **czarne chmury:** *Czarne chmury ... zbierały się od dawna* BW 9/32, **rozpętać burzę:** ...*wiadomość o fińskiej inwestycji rozpęta burzę wśród polskich producentów drewna* FB 1/8, **igrać z ogniem:** *Słaby dolar to granie z ogniem!* FB 1/10, **unikać czegoś jak ognia:** ... *są nieszczęściem dla ludzi i osobiście unikają ich jak ogień.* GB 16/13, **dolewać oliwy do ognia:** *Jednak dolewanie może wywołać pożar w Pekinie* BW 9/11, **burza wybucha:** *W gazetach wybuchła burza, a tego nie lubi żaden bank* GB 16/20,
- г) **страданием: sparzyć się na czymś:** *Japończycy sparzyli się na inwestycjach...* BW 2/29, **królik doświadczalny:** ... *pacjenci będą królikami doświadczalnymi* GF 15/3, **przykręcić śrubę:** ... *politycy... przykręcą przedsiębiorcom śrubę* FB 1/12,
- д) **интригующими явлениями природы: gęsta atmosfera:** *Na 24 piętrze wieżowca Tower w Warszawie gęstnieje atmosfera.* FB 3/20, **wyścig szczurów:** *Linia między odpowiedzialną pracą a wyścigiem szczurów jest cienka.* FB 5/38,
- e) **частями тела: pokazać prawdziwą twarz:** *Nowa premier pokazała swoją prawdziwą twarz.* BW10/18, **położyć na czymś rękę:** *Państwo rosyjskie chce położyć rękę na strategicznych gałęziach przemysłu.* GB 18/13, **ostrzyć sobie zęby:** ... *biznesmeni ze znacznie lepiej rozwiniętych krajów zachodnich ostrzą sobie zęby na nowo otwarte dla nich rynku.* FB 04/68.

К этим резко формирующимся ассоциативным группам можно еще добавить такие единичные фразеологизмы, которые в польском языке выражают беспокойство или страх: **bić na alarm**: *producenci biją na alarm* FB 5/19, **wstrzymać oddech**: *... finansowa Polska wstrzymała oddech ...* FB 7/34, **nie spać spokojnie**: *... rywale nie mogą spać spokojnie* FB 7/45, **przeżywać groźne chwile**: *Korona duńska przeżywa groźne chwil ...* GB 19/41, **zatruchiwać spokój**: *Plotka, że koncern ma zamiar przenieść szwalnię na Wschód, zatruchiwała im spokój od lata.* PR 01/04, **czyhać za rogiem**: *... kryzys czyha za rogiem* FB 7/84, **siedzieć na beczce z prochem**: *ekonomiści siedzą jak na beczce z prochem...* FB 5/25, **być panem życia i śmierci**: *Komorowski jest tu panem życia i śmierci* FB 5/33, **wyrzucić na bruk**: *... rzesze wyrzuconych na bruk* FB 5/34, **najeść się strachu**: *w tych latach najadł się strachu* FB 4/17, **wojna nerwów**: *ciągła wojna nerwów wyczerpuje psychicznie* GB 19/34, **popaść w czarnowidztwo**: *Nie powinniśmy całkiem popaść w czarnowidztwo, nawet jeżeli kolejne miesiące przyniosą nam gorsze wyniki gospodarcze.* BW 4/9

Вышеуказанные, избранные только по необходимости примеры, указывают, что польская экономика, входящая в глобальные экономические процессы, подвергается сейчас многим неожиданным, постоянно изменяющимся опасностям, а это находит отражение в богатой фразеологии, подчеркивающей и увеличивающей чувство страха.

Другой отрицательной эмоцией, которая часто может быть результатом указанной выше, является злость. Фразеологические единицы, выражающие ее, характеризуются сильным эмоциональным зарядом, возбуждают ассоциации с кипящей водой, волнующей кровью или также бешенством, таким образом подчеркивают интенсивность и несдержанность течения этой эмоции: **kipieć ze złości**: *Prezes kipiał ze złości...* FB 3/36, **wrżeć ze złości**: *... wrzała ze złości ...* BW 36/5, **krew burzy się**: *Krew właścicieli lokali burzy się na dźwięk słowa Starbuchs* BW 7/32, **doprowadzić kogoś do furii**: *To złamanie niepisanych zasad doprowadza ... konkurentów do furii* FB 1/25.

С презрительностью, но и с такими эмоциями, как страх и гнев, связано применение фразеологических единиц с ироническим характером: **przebrać się w cudze szaty**: *...nagle przebrali się w prawicowe szaty, nie porzucając marzeń o anarchii* GF 25/26/12, **dobrać się komuś do skóry**: *Wieczerek, zanim dobrano mu się do skóry, też mógł uchodzić za menadżera.* BW 6/14, **gdy nie ma kota, to myszy harcują**: *a póki nie ma kota, myszy harcują i rywalizują między sobą.* BW 7/32, **podkulić ogon**: *Związki zawodowe na razie podkuliły ogon i godzą się na wszystko...* BW 9/29, **bujać w obłokach**: *Za rok przekonamy się, ... mówiąc*

o planach podboju świata, nie bujał w obłokach. FB 1/59, **leczyć kaca**: Agora wciąż leczy kaca po wizycie Rywina. FB 7/28. При помощи иронии отправители высказывания стараются дискредитировать действия рыночных противников. В этом случае фразеологизмы могут образовывать базу языковой игры: **gruba ryba**: Krag grubych ryb w Radzie Przedsiębiorczości zamyka rekin – dr Jan Kulczyk. PB 25/03/2005. Ирония эмоционально интенсивнее чувства недовольства, неодобрения, эмоциональный характер которого остается подчеркнутым посредством использования в контексте определенных фразеологических единиц: **ślony rachunek**: ... opóźnienie reform oznacza ślony rachunek wystawiony przyszłym pokoleniom. GB 12/40, **łupnąć po kieszeniach**: Jeżeli wysokość odprawy jest nieuzasadniona, czemuż nie łupnąć po kieszeniach członków rady nadzorczej.... GB 17/6, **ostatnia deska ratunku**: Nie można wciąż traktować ZUS-u jak ostatniej deski ratunku, instytucji ... GB 21/39, **wyciąć w pień**: Kiedy do władzy dorwie się orientacja inna od poprzedniej, zaraz wycina w pień menadżerów powołanych przez poprzedni rząd. GB 24/41, **stworzyć na papierze**: Fuzja polega nie na tym..., by z dwóch lub kilku organizmów stworzyć na papierze całkiem inny GB 26/43, **grać na nosie**: Wszystkim gra na nosie... BW 2/68, **wytoczyć najcięższe działa**: WHP nie zawahała się wytoczyć najcięższych dział BW 4/9, **wywrócić do góry nogami**: ...pojawił się bowiem trend, który może wywrócić do góry nogami wartość 21 mld USD branży radiową. BW 6/57, **przymykać oczy na coś**: Francuzi najpierw przymykali oko na kłopoty FB 3/29, **lepkie ręce**: Polityczna moda na lepkie ręce biznesu. FB 1/50, **salwa śmiechu**: Na sali rozległa się salwa śmiechu... BW12/19, **mieć coś w nosie**: a marka tych marek jest silna, choć starsze pokolenie ma w nosie etykiety, kiedy dopada je pragnienie. BW15/16/47, **postawić wszystko na jedną kartę**: ... postawił jednak wszystko na jedną kartę: słońce FB 7/42, **iść w odstawkę**: ... wszystko szło w odstawkę... FB 5/40. Журналисты применяют также изменения одного из компонентов фразеологизма на более выразительный эмоционально с целью увеличения эмоции: **trafić w czyjeś ręce**: Nadal duża grupa obywateli pozostaje poza zainteresowaniem banków i trafia – jak mówił premier – w łapska różnych instytucji pseudobankowych. GB 17/7, **ukręcić na coś bicz**: Niemiecki rząd sam więc ukręcił podatkowy powróż na przygraniczne stacje... FB 7/16.

Фразеологические единицы используются также для выражения раздражения, которое является отрицательной эмоцией: **skakać z kwiatka na kwiatek**: o ile jednak jego koledzy z list najbogatszych Polaków kierują się pewną logiką... o tyle Jakubas skacze z kwiatka na kwiatek. FB 8/19, **rzucić kłody pod nogi**: Posłowie powinni koncentrować na programach, ... nie rzucać nam kolejne

kłody pod nogi. BW 6/13, **naciągany argument:** Argument o ochronie prywatności bywa naciągany do absurdu GB 12/41, **wyssać z palca:** Wiele z tych informacji było wyssanych z palca, ale jak wiele - do dziś nie wiadomo. GB 12/41, **kłaniać się w pas:** ... nie ma mowy o kłanianiu się w pas i szuraniu nogami przed bogatymi i możnymi BW 5/65, **grać pierwsze skrzypce:** Pierwsze skrzypce będą jednak grali nadal inwestorzy z Zachodu. BW 5/19, **puścić nerwy:** Udziałowcom puścić nerwy. BW 5/33, **trafić za kratki:** Amerykanie sądzą, że tym na szczytach łatwiej uchodzić sprawiedliwości..., że biedni trafiają za kratki... GB 60/37, **zaprzętać sobie głowę:** ... powinni zrobić jednak wszystko, aby w ogóle nie trzeba było zaprzętać sobie tym głowy. BW 12/17, **buszować pod czyimś nosem:** Najsprytniejsi ... nadal jednak buszują pod nosem policji. BW 13/56, **kwaśna mina:** Wejchert robi kwaśną minę FB 7/29, **tyłtać się w brudach:** ... mogą sobie pozwolić na nietytlanie się w brudach rynku FB 5/ 35, **popukać się w głowę:** popukałby się w głowę FB 5/38, **zadzierać nosa:** Brytyjczycy, którzy zadzierają teraz nosa najwyżej w Europie, podpowiadają Niemcom, by wzięli się za reformy. GB 29/37. Раздражение может увеличиваться посредством введения двух фразеологических единиц в одном высказывании: **z uporem maniaka i podcinać gałąź, na której się siedzi:** Na razie jednak z uporem maniaka podcinamy gałąź, na której siedzimy. FB 7/7. Раздражение ведет к пренебрежению: **gra (nie) warta świeczki:** ... bo ta gra nie jest warta świeczki. BW 7/77, **cienki Bolek:**to cienki Bolek ... BW 4/14, **pasować jak wół do karety:** ta działalność pasowała im jak wół do karety GB 60/47.

К отрицательным эмоциям причисляются также «Schadefreude», то есть удовольствие по поводу чужого несчастья, которое реализуется следующими фразеологическими единицами: **przebrała się miara:** W październiku przebrała się miara. GF 19/20/6, **zimny prysznic:** Wydaje się, że ostatnie dane statystyczne będą zimnym prysznicem dla RPP, która wyrażała ostatnio coraz mniejszą chęć do dalszego rozluźniania polityki monetarnej. GB 24/5, **uchodzić na sucho:** Po latach utyskiwania, że bohaterem afer uchodziło na sucho, wreszcie zaczęto ich zamykać... FB 1/13, **skrępować sobie ręce:** ...rada na własne życzenie skrępowała sobie ręce zmieniając nastawienie polityki monetarnej na neutralne GB 24/5, **gwoździć do trumny:** Sąd nie wziął pod uwagę, że oskarżony ma 80 lat i wyrok jest dla niego gwoździem do trumny. Prasa komentuje: Dobrze mu tak! GB 30/37, **przykręcić kurek:** Przykręcił kurek z pieniędzmi na promocję. BW 15/16/48, **skrępować sobie ręce:** ... rada na własne życzenie skrępowała sobie ręce zmieniając nastawienie polityki monetarnej na neutralne. GB 24/5, **znaleźć się pod wozem:** Z powodu tego projektu wizjoner spod Wawelu po 2000 roku znalazł się pod wozem... BW 2/68. Также эмоции этого типа могут увеличиваться

через обмен одного из членов единицы стилистически маркированным: ***placić z własnej kieszeni na płacić z własnej szkatuły w wypowiedzeniu: Jeżeli nie rada In gremio, a jej przewodniczący (tak bywa!) sam zdecydował o wysokości wynagrodzenia i odpraw, niech płaci z własnej szkatuły.*** GB 17/6.

Если отрицательные эмоции выступают в исследуемых текстах относительно часто, то положительные эмоции репрезентируются скромнее. Это несколько удивительно, так как главной целью этого типа публицистики является распространение определенных поведений, осуществляющих данную концепцию экономического развития, а представление таких чувств, как счастье, гордость, удовлетворение или радость, должно иметь мотивирующий характер. Наиболее часто в исследуемых текстах выражается радость и удовлетворение благодаря достигнутым целям. Для ощущения этих эмоций люди готовы ко многим жертвам. Так, ожидаемая эмоция может также выполнять мотивирующую роль других похожих действий или возбуждать решительно иные эмоции, такие, как зависть и ревность. В исследуемых текстах выступили следующие фразеологические единицы, выражающие чувство радости и удовлетворения: ***czuć się jak ryba w wodzie: Czuję się jak ryba w wodzie, zarządzając dużą korporacją*** BW 11/32, ***strzał w dziesiątkę: Koncern podjął więc bezprecedensową decyzję o równoległej sprzedaży w Polsce dwóch odmian żurawinówki... Był to strzał w dziesiątkę.*** FB 8/11, ***trafić w dziesiątkę: FB 7/118, iść jak woda: Jego produkty szły jak woda.*** FB 1/34, ***wstrzelić się w coś: ... po pierwszym miesiącu, w którym udało się nam sprzedać ponad 100 mieszkań, a dalsze 200 zostało zarezerwowane, można powiedzieć, że się wstrzeliliśmy w rynek ...*** PR 01/04, ***krok we właściwym kierunku: ... to jest to krok we właściwym kierunku*** GB 11/5, ***tluste lata: Czeka nas osiem tłustych lat.*** BW 5/14, ***pole do popisu: Jest jeszcze pole do popisu.*** GB 13/34, ***ruszyć z kopyta: ... program offsetowy ruszył z kopyta.*** FR 1/18, ***wywieźć kogoś w pole: Przedsiębiorca jednak może jeszcze raz wywieźć w pole swoich tropicieli.*** BW 15/16/28, ***zbierać owoce: Polska to kraj... stopniowo zbierający owoce udanej transformacji...*** GB 28/23, ***bić rekordy: Warszawa bije rekordy obrotów...*** FB 5/66, ***świecić przykładem: ...będę świecił przykładem*** FB 5/38, 14.

Другой положительной эмоцией является одобрение определенного способа поведения, действия, взглядов, экономических стратегий, которая может выражаться следующими фразеологизмами: ***święte słowa: Także w krajach bogatych występują objawy niedorozwoju, nierówności społeczne, aż do granicy nędzy...*** Święte słowa. GB 15/5, ***budzić ciepłe uczucia: Marka Volkswagen budzi ciepłe uczucia u kierowców wszystkich pokoleń...*** BW 4/23, ***być oczkiem***

w głowie: *Wiele wskazuje, że ... staną się oczkiem w głowie niektórych dorosłych...* BW 15/16/30, **lewe interesy:** *... jest zwolennikiem bojkotu kolegów, którzy robią lewe interesy...* FB 1/16, **paść przed kimś na kolana:** *Ale kiedy handlowcy Reutersa pokazali nowy produkt... Powellowi ... ten nie padł na kolana.* FB 8/44, **oddzielać ziarno od plew:** *... w ten sposób szef ITI starannie oddziela ziarno od plew.* FB 7/27, **iść jak burza:** *...polskie firmy ...idą jak burza.* FB 5/46, **dawać kopa:** *a to z kolei bardziej ich mobilizowało i dawało jeszcze większego kopa.* FB 8/67, **zaciśnąć zęby:** *Zaciśnij zęby, ruszaj po dotacje.* GF 3/1, **potępiać kogoś w czambuł:** *... nie dołączy do tych ludzi, który potępiają polityków w czambuł* BW 13/22.

Вышеуказанные примеры из польской экономической прессы являются убедительным подтверждением значения способностей воздействовать на эмоции. Эти способности особенно важны в глобальном рыночном хозяйстве, они позволяют стимулировать нужные определенным группам общественные поведения. Публицисты часто используют фразеологизмы разговорной речи, потому что они имеют особенную силу воздействия на воображение читателя. С одной стороны, оживляют текст, придают ему особенный «личный», динамический характер, а с другой, – прижимают к весьма оригинальным, их шаблонность, частое употребление в разговорной речи быстро и эффективно воздействуют на получателя: *skakać z kwiatka na kwiatek, podkulić ogon, bujać w obłokach*. Они должны делать возможным сохранение пересказа в памяти. Они используются как противопоставление объективированной и рациональной интерпретации. Они служат укреплению аргументации, образованию ожидаемых отношений и мероприятий, а также системы ценностей. Применение их – это результат стремления к сокращению или семантическому нагромождению на лексико-семантической плоскости, которое делает возможным наиболее быстрое и наиболее образное представление эмоций, выражение разочарования, радости или злости. Рядом с решительно доминирующими разговорными фразеологизмами появились также в исследуемых текстах те, которые мотивируются военным языком: *wytoczyć najcięższe działa, odbezpieczyć karabin, być na celowniku, strzał w dziesiątkę*, а также происходящие из языка экономики: *lewe interesy, iść jak woda, znaleźć się w zapaści, spadać na teń na szyję, pikować w dół, wyścig szczurów*. Эти последние относятся к разговорному варианту специализированного языка. Указанные выше замечания дают основания для следующих выводов: а) фразеологические единицы с эмоциональным характером в текстах современной польской экономической прессы

принадлежат, в основном, разговорной речи, реже военному и экономическому языку, б) они функционируют в текстах разного типа, главным образом, однако, в фельетонах, интервью, реже в статьях, г) присутствуя в диалогическом тексте, они обнаруживают эмоции говорящей личности, а также способ восприятия и оценивания ею фактов, являющихся объектом разговора. Они служат воспроизведению эмоциональной и образной разговорной речи, которая освежает и оживляет повествование, а также актуализирует описываемые события, давая читателю иллюзию участия в них, д) доминируют фразеологические единицы в определенных контекстах, выражая отрицательные эмоции: страх, злость, раздражение, Schadenfreude, е) относительно немногие из них появляются в модифицированном виде, хотя также наблюдаются замены и расширение компонентов, контаминация, сокращения словосочетаний.

Список сокращений:

BW - «BusinessWeek» (номер) страница

GB - «Gazeta Bankowa» (номер) страница

GF - «Gazeta Finansowa» (номер) страница

FB - «Forbes» (номер) страница

Key words:

emotions and feelings, economical press, phraseology, idioms, communicative act, author and addressee, pragmatics, intention, effect, stereotypes, play with language, intertextuality, fear, anger, annoyance, happiness, satisfaction, acknowledgement, positive values

Summary

Idioms expressing meanings of emotions in contemporary Polish press are predominantly of colloquial origin, or they come from military or economics jargons. The idioms can be found in text of various types, especially in feature articles, interviews and editorials. They are a way of perception or evaluation of facts. The most frequent emotions are fear, anger, annoyance, Schadenfreude; positive emotions are less frequent. Some of the idioms are modified (substitution of components, contamination, abbreviation of compound words).

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИКА В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОБЛАСТЬ ПЕРЕХОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Людмила Савенкова, Россия, Ростов-на-Дону

Известно, что система вторичных языковых знаков языка неоднородна: наряду со словами в неё входят как устойчивые словесные комплексы, логически адекватные отдельным понятиям (фразеологические единицы), так и единицы, логическая структура которых опирается на взаимосвязь понятий, воплощаясь в суждениях, побудительных формах или даже их объединениях. Это паремии – поговорки и пословицы, под которыми (взяв за основу взгляд В. П. Жукова на суть двух последних терминов) условимся понимать устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения обобщающего характера, пригодные для употребления в дидактических целях. С семиотических позиций паремии – знаки, служащие для означивания *ситуаций и отношений между вещами* (Г. Л. Пермяков).

Однако вряд ли всегда можно провести чёткую границу между фразеологическими единицами и паремиями, поскольку в кругу вторичных раздельнооформленных знаков существуют такие, которые совмещают признаки и тех, и иных, то есть являются переходными единицами (о понятии переходности в применении к фразеологии см. работу А. В. Жукова). По отношению к единицам, совмещающим свойства паремий и фразеологических единиц, кажется уместным говорить о межтиповой переходности в кругу устойчивых словесных комплексов.

Задавшись вопросом о степени характерности названного явления, автор настоящего исследования проанализировал сплошную выборку устойчивых словесных комплексов (2669 единиц) из восьми разделов сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»: «Бог – вера», «Вера – грех», «Изуверство – ханжество», «Судьба – терпение – надежда», «Счастье – удача», «Богатство – убожество», «Богатство – достаток», «Достаток – убожество». Исключая 18 изречений таких речевых жанров, как молитва (*Благослови, Господи, достояние Твоё!*), поверье (*После стрижки*

Господь на овец теплом пахнёт), суеверие (*Кто не октясь за стол садится, с тем ест и пьёт диавол*) и т. д. (в других разделах встречаются также загадки, скороговорки, дразнилки, «клич носчих» – сообщение о продаваемом товаре, и т. п.), подавляющая часть материала (2561 единица) может быть квалифицирована как вторичные языковые знаки. При этом собственно фразеологический характер носит 169 единиц (*ни тпру ни ну; горемычная голова; ожёгся, ровно на крапиве* и т. п.), к числу паремий можно с полной уверенностью отнести 1826 изречений (*Милому дитятке да горькая часть; Далеко кулику до Петрова дня; Счастью не верь, а беды не пугайся!; Сидя на колесе, гляди под колесо!* и др.), а статус 549 (21,44 %) однозначно определить нельзя, ибо эти единицы в разговорной речи могут выступать как замкнутые фразы, но могут и дополняться, так как обнаруживают в своём составе незамещённую позицию. Ср., например, особенности введения единиц анализируемого типа в следующей паре текстовых фрагментов:

1. *Один из ваших опекунов, именно Половодов, приходится мне beau frère'ом, но это пустяки... Мы подтянем и его. Знаете русскую поговорку: **хлебцем вместе, а табачком врозь*** (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы);
2. *... да вы-то, г-н Лужин, чего же? Ведь это ваша невеста... И не могли же вы не знать, что мать под свой пенсион на дорогу вперед занимает? Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит и расходы пополам; **хлеб-соль вместе, а табачок врозь, по поговорке*** (Достоевский. Преступление и наказание).

Эти единицы легко варьируют в речи, ср. употребление устойчивого словесного комплекса *Где родился, там и пригодился* в газетном тексте: *Славный человек родился, но родине не пригодился.*

В кругу устойчивых словесных комплексов такого характера отчетливо выделяются две разновидности переходных структур:

1. единицы с однозначной модальностью;
2. единицы с неоднозначной модальностью.

Единицы первой разновидности тяготеют к полноценным паремиям, так как в них присутствует (или без труда восстанавливается) элемент, «узаконивающий» их замкнутость и принадлежность к полноценным

предложениям. Незамещенной в них является, как правило, позиция семантического субъекта характеристики/оценки. Это изречения, характеризующие некий тип человека, реже акцент делается на самой ситуации, а характеристики субъекта оказываются неважными. У единиц с однозначной модальностью обнаруживаются следующие структуры:

1.1 предложение, которое может быть воспринято как двусоставное неполное с незамещённой позицией одного главного члена – подлежащего: *Спереди [кто] – блажен муж, а сзади – вскую шаташся! Глядит [кто.] вдоль, а живёт поперёк; Сыл [кто] крупницей, пьян водицей; Захотел триста, а взял свиста; Хватился волосами о грядку; Искал ножа, да напоролся на ежа; Дожили, что и ножки съезжили.*

Гораздо реже отсутствует не только подлежащее, а и сказуемое, но оно восстанавливается в рамках одной модальности: *Украв часовник (часослов), да [говорит / сказал кто]: «Услыши, Господи, молитву (правду) мою!»;*

1.2 двусоставное неполное с незамещённой позицией дополнения: *И крылья есть [у кого], да некуда лететь;*

1.3 простые односоставные неполные предложения с незамещённой позицией дополнения, ср.: *Два венка в коробке да мышь в подполье [у кого]; Ладан на вороту (т.е. в ладанке), а чёрт на шее [у кого]; Что ни порог, то и запинка [у кого]; Ни коня, ни возу, ни что на воз положить [у кого].*

Структура анализируемых переходных единиц может представлять собой сложное предложение, хотя бы одна из предикативных частей которого имеет характеристику, идентичную структурам 1.1–1.3: *Было бы и счастье [у кого], да одолело ненастье [кого]; Нет [у кого] в кармане, да есть в анбаре; Хороша шла [кто], да не поклонилась; давал грош, да не воротилась.*

Наличие в составе анализируемых единиц незамещенной синтаксической позиции, на взгляд Г. Л. Пермякова, не позволяет приравнивать их к пословицам. Автору настоящего исследования кажется, что способность этих выражений характеризовать ситуацию и употребление их в речи по преимуществу без обязательного упоминания субъекта действия говорит об их контекстуальной самодостаточности. Поэтому вряд ли справедливо безоговорочно отказывать им в статусе паремий. Необходим дифференцированный подход.

Степень близости описываемых переходных единиц к паремиологическим или фразеологическим, несомненно, напрямую связана с синтак-

сической характеристикой отсутствующих элементов. Так, в единицах с невыраженным подлежащим, дополнением или обоими этими членами наличие сказуемого позволяет устойчивому словесному комплексу сохранять способность выступать в тексте в виде замкнутой фразы: *Приговорил [кто кого] к себе во двор, ан вышел* [тот, кого *приговорили*, то есть пригласили] *вор*. В данном случае слова в квадратных скобках в контексте избыточны, так как единица описывает типовую ситуацию, в которой могут оказаться два любых субъекта. Ср. аналогичное поведение устойчивого словесного комплекса в следующем контексте: *Как говорится, знал бы где упасть, – соломки бы подстелил. Вот «Адмирал» и выполнит для вас роль надежного помощника с солодкой, которая в нужный момент окажется под боком* (из газеты).

Если в составе переходной единицы отсутствует обозначение не только субъекта, но и предиката, возможна неоднозначная трактовка отношений между участниками ситуации, ср.: *Вместо калача да кукиш* [дали кому-л., получил кто-л.]. В таком случае усиливается тяготение устойчивого словесного комплекса в сторону фразеологических единиц.

Единицы, характеризующие ситуацию отвлечённо от конкретных модальных характеристик, еще ближе по своей сути к фразеологическим единицам, ср.: *Не для Иисуса, а ради хлеба куса* [сделай что-л., сделал кто-л. что-л., следует сделать кому-л. что-л. и т. д.]; *Не в попы, так в звонари* [годится / пойдешь // пошел бы // пойдя // можно пойти]. [я попаду / ты попадешь / он попадет // пусть я попаду / пусть ты попадешь / пусть он попадет] *либо в стремя ногой, либо в пень головой*.

Однако отнести такие единицы к чисто фразеологическим нельзя, так как в контексте и они способны выступать (и чаще всего выступают) как самостоятельные маркеры ситуаций, ср.:

1. *Бахарев продолжал:*
– *Знаю, вперед знаю ответ: «Нужно подумать... не осмотрелся хорошенько...». Эткие нынче осторожные люди пошли; не то что мы: либо сена клок, либо вилы в бок! Да ведь ничего, живы и с голоду не умерли* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы);
2. *До сих пор жива бесшабашная солдатская поговорка: «Или грудь в крестах, или голова в кустах»* (из газеты).

Наряду с межтиповой возможна и внутритиповая переходность вторичных языковых знаков. Можно выделить по крайней мере две ее

разновидности. Во-первых, речь идет о тех случаях, когда невозможно однозначно установить прагматические характеристики паремии: в контексте она может быть нагружена как положительным, мелиоративным, так и отрицательным, пейоративным оценочным смыслом: *И я бы шел на войну, да жаль покинуть жену* (с позиций того, кто не пошел на войну и с позиций того, кто на нее посылает или в ней участвует); *Наш пострел везде поспел* (в ситуации восхищения ловким и быстрым человеком и в ситуации осуждения наглеца либо человека, вмешивающегося туда, где его присутствие нежелательно); *Чтоб и здесь найти, и там не потерять* (оправдание своего поведения и осуждение чужого); *Кто правее, тот правее* (аналогично предшествующему) и др.

Во-вторых, переходность может быть связана со спецификой семантической структуры паремии: сложно бывает однозначно определить, синтетично или аналитично изречение по характеру значения. Так, если для единиц типа *Не спрашивай старого, спрашивай бывалого!*; *Малый, что глупый, а глупый, что малый*; *Все доброхоты, а в нужде помочь нет охоты* очевиден аналитичный характер значения (переносного смысла вообще не возникает, единицы можно определить как поговорки), а в изречениях типа *Не корми калачом, да не бей в спину кирпичом*; *Баба с возу – кобыле легче*; *Ворон ворону глаз не выклюнет* пословичное значение синтетично, оно формируется путем переосмысления общего значения предложения – деривационной базы, то однозначности выявления семантической структуры в паремиях типа *Худо овцам, где волк в пастухах*; *Старый хочет спать, а молодой – играть*; *Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетит и под старость* не наблюдается, поскольку слова *худо, хочет, смолоду, под старость* сохраняют свою семантику и в составе паремии.

Использованная литература

- Жуков, А. В.: *Переходные фразеологические явления в русском языке*. Новгород, 1996.
Жуков, В. П.: *Словарь русских пословиц и поговорок*. 4-е изд., испр. и доп. М., 1991.
Пермяков, Г. Л.: *От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)*. М., 1970.

Key words:

phraseological unit, proverb, system, transitive phenomenon, the Russian language

Summary

This article is about transitive phenomena in the scope of secondary language signs, more complex than a word. The author analyzes stable word complexes, which unite the qualities of phraseological units as secondary language signs, corresponding to a concept, and proverbs as signs comparable with a judgment and an inducing sentence. Besides, the author considers the cases of polysemantic perception of pragmatic characteristic and semantic structure of proverbs.

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КОМПОНЕНТА ПОСЛОВИЦЫ И ПАРЕМИЙНОМ ВАРЬИРОВАНИИ

Елена Селиверстова, Россия, Санкт-Петербург

К настоящему времени всесторонне и убедительно, с привлечением материала разных языков, освещены закономерности варьирования фразеологических единиц, (ФЕ), определено явление вариантности ФЕ как одной из коренных особенностей ее формы, предложены типологии вариантов (Молотков, Мокиенко 1980, Жуков, Кунин и др.). Наиболее полным и системным исследованием специфики варьирования ФЕ является монография Е. И. Дибровой, в которой показано, что все фразеологические субституции основаны на системных взаимодействиях слов за пределами ФЕ, и названы основания для вхождения слов в вариантный ряд. При этом в варианты ряды ФЕ попадают и слова, которые в изолированном виде семантически далеки друг от друга и не входят в состав регулярных организаций (Диброва, 147). Но и эти переименования организованы дисциплиной ассоциаций, хотя и разного порядка: компонентный материал реализует общеязыковые словесные объединения или контекст ФЕ стимулирует одно из возможных употреблений слова (Там же, 148).

Варьирование паремиологических единиц (ПЕ) не стало пока предметом отдельного исследования, хотя некоторые его черты достойны особого внимания¹. Оставляя в стороне случаи системного взаимодействия слов, когда компоненты-субституты обнаруживают сходство значения, полную (частичную) синонимичность (*Короткую речь слушать хорошо, под долгую/длинную речь думать; Где сатана/ черт не сможет, туда бабу пошлет; Бившись с коровой – не молоко/не удой*), тематическое родство (*Если за конем/ коровой не ходят*), гиперо-гипонимические отношения (*Голодной курице просо/зерно снится*) или метонимические (*Не конь везет, везут корма; Не ногами конь везет – брюхом*) связи, остановимся на моментах, когда основания для замены кажутся не столь очевидными.

¹ Об отдельных интересных явлениях в сфере паремийного варьирования см.: (Селиверстова 2003, 2004).

Это случаи, в отношении которых во фразеологии Е. И. Диброва отмечает организацию субститутов дисциплиной особого порядка. Например, в ПЕ *На своем/своей пепелище/дворе/улице и курица розата/бойка/храбра*, демонстрирующей вариации на тему куриной смелости на своей территории, замены последнего компонента могут быть продолжены серией глаголов *бьет/гребет/скребет*. Важным оказывается не столько само действие, производимое курицей, сколько ее храбрость при возможности совершить нечто «этакое» в ситуации полной безопасности.

Нас интересуют случаи, когда субституция определяется, помимо семантического родства взаимозаменяемых компонентов, еще и иными факторами. Одно из явлений, обнаруживающихся в ПЕ, – семантическая ослабленность (недогруженность) отдельных компонентов, влекущая за собой их относительную свободу, как, например, в ПЕ *Живой о живом (живое) и думает/задает/затекает*. Основная семантическая нагрузка приходится на тавтологические компоненты (ср. близкое *Богу богово, а кесарю кесарево; Каждому свое; *Живым живое*); глаголу отводится отчасти орнаментально-ритмическая функция. С другой стороны, эта модель поддерживается трехкомпонентными тавтологическими ПЕ *Беда беду родит; Бездна бездну призывает; Деньга деньгу достает (родит, зовет, кует, призывает)* и вариант у Н. С. Лескова *Деньги тянутся к деньгам* (можно также вспомнить *Ворон ворону... Рука руку... и др.*)

Семантическим вкладом в значение целого определяются замены компонента в ПЕ *Стели бабе вдоль, а она меряет/ляжет поперек*. Глаголы *мерить* и *лечь* общих семантических звеньев не имеют. Опорным является бином *вдоль – поперек*, указывающий на упрямство, «поперечность» бабы, чье поведение идет вразрез с ожиданиями (ср.: *Ты ей/ему про Фому, а она/он тебе про Ерему*). Нечеткость семантики первого глагола (ср. допустимое *сделай* или *сделаешь*), и даже его факультативность (**Ты бабе вдоль...*) влечет за собой и некоторую произвольность в выборе второго глагола со значением почти любого действия, которое может выглядеть как «поперечное» по отношению к первому.

Пословица *Сбыл беду, что на соседу (попову) жену!* зафиксирована в двух вариантах, хотя возможно приобщение к сонму чужих жен любых других женщин (**Михайлову жену, братнину жену, Кузину жену*).

В составе ПЕ весьма далекие по значению лексемы *кот* и *казак* с легкостью заменяют друг друга благодаря практически отсутствию у них в составе ПЕ семантической нагрузки: *Отчего кот гладок? – Поел да и на*

бок; Поел казак да и на бок, оттого казак и гладок. Гладок – «в теле, не измучен работой» (ср.: *Где бабы гладки, там нет воды в кадке*). Вариантная парадигма базируется на допущении «гладок (‘упитан’) тот, кто поел да и на бок», а этим счастливецом может быть практически любой – *он, я, поп, дед, мужик, солдат, пес, бес, бык, козел, сурок.

Квантором всеобщности (здесь скорее – неопределенности) «любой другой» объединены компоненты *дочка* и *кошка* в ПЕ *Свекор дочку бранит – невестке науку дает* Ил.: 218; *Свекровь кошку бьет/сечет, а невестке наветки дает* со значением «Наказание кого-л. служит предостережением другому». Мотив безжалостной свекрови, способной терроризировать и собственную дочь, и даже мужа, весьма распространен в паремиях. ПЕ основана на бинамах *бить/бранить* → *учить* и *свекровь/свекор – невестка* – последняя пара легла в основу многих ПЕ и ФЕ (ср.: *Блудливая свекровь и невестке не верит; брюзжит, как свекровь на невестку*). Третьей парой можно считать «любой» – *невестка*. Это хорошо видно при использовании метода наложения, предложенного В. П. Жуковым, и соотнесении фрагментов семантической расшифровки ПЕ и ее компонентного состава:

(Некто)	поучает	кого-то,	угрожает	другому
Свекровь				(невестке)
	<i>бьет/ бранит</i>	<i>дочку/ кошку</i>	<i>наветки дает</i>	<i>невестке.</i>

Замена в ПЕ *Велик верблюд, да воду возят; мал сокол/соболь, да на голове носят* основана вовсе не на тематической близости компонентов. Сближение образов – изделия (шапки) из шкурки (*соболя*), и живой охотничьей птицы (ловчего *сокола*), которую чаще носят на руке (*Велик осел, да воду возит, мал сокол, да на руках /на руке/ носят*) – показалось бы странным, хотя их сближает паронимазия *сокол – соболь* и ритмическое сходство, если бы не лежащие в основе ПЕ антитезы «большая» – «малая величина» (*велик – мал*), «отсутствие ценности» – «ценность» (*воду возит – на голове носят*), цементирующие структуру ПЕ и выдающие в ней структурно-семантическую паремийную модель, осмысляемую уже в соответствии с фольклорной традицией. Мотив высокой «ценности» незначительной по размеру вещи по сравнению с большой, но малоценной, имеет много версий: *Велик дуб, да дупляст, а мал дуб, да здоров; Велик жердьяй, да жидок; мал коротыш, да крепыш; Велико, да болото; мала, да*

нивка; Мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура и др. Разнообразие сопоставляемых предметов расшатывает прочность связей между предметами – вплоть до полного их опущения (*Велик да дик, и мал, да удал; Велик, да слюняв, а и мал, да сердит/красен; *Велик, да воду возить, мал, да на руке носить*), но служит укреплению модели.

Замена в ПЕ *Умному/доброму* <одно> слово *пуще дубины* порождает вопрос: если умный понимает с одного слова, то почему это относится и к доброму (хорошему)? Однако ПЕ *Ласковое слово пуще дубины; Доброе слово сильней дубины; Один слова боится, а другого и дубиной не прошибешь* – показывают, что сила слова, согласно ПЕ, не уступает действительности дубины; этот мотив вполне самодостаточен (ср. *Словом ударишь сильней дубины*). Таким образом, слово действительно в отношении любого человека, т. е. *умный и добрый* (**убогий, бедный, ребенок, баба, мать*), с одной стороны, избыточны, а с другой – объединены квантором всеобщности.

Компонент *баба* в ПЕ *За очи баба и князя потяжет/перетяжет/судит* не имеет субститутов, однако совокупность ПЕ с мотивом заглазной критики – *За очи горда, а в очи раба; в глаза хвалят, а за глаза хулят/бранят; в глаза забавляют, а за очи ругают; в глаза ласкает, а по заглазью лает* – показывает, что компонент *баба* не столь обязателен: «смелость» бабы – вовсе не достоинство ее самой, а проявление общей тенденции смело ругать лишь за глаза.

Можно отметить в некоторых ПЕ места наименьшего напряжения пословичного текста или семантической нагруженности/облегченности отдельных компонентов. Так, в ПЕ *в тихом озере/омуте/ болоте черти водятся/живут* носителем паремийного значения являются компоненты *тихий – черт*; ср.: *в болоте тихо, да жить более лихо; Речами тих, да сердцем лих; Тихо кадит, да вонько несет; Тихая собака исподтишка кусает; в тихой воде омуты глубоки; Тихая вода берега подмывает*. Тот же смысл в сжатом виде передает ПЕ *Не верь тишине морской*; семантика «с виду тихий» контрастирует здесь с элементом «нельзя верить», коррелирующим с фрагментами ПЕ *лих, кусает, омут, вонько, подмывает*.

Весьма типичны для паремии и речения с активной заменой целой части ПЕ: *С соседом дружись, а за саблю держись/а тын (забор) городи*. В подобных примерах наиболее явно ощущается влияние паремийной идеи – зд. идеи недоверия близкому человеку (ср.: *Доверяй, но проверяй; Не верь своему брату родному, а верь своему глазу кривому*). Приведем

еще пример: *Дурака учить, что на воде писать/что мертвого лечить/что в решете воду носить/как в бездонную кадь воду лить* (ср. мотив бесполезности любого действия в отношении дурака: *Дурака хоть в ступе толки*). Эти ПЕ нельзя однозначно отнести к вариантам – этому препятствует расхождение в образном фрагменте, однако полностью совпадающие первая часть, структура и смысл позволяют найти компромиссный вариант – квалифицировать эти ПЕ как соварианты.

Таким образом, на варьирование компонентов ПЕ влияют такие факторы, как наличие устойчивых бинарных сочетаний компонентов, принимающих на себя основной семантический вес и поддерживающих активные структурно-семантические модели; наличие распространенных пословичных мотивов («легкости заглазной критики», «невозможности достичь нереального»); наличие санкционированных и часто перевыражаемых пословичных идей («Сказанное слово нельзя вернуть», «Опытного не обманешь», «Жену с легкостью не бросить»); пословичные кондесаты, аккумулирующие семантику многокомпонентного выражения в структуре из двух-трех компонентов (*о четырех ногах – спотыкается; старуха – проруха*²).

Использованная литература

- Диброва, Е. И.: *Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке*. – Ростов н/Д. 1979.
- Жуков, В. П.: *Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов*. – М. 1986.
- Кунин, А. В.: *Замена компонентов фразеологизмов как стилистический прием (на материале английского языка)* In: *Иностранные языки в школе* 1977, № 2.
- Мокиенко, В. М.: *Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический словарь*. СПб. 2003.
- Мокиенко, В. М.: *Славянская фразеология*. «Высшая школа», СПб. 1980.
- Молотков, А. И.: *Основы фразеологии русского языка*. «Наука», Л. 1977.
- Селиверстова, Е. И.: *Вариативность пословиц как проявление законов жанра*. In: *Вестник Санкт-Петербургского университета* 2003, Сер. 2, Вып. 3. № 18.
- Селиверстова, Е. И.: *К вопросу о причинах варьирования пословиц: образ и идея*. In: *Rossica Olomucensia XLII (za rok 2003)*, UP, 1. cast, – Olomouc. 2004.

² Прочная связь этих компонентов – носителей семантики целого – подтверждается и иными ПЕ (Мокиенко 2003, 384–390).

Key words:

russian proverb, variability, component, semantic features, binom, model

Summary

In clause the factors defining semantic weight of a component of a proverb and its ability to a variation (to replacement) – such as activity of motive of a proverb, semantic weakening of a component, participation in binary combinations, stability of structural-grammatical model, etc. – are analyzed.

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Маргарита Симеонова, Болгария, София

Цель нашей работы – попытка создать представление об лексико-фразеологических особенностях в развитии болгарской военной терминологии.

С уничтожением болгарского государства во время турецкого рабства были уничтожены и условия, обеспечивающие развитие болгарского военного дела.

Как известно, создание регулярной болгарской армии, а также создание военных школ осуществляется в этом периоде с помощью материально-технической помощи России под руководством русских офицеров. Большие заслуги имеет перед болгарским военным терминологическим строительством генерал П. Д. Паренсов. Еще в 1879 году он заменил употребляющиеся термины *пропоршич* и *щабс-капитан* новыми – *подпоручик* и *капитан* (Русинов, Р.: 1980).

С точки зрения значения по отношению к военной проблематике, лексемы можно сгруппировать в более узкие в смысловом отношении подгруппы: а) названия, характеризующие лиц в зависимости от выполняемой ими деятельности; б) качества и свойства, имеющие связь с военным делом; в) военные термины, которые имеют связь с организацией войск, напр.: *артиллерия, батарея, батальон, дивизия, рота*; г) названия военных общественных организаций и административных единиц, напр.: *амбуланца, гауптвахт, артельная*; д) названия предметов военного дела и вооружения, напр.: *берданка, байонет, граната, кнут, лафосе*; е) названия общественных проявлений и состояний, имеющих отношение к военному делу – *бунт, позиция, тактика, штурм*; ж) названия военного снаряжения и военных униформ – *бескозырка, галанка, доспехи, компас, кивер* и т. д.

Как результат общественной значимости названных понятий тематическая группа «названий предметов военного дела и вооружения» отличается многочисленностью составных элементов. Разнообразие лек-

сических единиц в генетическом и структурном отношении, изобилие названий холодного и огнестрельного оружия, характерная особенность, мотивированная внеязыковыми факторами. Некоторые из них следующие: Во время Апрельского восстания 1876 года, которое стало прологом к Освобождению 1878 г., основной фонд оружия был из кремня (кремневое ружье, капсюльное ружье, отремонтированное старое огнестрельное оружие (ружье и револьверы), шишанета (старинное ружье), двуствольное ружье (двустволка), холодное оружие (сабли, ятаганы, шпаги, кинжал, ножи, пики) и самобытная деревянная артиллерия (Павловска, Цв. 1976: 139–141).

В тематической группе названий, характеризующих лиц в зависимости от их деятельности, качеств и свойств, имеющих связь с военным делом, преобладают названия лиц в зависимости от деятельности и проявления отдельной личности.

Борясь за свободу своей земли, болгарский народ видит двух врагов – византийскую власть и турецких угнетателей, которые держали его в духовном рабстве, лишивших его политической свободы и государственной самостоятельности. Общественные изменения оставляют прочный отпечаток в интересующем нас кругу лексики. Некоторые из лексем отражают организацию турецкого государства: *башибузук*, *бинбашия* «полковник в турецкой армии», *делибашия* «разбойник», *заптие* «стражник во время турецкого ига», *конак* «резиденция турецкого правителя», *орда*, *паша* и др. Другая часть относится к борьбе болгарского народа против византийской власти: *архонт*, *друнгарий*, *катафрактарий*, *клефте*, *паликаре*, *хетериарх* и др.

Лексика анализируемых семантических областей указывает, что коренные изменения военной терминологии обусловлены изменениями в общественной жизни. Эти лексические процессы не породились из-за потребности языка назвать новое явление или понятие, а из-за неактуальности понятий: отмирают и называющие их слова. Сопоставление с современными выразительными средствами языка указывает на архаичность большей части анализируемой лексики, которая сегодня является художественным средством для воссоздания старинного стиля речи в исторических повествованиях.

Васил Левский первым обратил внимание на вооружение революционной организации – оружие и боеприпасы, на профессиональную подготовку военных руководителей, на военное обучение революционе-

ров. Из документального наследия Василя Левского видно, что международная культурная терминология занимает место в турецких названиях, которые относятся к военному искусству, которые оказываются устаревшими по сравнению с новыми понятиями. Некоторые примеры из словаря Василя Левского: военные термины французского происхождения – *бомбардирован, гарнизон, капитан, команда, рапорт, профилиране*; итальянского: *капсула, пусула*; латинского: *дисциплина, комуникация, план, позиция, револвер, фортификация*, греческого: *тактика* и т. д. Следовательно, национально-освободительная борьба приводит к появлению новых понятий в болгарской культуре и в военно-политическом пространстве. Здесь наблюдается движение, которое в большой степени напоминает характерные изменения в словарном составе литературных языков и, более конкретно, в терминологическом слое: процесс отступления лексем и процесс появления новых слов путём заимствования из международной культурной лексики.

Предметом в другой нашей работе послужили военные термины во фразеологизмах (доклад на научной конференции в Ополе, 2005 г.). Лексика, называющая вид оружия или термины, связанные с военным делом, разнообразная, но во фразеологизмах, в которых она является компонентом, она занимает центральное место в создании метафорического образа и семантической дешифровки. Здесь мы затронем лишь вопрос об эталоне (символе). *«Эталоны – это то, в чем образно измеряется мир... таким образом, эталон – это сущность, измеряющая свойства и качества предметов, явлений, объектов»* (Маслова 2004: 44). Как известно, важнейшее свойство символа – его образность. *«Он объединяет разные планы реальности в единое целое в процессе семантической деятельности»* (Маслова, В. 2004: 99). В исследуемой группе фразеологизмов есть национально-специфичные для болгарской культуры слова, как: *порох, меч, пуля, нож, оружие, пранги* (оковы, кандалы) как символ войны, убийства, вооруженной борьбы. Напр., фразеологизмы с компонентом *порох*: *мирише на барут* (пахнет порохом) «мирише на война»; *не е помирисал войната* (он пороха не нюхал); *държса барута (си) сух* (держать порох сухим) «намирам се в състояние на пълна бойна готовност». Фразеологизмы с компонентом *пуля*: *тегля куришума някому* (стрелять (в кого-л); *отървавам/отърва куришума* (спастись от расстрела) «успявам да се спася от застрелване».

Фразеологизмы с компонентом **меч**: *вдигам/вдигна меч против (срещу) някого или за нещо* (поднимать меч). Книжн. «начать, вести вооруженную борьбу против кого-либо или против чего-либо» и фразеологический синоним *вадя меч и вадя меча си против/срещу някого или нещо*.

Фразеологизмы с компонентом **нож**: *атака на нож* (штыковая атака); *наточвам/наточа си ножа* (точить нож) «готовлюсь к вооруженной борьбе». Фразеологический синоним: *наточвам си/наточа си меча*.

Символом борьбы являются и слова **байрак** и **знамя** в некоторых из исследуемых фразеологизмов: *развявам/развее байрака* (иметь под своей командой) «находиться во главе какой-либо борьбы, движения или течения» (стоя начело на никаква борба, на никакво движение или течение); *вдигам/вдигна знамето* (поднимать восстание). Книжн. *Държа под знамената* някого (под знаменем чего-л.) «имам на разположение войска в пълна бойна готовност»; *Свиквам/свикам под знамената* (созывать под знамёна). книжн. «извършвам мобилизация; мобилизирам»; *свивам знамената* (свёртывать знамёна) и фразеологический синоним *Вдигам/вдигна бяло знаме* при въоръжена борба – предавам се, искам примирие.

Фразеологизмы с компонентом **оружие**: *Дрънкам оръжие* (бряцать оружием). Книжн. «Заплашвам с война»; *Вдигам на оръжие* (призывать к оружию); *слагам оръжие* (складывать оружие, сдаваться).

Результат анализируемых фразеологизмов показывает, что символы разных видов оружия имеют тройкою проекцию: война, смерть или вооруженная борьба против кого-л., а иллюстративный материал показывает, что во время третьей четверти XIX века слова международной лексики являются строительным материалом в военно-политическом и информационном словаре болгар.

Использованная литература

- Бернштейн, С. Б. *Болгарско-русский словарь*. Москва, 1986.
Божков, Ст., З. Геннадиева: *Речник на езика на Христо Ботев*. С., 1960. Т.1.
Възвъзова-Каратеодорова, К., З. Нонева, В. Тилева, Н. Генчев: *Васил Левски. Документално наследство*. С., 1973.
Геров, Н.: *Речник на българския език*. Т.1–6. Фот. изд. С., 1975–1978.
Илчев, Ст., А. Иванова, А. Димова, М. Павлова: *Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век*. С., 1974.
Маслова, В. А.: *Лингвокультурология*. М. 2004.

Павловска, Цв.: *Въоръжаване на революционните окръзи*. – В: Военна подготовка и провеждане на Априлското въстание. С., 1976, с. 116–142.

Русинов, Р.: *Учебник по история на новобългарския книжовен език*. С., 1980.

Симеонова, М.: *Речник на езика на Васил Левски*. С., 2003.

Чукалов, С. К. *Русско-болгарский словарь*. Москва, 1965.

Key words:

lexico-phraseological characteristics, Bulgarian martial terminology, metaphoric figures, semantic decoding

Summary

Lexico-phraseological characteristics in the development
of Bulgarian martial terminology

The purpose of the study is to create an idea of the lexico-phraseological characteristics over one period of the development of Bulgarian martial terminology. Here, subject of a concrete synchronious analysis is the lexical material of Bulgarian dictionaries comprising the stock of the National Revival. It has been found out that martial lexis, which takes part in phraseologisms, takes a central place in the devising of metaphoric figures and by their semantic decoding.

СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВАЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕМ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Яна Складана, Словакия, Братислава

Сопоставление фразеологии одного языка с фразеологией других языков способствует объяснению самой сущности фразем, их возникновения, источников и их общего развития. Это помогает выделить то, что исконно для данного языка, связано с его структурой, со спецификой его материальной и духовной культуры, но и то, что является общим для нескольких языков.

При сопоставительном методе в фразеологии чаще всего применяется синхронное наблюдение, т. е. конфронтация фразем двух или более языков (ареальный и сопоставительный метод). Реже используется историко-сопоставительный метод. Во многих случаях, однако, использование этимологии и исторических экскурсов необходимо, причем как в родной, так и в заимствованной фразеологии. Напомним, что заимствованная фразеология (как и заимствованные слова) очень быстро адаптируется и, если в ней нет имен собственных, иностранных реалий и ее значение ясно, она перестает ощущаться как чужая (Mlasek, 1984, s. 83). Что касается чужой мотивировки и наименований иностранных реалий, то это не касается калек, которые были заимствованы во многие языки и стали неотъемлемой частью их выразительных средств (Smiešková, 1974, s. 194).

Фразеология каждого современного языка имеет два основных источника. 1. Фраземы возникают на основе родного языка; эти фраземы составляют основную часть фразеологического фонда каждого языка. 2. Фраземы были заимствованы из родственных или неродственных языков – в виде калек или в виде прямых заимствований. В этой группе важно выявить, каковы исторические связи фразеологии данного языка с фразеологиями других языков. Ответ на этот вопрос может дать именно историко-сопоставительная фразеология, которая способна определить, был ли базой возникновения одинаковых фразем двух, трех или более языков общий источник или они появились в результате постепенного заимствования ФЕ из одного языка в другой (Молотков 1977: 218;

Smiešková 1974). Причиной совпадения ФЕ в разных, иногда даже отдаленных языках может быть общность логико-метафорических процессов в мышлении разных народов и культурно-исторические контакты между отдельными народами (Basaj 1988: 29).

В случае фразем, возникших на основе одного источника во многих языках, можно говорить об интернационализмах. Этой проблематикой мы занимались в нескольких наших работах (Skladaná 1993, 1998, 2001, 2002, 2003 и др.), где мы анализировали соответствующую литературу и представили собственное исследование. Многие вопросы остались решенными не до конца. Речь идет о самом понимании понятия *интернационализм* во фразеологии (интернациональная фразема – ИФ), что, разумеется, связано и с пониманием интернационализмов в лексике. Когда можно говорить об интернационализмах? Когда они присутствуют по крайней мере в двух мировых языках или в большем количестве языков? Значительный вклад в изучение ИФ внесла монография русского фразеолога Солодухо «Проблемы интернационализации фразеологии», выделяющая пять типов ИФ:

1. ИФ с абсолютным звуковым и графическим тождеством (*cum grano salis, enfant terrible*).
2. ИФ с частичным звуковым и графическим тождеством (*gordický uzol, čínský múr*, русск. *гордиев узел, китайская стена*).
3. Только лексико-семантическое, стилистическое или также структурно-грамматическое тождество – изоморфические интернационализмы. Это самая большая группа, напр. *vodiť za nos niekoho, prilievať oheň do ohňa, zabiť dve muchy jednou ranou*.
4. Потенциальные ИФ (логико-семантическая идентификация). Данный тип автор в работе не анализирует.
5. Формальные ИФ – только внешняя идентификация, напр. *otvárať oči, zlaté slová* (Солодухо 1982: 25 и др.).

На основе нашего исследования и изучения существующей литературы мы понятие *интернационализм* сузили, причем и по сравнению с классификацией Солодухо. К фразеологическим интернационализмам мы относим лишь те ФЕ, которые используются в нескольких мировых языках (то есть не только в двух), родственных и неродственных, и источниками которых является история христианства (прежде всего Библия), античная история и литература, античная мифология, мировая общественная история и литература. В европейском регионе фраземы данной группы составляют так наз. основной европейский фразеологический фонд. Это, по нашему мнению, фразеологические интернационализмы

в истинном смысле этого слова. Для ФЕ второй группы, существующих в двух, но и в большем количестве языков, мы бы не использовали термин *интернационализм*. Можно было бы использовать выражения *общие* или *тождественные* ФЕ либо избрать другое обозначение (напр., *регионализм* или *ареализм*; нам больше нравится *ареализм*).

Тождественность содержательной и выразительной стороны ФЕ, тождество мотивации, переноса значения и т. п. необязательно возникают в результате заимствования ФЕ из одного языка в другой, это может быть результатом подобной реакции человека на импульсы окружения, на одинаковые или подобные природные, климатические условия и т. п. В отличие от интернационализмов, данные ФЕ имеют больше отличий, особенно на лексико-семантическом уровне. Эти различия мотивированы, по-видимому, и тем, что разные народы видят окружающий нас мир все же несколько по-разному и выбирают разные языковые средства, хотя довольно часто эти ФЕ по сути совпадают.

В первой группе так наз. истинных ИФ наибольшую часть несомненно составляют ФЕ библейского происхождения, ср. примеры, тождественные в словацком и русском (а также и в других европейских) языках: *umývať si ruku (ako Pilát)* – *умывать руки (как Пилат)*; *horký kalich utrpenia* – *горькая чаша, чаша страдания*; *judášsky groš* – *тридцать сребреников* (в словацком также есть *tridsať strieborných*); *križová cesta* – *хождение по мукам*. Вторую по величине группу составляют ФЕ античного происхождения, ср. *lukulské hody* – *лукулловский нур*; *Prokrustova posteľ* – *Прокрустово ложе*.

Из области древней истории: *bartolomejská noc* – *варфоломеевская ночь*; *Kolumbovo vajce* – *Колумбово яйцо*; выражению *šedá/sivá eminencia* соответствует *серый кардинал*, при том, что в остальных европейских языках присутствует компонент *eminencia*. Далее из новейшей истории: *piata kolóna* – *пятая колонна*; *krajina neobmedzených možností* – *страна равных возможностей*. Наконец, из всемирной литературы: *boj/bojovať s veternými mlynmi* – *воевать с ветряными мельницами*; *hamletovská otázka* – *гамлетовский вопрос*; *rytiev smutnej postavy* – *рыцарь печального образа*.

Вторую группу так наз. неистинных ИФ составляют ФЕ (типологические словосочетания), которые не заимствовались из одного языка в другой, а возникали независимо друг от друга благодаря подобным условиям.

Мы выделили наиболее явные группы таких ФЕ. Уже имеющийся собранный нами материал позволяет нам в следующем анализе указать на определенные отличия и большую вариантность. На первом этапе исследования мы уделяли внимание их тождественности или сходству в лексико-семантической области.

1. Природные явления. *Je tu svetlo/jasno ako vo dne* – здесь светло как днём; *to je ako kvapka v mori* – это капля в море; *byť studený ako ľad* – быть холодным как лёд; *byť rýchly ako blesk* – вариант пролететь как молния. 2. Растительный мир. *Byť čistý ako ľalia* – чист как лилия. 3. Неодушевленная природа. *Byť studený/chladný ako kameň* – быть как камень; *prítáňovať ako magnet* – притягивать как магнит. 4. Животный мир. *Osie hniezdo* – осиное гнездо; *ísť/ylicť sa ako slimák* – ползти/тащиться как черепаха (здесь разница в лексическом наполнении); *spievať ako slávik* – петь как соловей. 5. Части человеческого тела, так наз. соматическая фразеология. *S vyplazeným jazykom* – высунув язык; *kamenné/tvrde srdce* – каменное сердце; *od hlavy až po päty* – с головы до пят. 6. Пища, сырье. *Ťažký/trpký chlieb* – тяжёлый хлеб; *byť sladký ako cukor/med* – сладкий как сахар/мёд; *kyslý ako ocot* – кислый как уксус. 7. Инструменты, оружие, напр. *ostrý ako britva* – острый как бритва; *deravý ako sito/rešeto* – дырявый как решето; *majstrovský kúsok* – настоящее искусство (разница в лексическом наполнении). 8. Меры, деньги; время. *Posledný halier/grajciar/groš/koruna, do posledného haliera/grajciara/groša/koruny* – последняя копейка, до последней копейки; *rovnaký meter* – единая мерка; *o päť minút dvanásť, v poslednej chvíli* – в последний момент. 9. Лекарства, болезни. *Byť balzatom na rany* – это как бальзам на раны; *šíriť sa ako mor* – распространяться как чума. 10. Техника, научные дисциплины. *Robiť ako automat/robot* – работать как автомат/робот. 11. Область музыки, напр. *hrať prvé husle* – первая скрипка. 12. Сравнения с наименованиями цветов, напр. *biely ako sneh* – белый как снег.

Выделяя данную более узкую группу (ареализмы), мы стремились уменьшить определенную неточность понимаемого сейчас широко термина *фразеологический интернационализм*, или *интернациональная фразама*. Как оказалось, тождественность или сходство фразем данной группы более явна и часта, чем их отличия. Применительно к этой группе можно говорить о большей вариантности в лексическом наполнении и в конструкции, хотя мы уделяли внимание прежде всего их тождественности, сходству. В отличие от первой группы, т. е. так наз. истинных интернациональных фразем, можно предположить, что эти фраземы возникли

в отдельных языках на основе одинаковой мотивации независимо друг от друга, т. е. не заимствованием из одного языка в другой.

Литература

- Basaj, M.: O polu semantycznym internacjonalizmów frazeologicznych. In: Z polskich studiów slawistycznych, seria VII. Warszawa 1988, s. 29–35.
- Mlacek, J.: Slovenská frazeológia. Bratislava 1984.
- Молотков, А. И.: Основы фразеологии русского языка. Ленинград 1977.
- Skladaná, J.: Frazeológia v rámci biblického kontextu. In: Text a kontext v náboženskej komunikácii. Studia Philologica VIII. Prešov: Fakulta humanitných a prírodných vied Prešovskej univerzity 2001, s. 85–89.
- Skladaná, J.: Frazeologické internacionalizmy. In: Studia Academica Slovaca. 31. Prednášky XXXVIII. Letnej školy slovenského jazyka a literatúry. Ved. Red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul 2002, s. 220–228.
- Skladaná, J.: Internationalismen in der Phraseologie. In: Frazeológia vo vzdelávaní, vede a kultúre. Red. E. Krošláková. Nitra: Vysoká škola pedagogická v Nitre. Fakulta humanitných vied 1993, s. 345–353.
- Skladaná, J.: Niektoré východiská porovnávacej frazeológie. Slavica Slovaca, 28, 1993, s. 50–55.
- Skladaná, J.: Slovenské frazémy kresťanského pôvodu v slovanskom kontexte. In: XII. Medzinárodný zjazd slavistov v Krakove. Príspevky slovenských slavistov. Ed. J. Doruľa. Bratislava: Slovenský komitét slavistov – Slavistický kabinet SAV 1998, s. 133–141.
- Skladaná, J.: Textotvorné potencie frazeologických internacionalizmov. Jazykovedný časopis 1–2, 54, 2003, s. 51–56. Venované XIII. Medzinárodnému zjazdu slavistov. Lubľana 15.–21. 8. 2003.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky. Red. F. Čermák, J. Hronek a J. Machač. I. Přírovnání. Praha: Academia 1983. II. Výrazy neslovesné. 1988. III. Výrazy slovesné. Zv. 1. (A–P). Zv. 2. (R–Ž). 1994.
- Slovník slovenského jazyka. Red. Š. Peciar. Bratislava: vydavateľstvo SAV 1959–1968. 6 zv. Smiešková, E.: Porovnanie vo frazeológii. Kultúra slova, 8, 1974, s. 193–199.
- Солодухо, Э. М.: Проблемы интернационализации фразеологии. Казань 1982.

Key words:

diachronic and comparative phraseology, phraseological internationalism, international idiom, the Bible, antiquity, older and newer world's history, older and newer world's literature, international languages, non-international languages, basic European phraseological resources, realism

Summary

The Comparison of Some Slovak and Russian Idioms

The paper points out to the importance of diachronic and comparative method for study of particular languages compared to synchronic and contrastive aspects. On base of the study of fiction, the author analyses the notion of phraseological internationalism or international idiom, and presents her view of this notion. According to the author, phraseological internationalisms are only those idioms that come from the Bible, antiquity, older or newer world's history or older or newer world's literature. These idioms form so called basic European phraseological resources and can be found almost in all European languages, both international and non-international. The same or similar idioms found in more than one language could originate as a result of man responding similarly to phenomena of the real world, to the same or similar situations in human life, to the same or similar natural conditions etc. It means the idioms could originate in a particular language, independent of other languages. They can be called arealisms. The paper shows Russian and Slovak examples of both so called true international idioms (*utývat' si ruku jako Pilát; умывать руки как Пилат; Kolumbovo vajce; Колумбово яйцо*), and so called arealisms (*osie hniezdo; осиное гнездо; katenné srdce; каменное сердце*).

СЛОВАРЬ М. И. МИХЕЛЬСОНА «РУССКАЯ МЫСЛЬ И РЕЧЬ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

Людмила Степанова, Чешская Республика, Оломоуц

Одной из проблем исторической фразеологии является недостаток достоверных письменных источников, фиксирующих исходную форму и семантику фразеологических единиц. Мало и диахронических исследований русской фразеологии, до сих пор существуют лишь работы, описывающие только отдельные исторические периоды (А. И. Федоров, А. Бирих, Т. Шевякова, М. Ф. Палевская и некоторые другие). Однако оказывается, что и источники, отстоящие от нашего времени на сравнительно небольшом расстоянии, могут дать ценный материал для диахронического изучения фразеологии. В докладе я постараюсь показать это на материале словаря Морица Ильича Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний». Напомню, что первое, однотомное издание словаря Михельсона вышло в 1892–1893 гг., третье, переработанное и значительно расширенное (включает 11 405 словарных статей), 2-томное издание, которое и легло в основу моего доклада, – в 1902–1903 гг.

Сам Михельсон писал, что в своем словаре он собрал меткие и «ходячие» слова, т. е. «известные цитаты и пословицы, пословичные выражения и иносказания, часто встречающиеся у нас, как в устной речи, так и в литературе». Ценность словаря Михельсона, помимо прочего, заключается в том, что он включил в свое собрание только те выражения, которые были актуальны в его эпоху. В словаре почти нет устаревших выражений, все обороты проиллюстрированы цитатами из произведений русских писателей XIX века (Лескова, Куприна, Чехова и др.). Включаются и фразеологизмы из современного ему городского просторечия, многие из них фиксируются впервые. Вот как пишет Михельсон: «Но то, что в сборнике 'ходячих и метких слов' зависит от вкуса составителя, то в книге, 'знакомящей читателя с русской фразеологией', ставит автора в условия, заставляющие его считаться *лишь* с тем материалом, который

он подслушал или вычитал из книг, разного рода сочинений и т. п., для того, чтобы читатель мог пользоваться этим сборником, как справочной книгой». Таким образом, книга дает, насколько это возможно, полное и действительно актуальное собрание русских «ходячих слов» и фразеологизмов XIX века.

Итак, какие наблюдения может сделать историк фразеологии при изучении словаря М. И. Михельсона?

Во-первых, целый ряд ФЕ содержит **архаичные элементы**, напр.: *мыслете писать* – «быть пьяным» (*мыслете* – устаревшее обозначение буквы М), *накостылять выю кому* – «побить кого-л.» (*выя* – шея), *в версту встать* – «сравняться с кем-л.» (*верста* – ряд, линия), *попасть в улово* – «попасть в ловушку», *ни за понюх табаку (пропасть)* – «напрасно» и др.

Возможна также фиксация устаревшей синтаксической конструкции, ср., напр. *о двух головах* – «безрассудный», *выше целой головой* – «намного выше, лучше» и т. п.

Нужно подчеркнуть, что основная часть фразеологических единиц словаря (а я сосредоточусь лишь на них, оставив в стороне метафорические выражения, крылатые слова, пословицы и афоризмы) употребляется и в наши дни, напр.: *старая гвардия, проходу не давать кому, проливать свет на что, пороть вздор, перемывать косточки кому, увидеть свет и др.* Однако многие ФЕ, зафиксированные в словаре, устарели и ушли из языка за то столетие, которое отделяет нас от момента выхода словаря в свет в 1903 году, а довольно большое количество фразеологизмов претерпели изменения. Из устаревших оборотов назовем хотя бы такие: *работать на счет прусского короля* – «даром» («объясняется тем, что в лотереях 31 число называлось *misere en Prusse*, т. к. 31-ого числа прусские солдаты не получали жалования, т. е. служили королю даром»); *на шереметевский счет* – «даром (есть)» (граф Шереметев был известен пожертвованиями нищим); *лягушачьего пуха не останется на ком* – ничего не останется; *на сухом берегу рыбу ловить* – воровать; *висеть на ушке у кого* – «наушничать».

Как известно, для исторической фразеологии имеет большое значение изучение всех возможных вариантов ФЕ. Словарь Михельсона предоставляет богатейших набор фразеологических вариантов. Среди них можно выделить:

- **фонетико-морфологические варианты** (хотя таковых немного), которые проясняют этимологию некоторых ФЕ, напр.:

Ерунду нести - *герунду нести* - попусту суетиться, нести дичь. Ср.:

- *Ну, им, литераторам и книги в руки: пусть их сидят со своей «герундой», а нам с тобой на что эту герунду заимствовать, когда с нас и своей русской чепухи довольно?* Лесков. *Соборяне*.

Слово *ерунда* появилось в бурсацкой среде: семинаристы преобразовали название одной из грамматических форм латинского языка - *gerundium* - в синоним слова *чепуха* (см. БМС 1988: 181).

- значительно богаче в словаре представлены **лексические варианты**, напр.: *закадычный* (*запазушный, задушевный*) *друг* - «верный, преданный», сейчас употребляется лишь *закадычный друг* (но *задушевная беседа*); *от младых* (*от мягких*) *ногтей* «с самого раннего возраста» (вариант *от мягких ногтей* восходит к греческому обороту *с нежных* (*мягких ногтей*), который встречается и в латинских переводах - см. БМС 1988: 407).

В современном русском языке широко употребляется, например, фразеологизм *проще пареной репы* - «о чем-л. простом, что можно легко сделать», однако в словаре Михельсона мы найдем оборот с иным лексическим составом - *дешевле пареной репы* «о чем-л. очень дешевом», ср. также *за пареную репу купить* (*продать*) - «дешево». Значение данного выражения логично вытекает из реалий старого русского быта - пареная репа была очень дешевой едой, часто появлявшейся на крестьянском столе. Более распространенный ныне вариант *проще пареной репы* имеет уже несколько затемненную семантику. Интересно, что в речи современной молодежи появилось совсем не связанное с прежней пареной репой выражение *парить репу кому* - «лгать, обманывать», где *репа* - «голова», ср. *чесать репу* - «думать» и т. п.

Проблема вариантности нередко вытекает из вопроса об объеме сочетаемости. Многие фразеологизмы первоначально имеют широкую сочетаемость, которая затем сужается, а некоторые ФЕ при этом становятся выражениями с неясной мотивировкой. Несмотря на то, что с момента издания словаря Михельсона прошло лишь одно столетие, даже в этом источнике мы найдем немало примеров более широкой сочетаемости ФЕ, ср.: совр. *душа нараспашку* - в Словаре также *на распашку* (*говорить, жить*); совр. *пьян вдрызг* - в Словаре также *в дрызг* *изругать, оскорблять, разнести*; совр. *убить наповал* - в Словаре также *наповал ругать*; совр. *сгореть дотла* - в Словаре также *до тла* (*обокрасть, сгнуть, сгореть*);

совр. *пить как сапожник* – в Словаре также *играть как сапожник*; совр. *денег куры не клюют* – в Словаре также *работы столько, что куры не клюют*; совр. (*работы*) *непочатый край* – в Словаре также *непочатой край, непочатая страна, непочатой угол* и т. д.

При историческом изучении фразеологии важно обращать внимание также на **количественные варианты**, т. е. на более распространенный фразеологический оборот, т. к. более полный компонентный состав может прояснить исходную мотивировку ФЕ. Так, например, фразеологизм *ни в зуб* – «ничего не знает, не понимает» представлен в словаре Михельсона также в исходном варианте *ни в зуб толкнуть не смыслит*: фразеологизм, по объяснению Б. А. Ларина, восходит к временам крепостничества и первоначально характеризовал крепостника или надсмотрщика, который даже не умеет «толкнуть в зуб» – побить крепостного, т. е. совсем никуда не годится (БМС 1988: 218). Приведенные контексты показывают и вариантность последнего глагольного компонента, ср.:

Прелесть, что за немочка. Да то беда: по французски-то я маракую, а по немецки-то ни в зуб толкнуть не умел. Н. Макаров. Воспоминания.

Я - к Розенталю - в зуб толкнуть не смыслит! Салтыков. Современный идеал.

Проясняют мотивировку ФЕ и варианты выражения *быть на взводе* – у Михельсона: *быть на первом (втором, третьем) взводе* (т. е. быть готовым – курок ружья имеет два взвода, третий взвод не существует). Характерно, что Михельсон приводит только одно значение фразеологизма – «очень пьян», в современном русском языке на первом месте стоит значение «в состоянии крайнего раздражения».

Интересно, что некоторые количественные варианты, которые сейчас кажутся окказиональными, шуточными, были в XIX в., как показывает словарь, устойчивыми. Это, напр, ФЕ *лицо вытянулось [по шестую пуговицу, до пятой пуговицы]* – «выражение досады»:

У всех присутствовавших лица вытянулись по шестую пуговицу. Этой развязки никто не ждал... П. Даль. Отец с сыном.

Надо было видеть тогда лицо моего героя (когда пуля его свиснула мимо): оно вытянулось до пятой пуговицы. Марлинский.

Отношения синонимии и антонимии – еще один вид системных отношений, способствующих раскрытию внутренней формы ФЕ. Так, в словаре Михельсона зафиксировано не только выражение *быть одетым с иголкой*

ки «быть одетым модно, красиво, во все новое», но и его синоним с *брызгу* с объяснением: «только sprыснули – сбрызнули» (Михельсон 2: 340).

Наблюдения над антонимами также подтверждают уже высказанную мысль, что при своем возникновении фразеологизмы были регулярными единицами языка, органично вписывающимися в сетку парадигматических отношений. Так, в современном языке известно выражение *недюжинный человек* «человек выдающихся способностей», в Словаре зафиксировано и *дюжинный человек* «обычный, каких много», ср.:

Ожогин был человек дюжинный, не дурной, не хороший. Тургенев.

На размышления наводит также форма выражения *на тебе, небоже*, что мне не гоже «о людях, охотно отдающих то, что им не нужно». В современном языке известна только форма *на тебе, боже, что мне не гоже*, а сам оборот служит классическим примером, приводимым фразеологами тогда, когда речь идет о переосмыслении внутренней формы в результате изменения (затемнения) одного из компонентов. В нынешнем виде внутренняя форма оборота воспринимается как критика лицемеров, которые жертвуют богу только то, что не нужно им самим. В действительности же мотивировка была более «приземленной» – компонентом ФЕ выступало не слово *бог*, а исчезнувшее существительное *небог*, которое истолковывается как «нищий, бедняк» (см. БМС 1988: 52) или «бедная родня» (Михельсон 1: 622). То, что Словарь приводит только форму с компонентом *небог*, свидетельствует о том, что изменения в этом выражении произошли только в течение XX в.

Как мы уже отмечали, **семантика фразеологизмов** оказывается гораздо более устойчивой, чем их форма (Stěpanova 2004: 154–159), поэтому количество ФЕ с отличающимися от современных значениями невелико. Так, в современном русском языке ФЕ *божья коровка* – это «кроткий, безобидный, не умеющий за себя постоять человек», в то время как в Словаре она имеет значение «о наивных, жалких, недомыслящих людях», ср.:

Только божья коровка, как Лидия Никаноровна, с ее нервами, расшатанными морфием, могла еще терзаться, исходить в надеждах и воздушных замках. Боборыкин.

Он ведь только егозит и петушится, а на деле он божья коровка и к этой службе совсем не способен. Лесков.

Выражение *с душком*, которое сейчас обычно употребляется по отношению к какому-л. делу и имеет значение «о чем-л. нечистом, о каком-л. деле, имеющем пикантные подробности, сомнительные характеристики»,

употреблялось прежде также для характеристики человека и имело значение «о капризном, неуживчивом человеке», ср.:

О ней говорят, что она с душком, но женщина умная и честная. Лесков. Смотри какая! Ужас, с каким душком женщина! Писемский.

Итак, анализ фразеологизмов словаря М. И. Михельсона показал, что фразеология XIX в. далеко не совпадает с современным фразеологическим фондом, хотя речь идет только об одном столетии. Следовательно, фразеологи напрасно пренебрегают изучением единиц этой эпохи в сопоставительном историческом плане. Изменения в фразеологическом составе вызваны, несомненно, как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами.

Экстралингвистические факторы заключаются прежде всего в смене общественно-политического устройства России, в результате которого к власти пришел другой класс. Язык, зафиксированный Михельсоном, все же в основной своей массе принадлежал образованным слоям общества, аристократии, горожанам, писателям. Большую роль играло знание французского и немецкого языков, из которых в русский язык проникали многочисленные кальки.

К лингвистическим факторам относится само развитие лексико-грамматической системы языка, причем в XIX в. отмечается больший набор вариантов, более широкая сочетаемость ФЕ, чем в XX в., где узус уже избрал и зафиксировал стабильный компонентный состав ФЕ.

Использованная литература

- Бирх, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. СПб., 1998 (БМС).
- Бирх, А.: *Русская фразеология* 18 в.
- Михельсон, М. И.: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Т.1–2. М.: Русские словари, 1994.
- Палевская, М. Ф.: *Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в.* Кишинев 1972.
- Федоров, А. И.: *Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в.* Новосибирск, 1973.
- Stěpanova, L.: *Česká a ruská frazeologie: Diachronní aspekty*. Olomouc, 2004.

Key words:

phraseology, historical research, Michelson s dictionary, 19th and 20th century, variants of idioms, archaic elements of idioms, semantic changes in phraseology

Summary

The author analyses the idioms from M. Michelson s dictionary from historical point of view. We can find there ancient forms of words and structure, disappeared idioms and also many examples of different quantitative and qualitative variants, semantic changes. The problem of variants is connected with the question of different possible combinations in contexts. In the 19th century many idioms had a wider possibility of collocation with different words then in the 20th century.

ТРАНСФОРМАЦИИ КРЫЛАТЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТА)

Ядвига Тарса, Польша, Ополе

«Жизнь крылатого выражения – это его функционирование в различных сферах речевой деятельности», – пишет Светлана Шулежкова [Шулежкова 2002, 242]. Действительно, крылатость выражения обусловлена его распространением, большой частотностью употребления. Крылатым можно назвать только такое авторское выражение, которое «живет» в текстах, которое перелетает из одного текста в другой, от одного человека к другому. Дефиниции крылатых слов могут немного отличаться друг от друга, однако все их авторы указывают на популярность, большую частотность употребления, как на основную черту (кроме возможности указания автора или источника) эти языковых единиц. Если о крылатом выражении помнят только историки и лексикографы – тогда это обозначает, что оно уже потеряло свою крылатость и его можно назвать афоризмом, цитатой, но не крылатым словом.

Крылатые слова играют большую роль в коммуникации. Они часто являются основой для языковой игры. Если наш собеседник замечает и понимает сделанный нами намек, он может принять участие в этой игре. Одновременно, если мы ссылаемся на одинаковые тексты, значит – мы «принадлежим к одному кругу», как говорят поляки, мы *padajemy na jednej fali*. Такой человек, который читает, смотрит, слушает то, что и мы становимся нам ближе. Это значит, что он смотрит на мир так, как и мы, что у него такой, как и у нас, круг ценностей и, что тоже очень важно, у него такое же, как у нас, чувство юмора. Эту «общность интересов» можно заметить в интернете, в комментариях читателей статей. Бывает, что один человек в своем замечании употребит крылатое слово из фильма польского режиссера Барея (напр. *bo klient w krawacie mniej awanturująco się jest; oczko się temu misiu odkleiło*) и сразу появляется целая цепочка крылатых слова этого автора. И наоборот, незнание контекста крылатого слова одним из участников разговора может привести к непониманию и неудаче коммуникационного акта, а беседа с человеком, который не знаком с близкими для нас словами, становится неинтересной.

Языковую игру, игру словами, о чем писала м. пр. Н. М. Кабанова [Кабанова 2000], часто используют журналисты. Они стараются привлечь внимание читателей, заинтересовать своими статьями и для этой цели используют устойчивые словосочетания, фразеологизмы, крылатые слова. «Фразеологические единицы придают свежесть и особый колорит газетному тексту, делают его динамичней и выразительней, расширяя и обогащая средства языкового выражения», – замечает А. М. Григораш [Григораш 2002, 125]. Однако в прессе редко появляются фразеологизмы и крылатые слова в инвариантном виде. Чаще всего журналисты модифицируют их. Эти модификации, с одной стороны, должны привлечь внимание читателей, заинтересовать их статьей. С другой стороны, они позволяют актуализировать значение крылатого слова.

Мы посмотрели в интернете разнообразные сайты. Это были сайты российских газет и журналов (напр. «Правда», «Аргументы и факты», «Новая Газета», «Московский Комсомолец», «Известия», «Независимая Газета»), рекламные сайты разных фирм и предприятий, а также читательские форумы.

Подтвердилось наше высказывание, что журналисты часто используют крылатые выражения и модифицируют их. И не только журналисты, но и интернет-ауты использовали в своих высказываниях модифицированные крылатые слова.

Оказалось, что наиболее часто встречаемым способом трансформации крылатых слов является замена одного или нескольких компонентов выражения: *Действительно, срочно требуется образ Родины с человеческим лицом!; Так, в дополнение к старой, официальной, творится новая легенда – с человеческим лицом, о простых и живых людях, прорвавшихся в космос; Скромное обаяние белых ночей – глазу приятней и сердцу милей; Бразильские хакеры впереди планеты всей; Пусть всегда будет чисто!, Пусть всегда будет экспорт; Белый дом, ты не прав; Жириновский, ты не прав!* Такой способ модификации позволяет актуализировать значение данного выражения.

Часто используемым способом трансформации является расширение состава крылатого выражения: *«Кричащая Золушка» из России вновь побеждает на Уимблдоне* (о Марии Шараповой), *Сказка о русской золушке, За нашу державу обидно, Президент, ты не прав по-черному!* Многие, наверное, помнят сказку о добром коте Леопольде, который повторял – *ре-*

бьята, давайте жить дружно. В прессе появляется выражение *принцип или позиция кота Леопольда: Россия, как всегда, занимает позицию кота Леопольда – всех уговаривает жить мирно и дружно.*

Среди модифицированных крылатых слов часто можно встретить такие, в которых замена компонента придает данному выражению антонимичность: *Эта служба не опасна, но трудна; Поэт в России – вовсе не поэт; в Красноярске радуются, что по количеству чрезвычайных ситуаций Красноярский край «не впереди планеты всей».*

Оказывается, что даже замена одного знака препинания может модифицировать значение крылатого слова. Напр., увидев заголовок *Ох, рано встает охрана?*, читатель может подумать, что на самом деле она встает не так рано. И это подтверждает следующее предложение: *Елену Андрееву вряд ли можно назвать ранней пташкой, ведь она работает в охране ночного клуба.* В песне Высоцкий утверждал: *жираф большой – ему видней.* А журналист спрашивает: *Министр большой – ему видней?*

Очень интересно, что среди крылатых слов есть такие, которые пользуются особой популярностью, как напр. выражение *социализм с человеческим лицом.* Оно очень легко поддается трансформациям. Итак, это *Тарантино с человеческим лицом; школа с человеческим лицом; НКВД с человеческим лицом; каннибализм с человеческим лицом; бизнес с человеческим лицом; коррупция с человеческим лицом; Вагнер с человеческим лицом* и т. д. Как видно из приведенных примеров, в этом выражении чаще всего замене подлежит первый компонент.

Не менее популярно крылатое слово *скромное обаяние буржуазии.* Здесь заменятся последний компонент выражения: *скромное обаяние Сталина; скромное обаяние несовременности; скромное обаяние минидискмена; скромное обаяние бестселлера* и т. д.

Легко поддается модификациям выражение *Борис, ты не прав!* – здесь тоже чаще всего заменяется первый компонент этого крылатого слова: *Максим, ты не прав; президент, ты не прав; Минздрав, ты не прав; Кофи, ты не прав.*

На основании вышеприведенных примеров можно сделать два вывода. Во-первых, самый популярный способ трансформации крылатых слов – это замена одного или больше компонентов. Чаще всего заменяется первый или последний компонент выражения. Такая замена позволяет актуализировать значение крылатого слова, быть аллюзией и к источнику этого выражения, и к теме статьи или высказывания.

Во вторых, среди крылатых слов есть такие, которые пользуются особой популярностью и чаще, чем другие появляются в прессе, высказываниях интернаутов. Это может свидетельствовать о том, что они меткие, легкозапоминающиеся, а их структура позволяет их легко модифицировать. Но это тоже свидетельствует о небольшой фантазии журналистов (так как большинство примеров было почерпнуто из интернетовских изданий газет). Они используют в текстах одни и те же выражения, не стараясь использовать другие крылатые единицы, не пытаясь привлечь внимание читателей разнообразием крылатых слов. Но, несмотря на все вышесказанное, можно прийти к выводу, что крылатые слова действительно живут в текстах, а их трансформации подтверждают их популярность и меткость.

Использованная литература

- Григораш А. М.: *Индивидуально-авторское новаторство во фразеологической сфере в современной публицистике*. Ип: Слово. Фраза.Текст. Москва 2002.
- Кабанова Н. М.: *Что наш язык? Игра?* Ип: Слово во времени и пространстве. Санкт-Петербург 2000.
- Шулежкова С. Г.: *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие*. Москва 2002.

Key words:

well-known quotations, transformation, modification, language game, changes in structure, semantic medications

Summary

The article brings up the problem of well-known quotations' modification. Due to their repeatability these units are very prone to all kinds of modifications like exchange, reduction and extending of their components' composition. Such modifications are very often an element of language game which enables the speaker to add variety to this statement and to get in closer touch with the recipient.

СЧИТАТЬ ЛИ СЛОВОМ УНИКАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕМЫ?

Олег Федосов, Венгрия, Будапешт

Тему настоящего доклада можно проиллюстрировать с помощью искусственной фразы: *Если **фря** какая с **бзиком** возьмется за **гуж** и понесет **ахиною** – то **андроны** едут и хоть бы **хны!*** Бессмысленность этой фразы достаточно очевидна для любого носителя русского языка, но представим ситуацию, что ее прочитает владеющий русским языком иностранец. Можно предположить, что для расшифровки непонятных слов он «возьмется не за гуж», а за толковый словарь, например, за одно из последних изданий *Большого Толкового Словаря* под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ). Здесь он имеет шансы выяснить, что: **ахиная** – это вздор, бессмыслица, и данное значение иллюстрирует идиома *Нести ахиною*, но она приведена почему-то без «фразеографического» ромбика (БТСРЯ 2004: 53). Далее: **бзик** – странность, причуда, снова без ромбика, но с корректной этимологической справкой о слепнях и бесах (там же: 77). В статье **гуж** даются два значения этого слова, и при первом значении (петля у хомута) приводится известная поговорка *Взялся за гуж – не говори, что не дюж* (там же: 234). Однако скоро начнутся проблемы: слова **фря** БТСРЯ не приводит, а даются лишь статьи **фряг** и **фряжский**, из которых наш иностранец поймет только то, что в старину его на Руси могли бы обозвать и *фрягом* (там же: 1435). Не найдет он там и слова **андроны**, зато междометие **хны** иллюстрируется идиомой с ромбиком *Хоть бы хны* (там же: 1447). Итак, два из шести произвольно выбранных нами «непонятных» слов не содержит в себе один из самых больших по объему (130 тысяч слов) словарей современного русского языка.

В концепции идиоматики А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского выделение класса идиом из фразеологического фонда языка возможно на основе трех основных принципов или «идей»: неоднословности, устойчивости и идиоматичности. В отношении последней категории исследователи утверждают, что все ее определения сводятся к двум «базовым идеям» – переинтерпретации и непрозрачности (Баранов, Доб-

ровольский 1996: 52). Приведенные выше примеры иллюстрируют как раз последнюю из этих «базовых идей», которая сформулирована авторами следующим образом: «Непрозрачность знака *A* является свойством *A*, препятствующим 'вычислению' значения '*A*' из-за отсутствия продуктивного правила, позволяющего выявить '*A*' или из-за отсутствия одного или нескольких компонентов *A* в словаре» (там же: 52). Из двух типов непрозрачности – а это непрозрачность выводимости и компонентная непрозрачность – нас сейчас интересует именно последняя. Суть ее «заключается в том, что в выражении присутствуют лексические элементы, которые не фиксированы в словаре» (там же: 55).

Понятие «фиксированности в словаре» представляется ключевым для раскрытия нашей темы, поскольку его содержание нельзя смешивать с наличием или отсутствием некоей словарной статьи (в нашем случае – уникального/непрозрачного компонента) в словнике того или иного толкового словаря. Как мы уже видели на примере с шестью лексемами из «бессмысленного» предложения, некоторые из таких «слов» приводятся в БТСРЯ, а другие нет. В другом толковом словаре, например, С. И. Ожегова, объем словника которого составляет менее половины БТСРЯ (57 000 слов), мы также обнаружим словарные статьи *ахи́ня*, *бзик*, *гуж*, *хны* при отсутствии статей для *андронов* и *фря* как и в БТСРЯ, но такое совпадение не всегда происходит: так, прилагательное *повапленный* из фраземы *гроб повапленный* или существительное *фиал* (*выпить фиал блаженства*) есть в БТСРЯ, но не приводится С. И. Ожеговым.

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский рассмотрели также на ряде примеров и фактор «степени непрозрачности». На практике же его не всегда легко установить: для компонента *фря* факт непрозрачности неоспорим, но уникальна ли его корневая морфема, если она тесно связана со словами *фряг* и *фряжский*, которые толкуются словарями как стандартные лексемы иностранного происхождения. С другой стороны, *взяться за гуж* содержит непрозрачный компонент исконно русского (славянского) происхождения, степень непрозрачности которого, однако, для носителя современного русского языка зависит от внеязыковых (временного, географического, профессионального) факторов, то есть теоретически мы не можем исключить, что «корневая морфема» слова *гуж* понятна, «прозрачна» для многих носителей русского языка, например, живущих в деревнях определенной местности людей старшего возраста. Несмотря

на это и ими выражение *взяться за гуж* будет восприниматься идиоматично.

Вернемся к понятию «фиксированности в словаре». Как видно из даже беглого знакомства со словником русских толковых словарей (БТСРЯ и Ожегов 1975), они как правило содержат «уникальные» или «непрозрачные» компоненты фразем или идиом в качестве отдельных словарных статей. Это, например: *антимонии, ажур, баклуши, бзик, бирюк, остро, зеница, зга (!), балясы и лясы, карачун, лататы, начеку, обиняк, поклеп, раж, рожон, сторица, стрекач, тюлька, швах* и т. п. В словаре они обычно маркированы пометами – устарелое, разговорное, разговорно-сниженное, жаргонное и под. Если большинство таких компонентов приводится даже не фразеологическими, а обычными толковыми словарями, то что имели в виду А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, когда писали о том, что эти единицы «не фиксированы в словаре»?

Разрешение этого кажущегося противоречия, очевидно, возможно в зависимости от того, что считать словом во фразеологии. Можно предположить, что уникальные компоненты фразем не воспринимаются авторами как слова в их обычном для лингвистики понимании, т. е. прежде всего как такие единицы лексикона, которые имеют помимо дискретной формы одно или несколько лексических значений. Уникальные компоненты значения не имеют, если не считать таковым одно единственно для них возможное «фразеологически связанное» значение. В этом смысле такие «псевдослова» и не фиксируются в словаре, т. е. в системе значимых номинативных единиц данного языка. В толковых словарях присутствует только видимость фиксации уникальных компонентов в виде слов: легко проверить, что на самом деле фиксируются словосочетания, как правило фраземы и идиомы, с непрозрачным компонентом. Практика толковых словарей при этом подчас вызывает вопросы и даже недоумение. Пусть покажется избитым пример с фраземой *ни зги не видно*, но он кажется весьма показательным. БТСРЯ, стр.361: «ЗГА, -и; ж. ✧ (Ни)зги не видно (не видать)». Так темно, что ничего нельзя различить; ничего не видно». Подобная лексикографическая практика применена и у статьи **СТРЕКАЧ** – *дать стрекача*, но почему-то у статьи **ЛЯСЫ** – *лясы точить* мы не обнаружим леммы ***ляс**.

В. М. Мокиенко в словаре-справочнике «Давайте говорить правильно» пишет, что «слова *стрекач, стречок* в выражении пытаются расшифровать на основе диал. *стрекало* «погонялка...» ...но «оборот, однако, возник

в результате «расщепления», перифрастического развертывания другого диал. глаг. *стрекать* «прыгать, скакать» (Мокиенко 2004: 215). На материале того же справочника мы можем проследить историю русских *блясов/лясов*, («россказни»), для этимологизации которых использован и украинский диалектизм *бляс* «шум». Что же мешает тогда толковому словарю рядом с несуществующей в современном русском языке словоформой **стрекач** привести и такую же несуществующую словоформу, как **ляс**? Традиция, языковой вкус и чутье? Очевидно, на это трудно дать строгий лексикографический ответ.

Подход ко всей проблематике уникальных компонентов во фразеологической концепции Фр. Чермака находит очень строгое решение, основанное на теории комбинаторики. Фр. Чермак отрицает само понятие «степени прозрачности», не считая его лингвистической категорией. Во многих своих работах он пишет, что семантический характер компонентов фразем в основном зависит от их колокабельности, т. е. способности комбинироваться с другими словами, и от степени данной способности. Уникальные компоненты фразем рассматриваются с точки зрения комбинаторики как экстремальный случай, и не считается словами, поскольку их колокабельность ограничивается одной единственной комбинацией (как исключение – несколькими). Такие словоформы лишь в разной степени напоминают слова и формально похожи на отдельные части речи. Строго говоря, ни частиречевой характеристики, ни семантики эти *вербоиды* не имеют, поскольку *de facto* самостоятельно не существуют. Только в вербальном типе чешских фразем и идиом таких вербоидов насчитывается около пятисот. Приводя некоторые примеры, такие как *hin, paf, zálusk, najevo, dokořán, nepořízená, ztraceno, potázat se, holičku* и др., Фр. Чермак пишет, что компонент *holičku* не является существительным не только потому, что не имеет регулярного значения (мы лишь ошибочно приписываем ему это значение на основе значения целой идиомы *nechat někoho na holičkách*), и полной флективной парадигмы (из 14 возможных падежных форм 13 форм отсутствует), но главным образом потому, что эта словоформа самостоятельно не существует, не имея обычной комбинаторной и структурной функции, она незаменима в данном выражении и сама не может заменить никакое другое слово в другом контексте. (см. SČFI 1994: 606–607).

Еще в конце 1960-х гг. между патриархом русской фразеологии А. И. Молотковым и тогда еще начинающим ученым В. М. Мокиенко

разгорелась дискуссия на тему, считать ли вообще фразеологический компонент словом. Отрицательную точку зрения отстаивал А. И. Молотков, но уже во время дискуссии, а позднее во фразеологическом семинаре В. М. Мокиенко утвердился взгляд, что все компоненты фразем – в том числе и архаизмы, и некротизмы – являются словом.

Очевидно, и сегодня мы не найдем однозначного и окончательного решения на данный вопрос. Каждый фразеолог решает его по-своему в зависимости от «исповедуемой» им концепции. Но решение данного вопроса имеет важное лексикографическое значение: уникальные компоненты частотно употребляемых фразем необходимо включать не только в специальные, но и в общие толковые словари. При этом «фразеологический ромбик» должен **заранее предупреждать** пользователя словарем, что здесь имеет место особый случай, а не «слово» в его обычном понимании. При утрате фраземой с уникальным компонентом частотности употребления в современном узусе – что сегодня достаточно объективно отражается в больших текстовых корпусах – включение такого «псевдослова» в обычный словарь вряд ли целесообразно.

Использованная литература

Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О.: *Идиоматичность и идиомы*. In: Вопросы языкознания 1996/5, 51–64.

Большой Толковый Словарь Русского Языка, глав. Ред. С. А. Кузнецов, Спб. 2004.

Мокиенко, В. М.: *Давайте говорить правильно! (Трудности современной русской фразеологии)*, М. – Спб. 2004.

Čermák, Fr.: *České frazémy a idiomy verbální*. In: SČFI III., 1994, 597–630.

Key words:

language unit, idioms, unique component, verboids, phraseology, lexicography, usage frequency, extralinguistic internal and external factors, record in dictionary

Summary

Are the unique components of idioms words? The paper focuses on aspects of language status of unique components of idioms in Russian (and Czech) phraseology and lexicography. This form is usually recorded in dictionary without mark that it has place only in one (or several) word combination or collocation. The unique component of idiom is a lexical anomaly and it has a great expressive force because it has only idiomatic usage in figurative language. It is a reason why in conception of phraseology from Fr. Čermák the unique components are viewed as “verboid”, not as word (*verbum*).

ХОРВАТСКИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «КЛАССНЫЙ» И «КЛАССНО»

Желька Финк, Хорватия, Загреб

1 В современном хорватском языке употребляются разные жаргонные слова и фразеологизмы со значением «классный» и «классно». Жаргонной лексики гораздо больше, чем фразеологизмов. Самыми употребительными являются слова *super* (заимствованное из английского языка) и его вариант *suprac*¹, относящиеся одновременно и к разряду неизменяемых прилагательных и к разряду наречий. Они встречаются в самых разных контекстах и относятся к какому угодно предмету. Именно поэтому *super* стало так называемым словом *джокером*. Кроме них в обоих значениях активно используются неизменяемые слова *guba, gubica, ludnica, mrak, zakon*² и т. д. В значении «классный» часто употребляются прилагательные *bogovski, božji, cool (kul)*³, *krvav, lud, strašan* и т. д., а в значении «классно» однокоренные наречия *bogovski, krvavo, ludo, strašno* и т. д. Когда речь идет о фразеологизмах, существуют единицы с обоими упомянутыми значениями *bog bogova, ko (k'o) bog, ko (k'o) grom, ko (k'o) zmaj, za pet*, а фразеологизмы *prva liga, za bogove, sve pet* имеют только значение прилагательного. Приведенные слова и фразеологизмы могут выступать именной частью сказуемого, определением (прилагательные и фразеологизмы со значением «классный») и/или обстоятельством (наречия и фразеологизмы со значением «классно»). Некоторые наречия и фразеологизмы иногда употребляются и как самостоятельные слова-предложения и тогда представляют собой либо реакцию на высказывание или происходящее, либо комментарий, либо выражают отношение говорящего к высказыванию или происходящему.

¹ В слове *suprac* окончательное *-er*, которое напоминает суффикс, заменено хорватским суффиксом *-ac*.

² Эти слова по своей форме совпадают с существительными.

³ Это неизменяемое прилагательное, заимствованное из английского языка, и имеет два варианта написания.

2 Темой данной работы являются три сравнительных фразеологизма со структурой фонетического слова (минимальные фразеологизмы), состоящие из сравнительного союза и существительного: *ko (k'o) bog*, *ko (k'o) grom*, *ko (k'o) zmaj*. В хорватском языке в сравнительной фразеологии употребляются два сравнительных союза (*kao*, *poput*), но, когда речь идет о трех упомянутых фразеологизмах, возможным является только один из них, причем, надо отметить, что редко фиксируется его полная форма (*kao*), а гораздо чаще два возможных фонетических и орфографических варианта *ko*, *k'o*.

Фразеологизмы *ko (k'o) bog*, *ko (k'o) grom*, *ko (k'o) zmaj* имеют одно и то же основное значение, указывающее на высокое качество предмета, хотя не бывают взаимозаменяемыми во всех контекстах. Они, как было уже указано, по своему категориальному значению представляют собой наречные и адъективные единицы, в зависимости от того, к какой части речи относятся, какую функцию выполняют в предложении и какой частью речи выражается их фразеологическое значение.

Почему предметы, которые считаются отличными, превосходными или обладающими высоким качеством сопоставляются с Богом (богом), громом или драконом (змеем)? Все три понятия обладают очень богатой символикой, но можно сказать, что все они так или иначе символизируют какую-то мощь, силу, могущество. Бог – это совершенство, абсолют. Гром символизирует божественное оружие и орудие, это одновременно символ жизни и смерти. Место, на которое грянет гром, считается святым. Дракон воплощает первобытную мощь, в языческих легендах он изображает сильного правителя, а с другой стороны, он часто ассоциирует бдительность (в сказках и мифах он предстает как страж загробного мира и оракул). И Бога, и грома, и дракона люди боятся, но одновременно восхищаются ими.

Кроме указанного значения фразеологизм *ko (k'o) bog* имеет еще одно значение: «наверно, несомненно»:

Ko bog su me traćale, uvijek se traća onoga koga nema i koji prvi ode. (G)⁴

– *Služim da mi želi uvaliti nekakav tekst da mu ga emitiraju na Trećem programu*

– *reče Berak tiho.* – ***Ko bog neka novela.*** (G)

Помимо этого, *ko (k'o) bog* является частью другого фразеологизма, *živjeti kao mali bog* (иногда употребляется без прилагательного *mali*). Упо-

⁴ www.google.com

мянутый фразеологизм относится к богатой, материально обеспеченной, беззаботной и привольной жизни.

Компонент *grom* употребляется и в других фразеологизмах хорватского языка, и тогда своим фразеологически связанным значением указывает на внезапность, неожиданность (*kao grom iz vedra neba*⁵), а междометной единицей *grom i pakao!* выражается гнев. С другой стороны, фразеологизм почти одинакового состава <*jak*> *kao (ko, k'o) grom* (прилагательное является факультативным компонентом) относится только к алкогольным напиткам, указывая их крепость:

Rakija je odlična, jaka ko grom.

Što, bi li na rakiju? Ko grom je, ja sam je pekao! (G)

Когда речь идет о частотности употребления трех анализируемых фразеологизмов (*ko (k'o) bog*, *ko (k'o) grom*, *ko (k'o) zmaj*) в современном хорватском языке, можно отметить, что единица *ko (k'o) bog* имеет наибольшую частотность, реже встречается единица *ko (k'o) grom*, а еще реже *ko (k'o) zmaj*. Все фразеологизмы гораздо чаще выступают как наречные, чем как адъективные.

3 В каких контекстах употребляются фразеологизмы со значением «отлично, превосходно, классно»?

3.1 Во-первых, относятся к глаголам типа *raditi*, *funkcionirati*, *ići* (о транспорте), когда указывают на удовлетворяющее функционирование какого-нибудь аппарата, компьютера, механизма, машины:

...ponovo sam instalirao Knoppix 3.6 i modem radi ko bog. (G)

Sva sreća pa klima ispod koje sam, evo, upravo sada, radi ko bog. I hladi na 24°C. (G)

...ali bitniji razlog je to što mi se komp pokvario, nakon stotog servisa sam odustala i kupila novi koji mi sad radi ko grom! (G)

Фразеологизм *ko (k'o) zmaj*, в отличие от только что упомянутых, которые указывают исключительно на качественность функционирования чего-то, в своем значении имеет и элемент, относящийся к скорости:

⁵ Фразеологизм с идентичной или немного измененной внутренней структурой употребляется и в других славянских языках: словенский *kot strela z jasnega*, македонский *ko grom od vedro nebo*, болгарский *kato гръм от ясно небо*, украинский *як грім з (серед) ясного неба*, как *грім з неба*, русский как *гром среди (с) ясного неба*, как *гром среди ясного дня*, польский *jak grom z jasnego nieba*, чешский *jako hrom z čistého nebe*, словацкий *ako hrom z jasného (čistého) neba*.

Na K 3.6 je modem radio ko zmaj, ali ne i printer. Sad je stvar obrnuta. (G)
...DVR-107 koji je spržio abnormalnu količinu DVD-a i dalje radio kao prvi dan prije nego sam ga se riješio u korist DVR-108 koji također radi ko zmaj... (G)

Когда речь идет о машине и когда указывается на то, как она движется, кроме основного значения фразеологизма включается и элемент скорости движения:

- Jutros sam sredio spačeka. Ide ko zmaj. (Goran Tribuson)⁶

3.2 Следующий контекст, в котором подтверждаются все три фразеологизма, относится к состоянию людей. Фразеологизмы в основном употребляются с глаголами *biti* (который иногда опускается) или *osjećati se*:

A sad sam ko bog! Pijem eliksire koje mi je dala susjeda i osjećam se kao da sam dvadeset godina mlada! (G)

...i tako gotova škola, meni ko bog. (G)

Ne mogu vam opisat koliko mi je značila takva terapija. Osjećala sam se ko bog. (Edo Popović)⁷

Poslije se Igor javio (...) pismom u kojem je napisao da mu je ko grom... (G)

Djevojka 1: Lima zlato, kako si?

Lima: Ko zmaj. (G)

Krešo se osjećao kao zmaj: činilo mu se da je Dori ušao u struju i cijeli je izlazak išao prema kraju boljem nego što se nadao. (Jurica Pavičić)⁸

3.3 Фразеологизмами *ko (k'o) bog* и *ko (k'o) grom* выражается отношение к внешнему виду человека или предмета. Тогда обычно стоят рядом с глаголами *izgledati*, *biti*. В данном контексте не употребляется фразеологизм *ko (k'o) zmaj*.

Partnerica bi mi nakon toga rekla da izgledam ko bog. (G)

Stanem pokraj jednog gospodina, obučen je ko bog, a zagledao se... (G)

Skoro joj je šezdeset godina, ali još uvijek izgleda ko grom. (Edo Popović)

Jakna je ko grom, samo malo ofucana. (G)

3.4 С глаголами, обозначающими какой-то вид деятельности, напр. *pjevati*, *svirati*, *plesati*, *voziti*, употребляются только фразеологизмы *ko (k'o) grom* и – правда, гораздо реже – *ko (k'o) zmaj*. В материале не зафиксирован ни один пример с фразеологизмом *ko (k'o) bog*.

⁶ Современный хорватский писатель.

⁷ Современный хорватский писатель.

⁸ Современный хорватский писатель.

Pjevaju sestre k'o grom, produkcija je ugodno luksuzna, tiraža je fina. (G)

Ova mala, navodno, svira gitaru ko grom. (G)

Imam prijatelja koji pleše ko grom! (G)

Ja inače vozim k'o grom, ali kakvih sve budala ima na ovom svijetu... (G)

Когда употребляется фразеологизм *ko (k'o) zmaj*, имеется в виду не только качество, но и скорость движения:

...ona po lošem terenu vozi ko zmaj... (G)

4 Фразеологизмы *ko (k'o) bog*, *ko (k'o) grom*, *ko (k'o) zmaj* имеют и значение «отличный, превосходный, классный», указывающее на характеристику, свойство или признак какого-нибудь лица или предмета, и выступают в функции определения или именной части составного именного сказуемого (обычно относятся к глаголу *biti*):

...na primjer, trenera Senegala – tip k'o grom, plav, zgodan... (G)

Deka-zastor bila je ko bog, više zastor nego deka. (Irena Lukšić)⁹

Ali, brate, jedna je djevojka bila ko grom... (G)

Nove felge su ti ko zmaj! (G)

5 И, наконец, анализируемые фразеологизмы иногда употребляются либо как комментарий, относящийся к только что сказанному, либо как своеобразное заключение:

Bit će i domaćeg sladoleda od višanja kakav samo ona zna napraviti. Ko bog! (G)

...blog ti je super... još malo poradi na njemu i ko bog! (G)

Из только что сказанного видно, что три хорватских сравнительных фразеологизма не могут быть взаимозаменяемыми во всех контекстах, хотя они имеют одинаковое основное значение.

Использованная литература

Anić, V.: *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Novi Liber, Zagreb 2003.

Chevalier, J., Gheerbrant, A.: *Rječnik simbola*. Nakladni zavod MH, Zagreb 1989.

Kryžan-Stanojević, B.: *Joker riječi*. In: *Strani jezici* 1998, N 2, c. 80–85.

Menac, A., Fink-Arsovski, Ž., Venturin, R.: *Hrvatski frazeološki rječnik*. Naklada Ljevak, Zagreb 2003.

⁹ Современный хорватский писатель.

Rječnik hrvatskoga jezika (ur. J. Šonje). Leksikografski zavod *Miroslav Krleža* i Školska knjiga, Zagreb 2000.

Sabljak, T.: *Rječnik šatrovačkog govora*. Globus, Zagreb 1981.

Sabljak, T.: *Rječnik hrvatskoga žargona*. V. B. Z., Zagreb 2001.

Тресиддер, Дж.: *Словарь символов*. Издательско-торговый дом «Гранд», Издательство «Фаир», Москва 1999.

Key words:

Croatian phraseology, Croatian idioms *ko (k'o) bog*, *ko (k'o) grom*, *ko (k'o) zmaj*

Summary

The paper deals with the meaning and usage of the Croatian idioms *ko (k'o) bog*, *ko (k'o) grom*, *ko (k'o) zmaj*. They can be used as the adverbial or as the adjectival idioms.

МАЛЕНЬКИЙ ЛИЧНЫЙ КАТАЛОГ НЕРЕШЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Войцех Хлебда, Польша, Ополе

В польской фразеологии первые годы XXI в. были отмечены выходом на этап метафразеологической рефлексии. Стало очевидным, что с конца 40-х до половины 70-х годов в Польше развивалась «фразеология вообще», с момента же выхода в свет монографии А. Левицкого «Teoria zwrotu frazeologicznego» (1976), посвященной «синтаксической фразеологии», или «фразеологии реципиента», в Польше начался этап фразеологических парадигм, или этап релятивных (относительных, аспектных) фразеологий, каждая из которых по-своему толкует понятие фразеологизма и ставит перед собой свои цели и задачи. Можно сказать, что сегодня в Польше мирно сосуществуют 4 таких парадигмы: 1. классическая, или стандартная; 2. синтаксическая (фразеология реципиента) А. Левицкого; 3. прагматическая (фразеология говорящего) В. Хлебды, называемая фразематикой; 4. когнитивная, связанная с люблинской школой Е. Барминского.

Существует еще и второе деление, относительно независимое от названных парадигм, на два направления, в которых протекают конкретные анализы и которые я назвал «лингвостремительным» и «лингвобежным». Первое сосредоточено на самой материи языка и анализирует ее, главным образом, грамматическими методами в широком смысле слова. Этому направлению мы обязаны выработкой адекватного, предельно точного мета-языка описания фразеологических единиц как в теоретических работах, так и в словарях. В лингвобежном же направлении языковая субстанция фразеологии – не столько самоцель, сколько отправная точка для поисков связей фразеологии с психологией, социологией, историей, теорией текста, интертекста и дискурса, теорией культуры, философией.

Мой личный каталог нерешенных фразеологических задач прямо вытекает из моей принадлежности лингвобежному направлению в рамках прагматической парадигмы польской теоретической фразеологии. Прагматическая фразеология, или фразематика, соотносит речь с человеком,

который не столько говорит, сколько обращается к другому человеку и который делает это всегда в данный момент и всегда в данной ситуации, всегда с какой-то целью и с каким-то намерением (а значит – и с какой-то интенцией). Поэтому объект пристального внимания фразеолога-прагматиста – процесс вербализации интенций и намерений, а в процессе этом – диалектическое соотношение творчества и воспроизводства, т. е. соотношение вербальных продуктов и репродуктов. Последние и составляют прямой объект исследований фразематики.

Фразематика может быть названа «относительной фразеологией» также в силу факта, что фразеологичность определяется в ней по отношению данного сочетания слов к известным точкам отнесения: человеку (группе людей), месту, времени, жанру речи, стилю высказывания. Слово сочетание, которое служило репродуктом лишь в течение 2–3 месяцев предвыборной кампании, так же в этом смысле фразеологично, как библеизм, который служил репродуктом столетиями, последним, однако, посвящена уже огромная литература, первые же обычно фразеологизмами не считались и ускользали из поля зрения исследователей. Задача № 1 в моем каталоге – подвергнуть анализу фразеологию небольших социальных групп: семейных языков (с особым учетом детской фразеологии как школы метафорического мышления), фразеологию маленьких трудовых коллективов, а даже отдельных лиц, фразеологию коротких временных отрезков, фразеологию отдельных жанров речи и т. п.

Задача № 2: в стандартной парадигме субъектом фразеологии является этнос, народ, общество, т. е. большая социальная группа. В парадигме, о которой идет речь, центр тяжести смещается: субъект фразеологии – говорящий индивид. Его отдельность вызывает ряд вопросов, а именно: (1) как закодирована фразеология в индивидуальной языковой памяти отдельного человека? Какова структура нашего личного идиоматикона? Благодаря психолингвистическим исследованиям Ю. Н. Караулова и Д. О. Добровольского мы знаем, что фразеологическая единица закодирована в нашей памяти и как цельный номинативный знак (в одном таксоне), и пословно, в разных таксонах, соответствующих отдельным ее компонентам. Это проливает новый свет не только на вопрос о механизме фразеологических трансформаций, но и на сущность фразеологической единицы как таковой. (2) Если субъектом фразеологии считать конкретного живого говорящего, то как говорится фразеология? Как звучат фразеологизмы? Какова их фоническая, звуковая природа? Есть

ли такие фонетические признаки (темп, регистр речи, интонация), которые появляются в актах произнесения фразеологических единиц настолько регулярно, что имеют системноязыковую ценность и являются коммуникативно релевантными? Существуют ли фразеологизмы с индивидуальными фоническими параметрами (особое ударение, нетипичная интонация, иностранный акцент, другие произносительные особенности)? Какая система знаков способна дать о них понятие в словарях? Особенно в словарях для иностранных учащихся? (3) в прагматической фразеологии человек, обращающийся к другому человеку, пользуется не речью, а речеповедением: для материализации своих замыслов, интенций, намерений он использует и язык, и жесты, и мимику, и позы тела, и паузы, и расстояния между нами и собеседником, т. е. знаки необъятного семиотического языка. Сказать, что человек вербализует свою мысль, значит серьезно обеднить суть процесса воплощения наших мыслей и замыслов. В живой коммуникации мы не вербализуем, а семиотизируем то, что хотим передать другому. Каково место фразеологии в этом процессе семиотизации? Как соотносятся фразеологизмы с жестами и мимикой? Есть ли такие фразеологизмы, произнесение которых облигаторно или факультативно связано с совершением определенного жеста, а если да, то как это обозначить в словаре? Возможно ли создание «речеповеденческого синтаксиса», в котором слова, фразеологизмы, паузы, жесты, позы, тактильные и проксемические средства были бы равноправными «членами предложения», используемыми для реализации наших коммуникативных задач?

Сказанное ведет нас прямо к задаче № 3. Мы живем в семиосфере, образованной системами знаков, чрезвычайно разнообразных по своей конкретной материи. Это язык, ритуалы, кино, музыка, архитектура; это открытки и плакаты, почтовые марки и нагрудные значки, кабаре, походы, песни, некрологи, приветствия и прощания. Фразеологию как совокупность номинативно-оценочных языковых знаков можно и даже следует видеть также и в такой широкой перспективе семиотического языка данного места и времени. Задача № 3 касается взаимоотношений между фразеологическими и графическими (визуальными) знаками этого семиотического языка, точнее, вопрос о возможной гомогенности «фразем» и «графем» в нашем коммуникативном пространстве. Мы привыкли анализировать языковой контекст фразеологии – художественные, публицистические, разговорные тексты, в которых используются фразеоло-

логические единицы, – но ведь в нашей коммуникации фразеологизмы употребляются и взаимодействуют отнюдь не только с языковыми знаками. Анализ всего, что действительно происходит в нашем коммуникативном пространстве, нужен для того, чтобы понять сложнейший механизм комплексного воздействия на другого человека и на целые группы людей. Фразеология ведь – не только накопившийся столетиями кладезь народной мудрости, картина прошедшего и настоящего, не только пассивное отражение мира, но и, в то же самое время, вполне активное средство воздействия на собеседника, на людей. Прагматическая фразеология исходит из положения о том, что фразеологическая единица – не только вербализатор чистого понятия как логического образования: в структуре этого вербализатора скрыт иллюкутивный потенциал, некоторая программа действия, которую нужно вскрыть и отразить в дефиниции, заключая описательное толкование значения данной единицы в рамку фразы «мы говорим так и так, когда хотим добиться того и того».

Мне близок тезис американской когнитивной психологии о том, что мы действуем в категориях понятий, кодифицированных языком. Фразеологические единицы можно и должно считать такими кодифицированными языком программами наших действий, реакций, поступков. Импульсы, программирующие наши действия, скрыты, однако, не только в содержательных структурах отдельных фразеологизмов: все то, что мы называем «языковой картиной мира» – не что иное, как своего рода Программа, в рамках которой и согласно которой данный этнос думает, чувствует, реагирует, действует. Нет необходимости доказывать, какую большую часть структуры языковой картины мира составляет фразеология и какую исключительную роль она играет в работе этого программирующего механизма. Задача № 4 – выделение и описание сотен и сотен тех фразеологических полей, которые в своей совокупности и составляют основу языковой картины мира. Я не случайно говорю о «полях»: опыт моей работы последних лет над библеизмами и пушкинизмами, а также опыт работы над польской крылатикой и эпонимией как основой реконструкции языкового автопортрета поляков, показал, что они образуют открытые множества с размытыми границами и с полевой структурой. Мы должны говорить скорее не о классе крылатых слов, классе библеизмов, классе фразеологизмов и т. д., а о поле крылатизмов, поле библеизмов, поле фразеологизмов с ядром, группирующим прототипные единицы,

с приядерной зоной, с ближней и отдаленной периферией, пересекающей с другими открытыми множествами явлений.

Лучший способ наладить работу по овладению этой громадной системой открытых множеств – разработка частных лексикографических описаний. Поэтому свой «маленький личный каталог неотложных задач» я завершаю перечислением тех типов фразеологических словарей, которые уже частично разработаны в других странах, которых в Польше, однако, нет и разработку которых польская фразеография должна начать в первую очередь. Это: 1. историко-этимологический словарь с библиографическими справками по каждой отдельной единице; 2. частотный фразеологический словарь с демонстрацией частотности единиц по отдельным регистрам, стилям и жанрам речи; 3. словарь фразеологии отдельных жанров речи; 4. нормативный фразеологический словарь, устанавливающий границы допустимой вариативности единиц; 5. словарь фразеологических трансформаций (семантических и структурно-семантических); 6. фонический или фоно-кинетический словарь фразеологии, устанавливающий артикуляционные параметры единиц и их связь с жестами и мимикой; 7. фразеологический словарь (деривационный) фразеологический словарь; 8. словарь парадигматических фразеологических отношений (напр., словарь фразеологических синонимов и антонимов); 9. словарь (вернее, периодические словари) фразеологической неологии; 10. словари фразеологии небольших социальных групп (напр., словарь польской семейной фразеологии); 11. одноязычные и переводные словари фразеологических полей, напр., словарь мифологизмов, библеизмов, крылатых слов, словарь устойчивых надписей и вывесок, словарь заглавий, словарь эмотивных выражений, словарь сравнений и т. п.

Key words:

phraseology, paradigm, pragmatics, semiotics, lexicography

Summary

Wojciech Chlebda,
a little private catalogue of unsolved phraseological problems

Contemporary Polish studies of phraseology have been developing in four research paradigms: standard, syntactic, pragmatic and cognitive. The author, dealing with pragmatic phraseological studies, lists a number of problems to be solved, e. g., analysis of idiomatic expressions used in small social groups (i. e., in families), analysis of the phonetic aspect of phraseology in speech, definition of the place of phraseology among other sign systems in the human semiotic language (this concerns also relation of phraseology to gestures and facial expressions and to graphic expressions in the semiotic language of the given place and time). The author discusses also a dozen or so types of phraseological dictionaries, so far not produced for Polish.

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ

Татьяна Чепкова, Россия, Москва

Номинационная система любого языка представляет собой вербальное пространство, отражающее особенности восприятия человеком окружающей действительности в тот или иной период развития общества. Она создается, функционирует и изменяется *«в силу специфики формирования родного языка как знаковой системы и общественного явления, в частности, в силу используемых способов номинации и ее деривационного (структурно-словообразовательного) характера»* (Шанский, Боброва 1997: 79–80). Процесс и результаты номинативной деятельности носителей современного русского языка фиксируют изменения, происходящие в способах именования фрагментов окружающей действительности той или иной эпохи.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать актуальные проблемы фразеологической номинации в языке современной газеты: 1) выявить характерные особенности номинационных процессов, открывающих новые возможности использования устойчивых сочетаний субстантивной структуры в сфере газетной фразеологии, а также 2) рассмотреть вопрос закономерностей существования фразеологических единиц (ФЕ) в активном запасе идиоматики и процесс их перехода в активный лексический запас.

Фразеология русского языка, представленная в языке газеты идиомами и – в основном – фразеологическими сочетаниями типа *президентская гонка, бархатная революция*, непосредственно связана с номинативным аспектом языка, поскольку устраняет дефицит наименований тех или иных предметов и явлений. Фразеология дополняет и обобщает номинативный инвентарь языка *«недостающими в нем оценочно-экспрессивными средствами, а, кроме того, еще и средствами, способными описать такие подробности, которые 'не укладываются' в рамки лексической номинации»* (Телия, 1996: 79).

По сравнению с последней фразеологическая номинация обладает рядом особенностей, которые обусловлены в первую очередь механиз-

мом фразеологизации словесных комплексов-прототипов. В его основе лежит переосмысление. *Переосмысление* – один из способов познания действительности, связанный с образным воспроизведением реальных и воображаемых свойств отраженных объектов на основе установления взаимосвязи между ними. Главными механизмами переосмысления словесных комплексов-прототипов являются *метафора* и *метонимия*. Проиллюстрируем сказанное примерами.

В значительной части газетная фразеология базируется на семантических сдвигах и переосмыслениях одного из компонентов фразеологизирующегося словесного комплекса и представлена фразеологическими сочетаниями, т. е. устойчивыми выражениями, один из компонентов которых выступает в связанном значении. Так, формирование смыслового содержания фразеологических сочетаний *деревянный рубль (деньги)* – «российские рубли, обладающие низкой покупательной способностью, подверженные быстрому обесцениванию в связи с инфляцией» (Солганик 2004: 179) – обусловлено развитием переносного несвободного значения слова *деревянный*, появившегося, по-видимому, в результате актуализации таких потенциальных сем, как «легко поддающийся уничтожению», «не предназначенный для изготовления *твердой* и *устойчивой* валюты». Фразеологические сочетания подобного типа активно используются в языке современной газеты, например: *оранжевая революция*, *больная экономика*. Рамки сочетаемости фразеологически связанных значений со временем могут расширяться, в результате чего несвободное значение компонента начинает раскрываться в ряде однотипных сочетаний: *горячий телефон (линия, лист, точка)*. В таких случаях фразеологически связанное значение слова трансформируется в лексически связанное (Солодуб, Альбрехт 2002: 77).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что наибольшую активность в языке современной газеты обнаруживают фразеологические сочетания, организованные по модели словосочетания типа а + N (*грязные деньги*), затем N1 + N2 (чаще без предлога, например, *коридоры власти*). Последние отличаются большей структурной спаянностью (один из компонентов выступает одновременно в переносном фразеологически связанном и конструктивно обусловленном значении) и большей степенью предсказуемости компонентов: *вертикаль власти*, *отмывание денег*. Всем этим ФЕ присущи следующие конститутивные признаки: построение по модели субстантивного словосочетания, устойчивость,

воспроизводимость, метафорическое переосмысление значения одного из компонентов. Следует заметить, что не все лингвисты включают подобные единицы в круг фразеологических образований; на наш взгляд, частотность их появления в газетных публикациях, а также перечисленные выше свойства свидетельствуют, скорее, в пользу расширения границ фразеологии на современном уровне ее развития.

Об изменении в протекании процессов фразеологической номинации свидетельствуют и другие факты. Вопреки утверждению большинства отечественных фразеологов (Б. А. Ларин, С. Г. Гаврин, А. В. Кунин и др.) о том, что возникновение фразеологической номинации – процесс медленный и постепенный, в языке современной газеты *скорость* фразеологизации сочетаний субстантивной структуры крайне высока, чему часто способствуют необычность, оригинальность, яркость (то есть образность) одного из компонентов словосочетания, который и развивает переносное значение. Путем активного и регулярного употребления в газетных текстах устойчивые сочетания закрепляют переносное значение одного из компонентов и потенциально готовы к тому, чтобы войти в общелитературный контекст как фразеологические сочетания.

В то же время следует заметить, что *срок функционирования* подобных выражений в качестве фразеологических единиц обычно очень *короток*. В процессе своего существования в языке рассматриваемые единицы проходят следующие этапы:

1. став единицами узуса, устойчивые сочетания субстантивной структуры испытывают на себе стремление журналистов к обновлению средства выражения и следование речевой моде, что приводит к формированию серийных рядов, в рамках которых одна и та же метафора характеризует самые разные предметы, например, сочетания со словом *экология* в переносном значении «требующий охраны, бережного отношения»: *экология человека (души, жизни, культуры, языка, слова, музыки)*.
2. В таких случаях рамки фразеологически обусловленной сочетаемости слов расширяются, и слово во фразеологически связанном значении переходит в разряд слов с переносным лексически связанным значением или чаще с переносным значением, обладающим широкой лексико-семантической валентностью (Солодуб, Альбрехт 2002: 77). Так, слово *теневого* в значении «держась скромно, не привлекая к себе внимания, но обладающий властью» сочетается со словом *фигу-*

ра, а также со словами, обозначающими членов правительства (*теневой кабинет/правительство, фигура*), а слово *раскрутка* в переносном значении «быстрое развитие какого-либо дела; создание имиджа с помощью специальных приемов, рекламы» встречается в сочетаниях *раскрутка производства (сюжета, операции, политика, актера, певица* и т. п.). В некоторых случаях, если слово во фразеологически связанном значении начинает сочетаться со словами не одной, а нескольких семантических групп, оно становится лексически свободным, то есть переходит в активный *лексический фонд* (прилагательное *виртуальный* сочетается в современном языке газеты со словами: *реальность, мир, объединение, партия, знакомство, кафе, деньги, педсовет, конкурс, транспорт* и др.).

3. Таким образом, рассмотренные единицы раздельно оформлены, устойчивы и воспроизводимы, однако не обладают семантической целостностью; переносное значение одного из компонентов поддерживается определенной моделью сочетаемости с *кругом слов* в прямом значении. Это устойчивые сочетания, которые уже нельзя включить в сферу фразеологии.

Анализ бытования устойчивых выражений в языке газеты позволил нам выявить такие процессы трансформации фразеологически связанного значения, как «расширение» или «сужение» семантики. В их основе лежит стремление журналистов обновить средства выражения, *расширить* прежние *лексические значения слов*, «расшатывая» и изменяя их при этом. В результате возникает *смысловая неопределенность слова*, позволяющая *расширить сферу его сочетаемости*. Но это не означает появление новых фразеологизмов. В основе фразеологической номинации лежит переосмысление, и это понятие следует отграничивать от понятий «расширение» или «сужение» значения. *Переосмысление* возникает как окказиональное семантическое преобразование прототипа будущего фразеологизма. Когда же фразеологизирующееся сочетание слов приобретает необходимые ему элементы устойчивости и становится единицей языка, семантическое преобразование теряет свой окказиональный характер и переходит в разряд узуальных явлений. Переосмысление означает *сдвиг значения*, а не его расширение или сужение. Логической основой сдвига значения является *перекрещивание понятий*, содержание которых различно, но объемы частично совпадают. Расширение и сужение значения – это семантические

процессы, связанные с изменением объема понятия. Таким образом, стремление журналистов «освежить» языковой знак, снять у слова сочетаемостные ограничения, приводит к смысловой его неопределенности, а частота и автоматизация употребления выражения способствует появлению и закреплению в газетном словаре устойчивых сочетаний, которые часто формируют *ряды*. Процесс их формирования в целом не изменяет природы самого средства номинации и ведет к созданию стереотипных (клишированных) сочетаний.

Представляется, таким образом, что номинационные процессы в сфере современной газетной фразеологии обладают рядом конститутивных признаков, требующих более детального изучения.

Использованная литература

- Шанский, Н. М., Боброва, Т. А.: *О национально маркированной номинации в русском языке*. In: Русский язык в школе 1997, № 6.
- Телия, В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М. 1996.
- Солганик, Г. Я. *Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения*. М. 2004.
- Солодуб, Ю. П., Альбрехт, Ф. Б.: *Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект)*. М. 2002.

Key words:

Phraseological nomination, phraseological expression, set expression, substantive structure, newspaper language, phraseologisation, semantic transformation, semantic integrity, broadening/ narrowing of meaning

Summary

The article presents the analysis of the current problem of phraseological nomination in the language of the modern newspaper. The author defines features of nomination processes that open new possibilities to use set substantive expressions in newspaper phraseology. The author also analyses the appropriateness of set expressions in the active stock of idioms, and the process of their entering the active vocabulary.

РЕПЛИКИ-КЛИШЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Милада Янковичова, Словакия, Братислава

Термин реплики-клише употребил первым А. В. Исаченко и обозначил им устойчивые сочетания, являющиеся эквивалентами целых предложений, которые встречаются в диалогической речи в качестве законченных реплик и которые по своему значению охватывают богатую шкалу между «да» и «нет», например: *еще бы!, то-то и оно-то!, как бы не так!* (Исаченко, 1954, с. 56). Вопреки тому, что реплики-клише составляют многочисленную группу русских фразем, их частая встречаемость в диалогической речи свидетельствует о том, что они заслуживают специального исследования. Наш доклад является первым (и ввиду ограниченности места неполным) описанием этого разряда русских фразем.

Из приведенного выше определения вытекает, что реплики-клише выражают субъективную оценку. Следовательно, они соотносительны с частицами, а именно с субъективно-модальными частицами, выражающими субъективное отношение к высказываемому. Их можно, таким образом, считать фразеологическими частицами (или фраземами-частицами). Так как подобный лексико-грамматический разряд в русской фразеологии, как правило, не выделяется (за исключением работ А. М. Чепасовой, 1974 и О. В. Куныгиной, 2003), реплики-клише относят обычно к междометным фраземам и во фразеологических словарях при них дается пояснение «предложения междометного характера». С другой стороны, многие реплики-клише находим в работах по русской морфологии, где они приводятся наряду с лексическими частицами. Так, например, в Русской грамматике под ред. Н. Ю. Шведовой в качестве 6 типа частиц выделены «частицы – утверждающие или отрицательные реплики» (Русская грамматика, I, 1980, с. 725). Отнесение реплик-клише к междометиям объяснимо также тем, что и реплики-клише, в свою очередь, в определенном смысле оценивают действительность. Но в то время как междометия на нее реагируют эмоциями, душевными переживаниями (такими как радость, печаль, страх, гнев и т. п.), реплики-клише эту эмоциональную сторону не подчеркивают. В их значении преобладает интеллектуаль-

ная оценка действительности, хотя какой-то эмоциональный компонент в нем всегда присутствует.

Реплики-клише возникают семантической трансформацией:

- а) свободного словосочетания, которое после метафорического переосмысления приобретает новое значение, не вытекающее из значений слов свободного словосочетания: *ищи дурака!*, *держи карман [шире]*, *слуга покорный, ври больше!*, *расскажи (расскажите, рассказывай) это своей бабушке!*;
- б) реплики диалога, в которой пропущена содержательная часть. Так, в реплике диалога *Одолжишь мне тысячу? – Да ты что!* пропущена часть *захотел* или *хочешь, вздумал* и т. п. Реплика-реакция на ту же самую реплику-стимул может звучать и как *Фига с два!*, в которой будет пропущена часть *тебе одолжу*. Иногда реплика-клише содержит пропущенную часть в качестве факультативного компонента, например: *еще (ишь) чего [захотел!]*;
- в) сочетания разных частиц, преимущественно частиц *вот, же, как, ну, так, то, что*: *вот что!*, *ну что же!*, *да ну!*, *ну да!*, *да нет же!*, *как же!*, *так точно* и т. п., обладающих вследствие семантической трансформации не только устойчивой формой и устойчивым значением, но и ярко выраженной экспрессивностью, т. е. отличающихся всеми обязательными признаками фразем.

Итак, реплики-клише как особый разряд русских фразем выделяются на основании трех критериев: 1. функционального – они выступают в функции предложения, 2. прагматического – они употребляются в реплике-реакции диалога, 3. семантического – они выражают разную степень согласия или несогласия.

В нашем докладе хотим обратить внимание именно на разную степень выражаемого репликами-клише согласия или несогласия, т. е. на определение шкалы между «да» и «нет», о которой писал А. В. Исаченко.

Шкалу значений, выражаемых репликами-клише, можем представить себе в виде горизонтальной линии, на левом конце которой находится полное согласие, а на правом конце – категорическое несогласие.

Казалось бы, что определение значения конкретных реплик-клише и присуждение им места на этой горизонтальной линии не должно представлять особых затруднений. Так обстояло бы дело, если бы реплики-клише выражали только интеллектуальную оценку. Но, как уже говорилось,

в их значении всегда присутствует эмоциональный элемент, иными словами, логическая оценка сообщаемого у них всегда «усложняется» душевными переживаниями говорящего, вследствие чего общее значение реплики-клише является комбинацией модальности (интеллектуальной оценки) и эмоциональности (эмоционального переживания) и они, по сути дела, представляют собой эмоционально-оценочные единицы.

Анализ значений русских реплик-клише показывает, что на горизонтальной линии, ведущей от полного согласия к категорическому несогласию, можно выделить несколько основных групп:

1. СОГЛАСИЕ-ОДОБРЕНИЕ – подтверждение говорящим истинности сообщаемого:

[а] как же!, как бы не так!, давно бы так!, так точно, быть так (устарев.), быть по сему (устарев.), вот то-то и есть, вот-вот!, вот именно, вот то-то и оно-то, еще бы!, и разговора (разговору) нет (быть не может), нечего сказать, ничего не скажешь, что [и] говорить, [и] не говори (не говорите)!, слов нет (нету), право слово, мои слова!, известное дело, ясное дело, милое дело, есть такое дело, спору нет, само собой [разумеется], так [оно] и есть, так точно; что правда, то правда; я думаю!

– Какой вы большой! – глядя на него снизу, заметила Лида. – *Еще бы!...*
Я – гимназист. (Л. Нелидова, Девочка Лида) – *Это-то, пожалуй, правильно,* – сказал он. – *Дикий народ. Шальной.* – Ну, *вот то-то и есть.* (И. Бунин, Деревня)

2. СОГЛАСИЕ-УСТУПКА – примирение говорящего с возникшей необходимостью или в угоду собеседнику:

воля ваша (твоя), будь по-вашему (по-твоему), пусть будет так, пусть себе на здоровье, как хотите (хочешь), так [тому] и быть, бог (Христос) с вами (с тобой), куда ни шло, [ну] что же (ж), что поделаешь, ничего не поделаешь, делать нечего, ничего не напишешь, никуда не денешься

– Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру... – Ну, – продолжал Зурин: – *так и быть.* Будет тебе квартира. (А. Пушкин, Капитанская дочка) – [Ева:] *Пей сейчас же, притворщик этакий!* [Лунд:] *Э, куда ни шло!* Пусть все случится, как ты хочешь, мама, – я послушный сын. (А. Арбузов, Еврейская история)

3. СОГЛАСИЕ/НЕСОГЛАСИЕ-БЕЗРАЗЛИЧИЕ – незаинтересованное отношение говорящего к сообщаемому («ни да ни нет»):

мне-то что, мне все равно, мне все одно (едино, единственно), моя хата с краю, мое дело сторона, не мое дело, мне какое дело, мое дело маленькое,

не моя печаль, мне то какая печаль, [ну] и что?, а что?, а что же (же)?, мало ли что!

- И кто вам сказал, что я намерен торговаться? Что запросят, то я буду давать. Ну, довольны ли вы наконец? - Да я и прежде был доволен. *Мое дело - сторона.* (Д. Писарев, Подрастающая гуманность) - Меня зовут Даша... - *И что?* (Д. Донцова, Хобби гадкого утенка)

4. **НЕСОГЛАСИЕ-СОМНЕНИЕ** - неуверенность говорящего в истинности сообщаемого:

ой-ли?, да ну!, как (почем) знать, [это] еще вопрос, [это еще] как сказать, что вы говорите (ты говоришь)?

- Придет время, когда в каждом большом городе оперный театр будет построен. - *Да ну!* - недоверчиво воскликнул Павел. (В. Семенихин, Новочеркасск) - Я женат, - продолжал Бурмин: - Я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена и где она... - *Что вы говорите?* - воскликнула Марья Гавриловна. (А. Пушкин, Метель)

5. **НЕСОГЛАСИЕ-НЕДОВЕРИЕ** - отрицание говорящим явно ложного содержания, сообщаемого собеседником:

ври, да знай меру; ври, да не завирайся; ври больше, расскажи (расскажите, рассказывай) это своей бабушке, да ну!, что вы говорите (ты говоришь)!

[Репетилов:] Танцовщицу держал! и не одну: Трех разом! [Чацкий:] Послушай! *Ври, да знай же меру.* (Грибоедов, Горе от ума) - Долганов неожиданно спросил Дмитрия: - Народник? - Марксист, ответил Самгин старший, улыбаясь. - *Да ну-у?* - удивился Долганов. (М. Горький, Жизнь Клима Самгина)

6. **НЕСОГЛАСИЕ-ОПАСЕНИЕ** - отрицание говорящим чего-л. нежелательного, сообщаемого собеседником:

[этого] еще не доставало (не хватало)!, [об этом] не может быть и речи!, боже упаси (сохрани)!, упаси (сохрани, оборони) бог (господь, царица небесная)!, избави бог (господь)!, помилуй бог!, не дай (не приведи) бог (господь)!

- А кого вместо Осьмухина бригадиром назначить? - Ковшова. - *Этого еще не хватало!* - нахмурился Лошкилин. (А. Мусатов, Земля молодая) - Я же, по правде сказать, испугался, как бы старик Яков не умер... - *Упаси бог!* - пробормотала старушка. - Или уж правда, плох очень? (А. Гайдар, Судьба барабанщика)

7. НЕСОГЛАСИЕ-НАСМЕШКА – иронически-насмешливое отношение говорящего к намерениям, ожиданиям, расчетам и т. п. собеседника:

держи карман [шире]!, еще (ишь) чего [захотел]!, если бы да кабы

– Народ вспомянет... в песнях, али как... – *Держи карман шире...* Вспомянет! Царей да генералов в книжицу выписывают, а не нас с тобой. (В. Шишков, Емельян Пугачев) – Не знаю уж, как и быть? – задумчиво произнес малый, оглядывая свою поддевку. – Совестно в одной-то жилетке... Кабы лето... – *Если бы да кабы*, – передразнил его старик. – Ишь какой господин! (С. Подъячев, Мытарства)

8. НЕСОГЛАСИЕ-ПРЕЗРЕНИЕ – ироническо-презрительное отношение говорящего к предложению собеседника сделать что-л.:

благодарю покорно!, слуга покорный!, нашел дурака (дураков)!, ищи дурака (дураков)!, всю жизнь мечтал!, еще (ишь) чего [захотел]!, не на таковского (такого, того) напал!, кушайте сами!, очень (куда как) нужно!

[Лепорелло:] Сидели б вы спокойно там. [Дон Гуан:] *Слуга покорный!* Я едва-едва Не умер там со скуки. (А. Пушкин, Каменный гость) – Дай ему вексель! – продолжал между тем Харитон Игнатьевич. – Хе-хе-хе!... *дурака нашел!* (Н. Наумов, Святое озеро)

9. НЕСОГЛАСИЕ-НЕГОДОВАНИЕ – недовольство говорящего с содержанием сообщаемого:

милое дело!, хорошенькое (хорошее) дело!, нечего сказать!, кой (какой) черт!, скажи (скажете) пожалуйста!, скажи (скажете) на милость!, ну что вы скажете (ты скажешь)!, подумать (подумайте, подумай) только!

– Погоди, а что у тебя с пальцем? – Да вот, стукнул нечаянно... – *Хорошее дело* – стукнул! Он распух у тебя как поп на пасху. (В. Беляев, Старая крепость) – [Беркутов:] Сейчас один молодой человек сам сознался, что наделал фальшивых векселей. [Чугунов:] *Скажете пожалуйста*, какие дела творятся на белом свете! (А. Островский, Волки и овцы)

10. НЕСОГЛАСИЕ-ОТКАЗ – решительное отрицание говорящим содержания сообщаемого собеседником или его предложения сделать что-л.:

как бы не так!, куда (какое) там!, как же!, что ты (вы)!, да ты (вы) что!, вот еще!, нет уж!, где уж!, ну уж нет!, никак нет!, а то нет!, да нет же!, ишь ты!, ничего подобного!, ничуть не бывало!, ни фига подобного!, фиг (фига) с маслом!, фига с два!, хрена с два!, черта в ступе!, черта с два!, черта (беса) лысого!, накость (накося) выкуси!

- С тобой невозможно говорить. - *Ничего подобного!* Я слушаю очень внимательно, - возразил Вадим. (Ю. Трифонов, Студенты) - Садись к Кешке, в джип! - *Ну уж нет,* - взвилась Зайка, - твой сыночек летит так, будто собрался выиграть приз на ралли Монте Карло. (Д. Донцова, Хобби гадкого утенка)

11. НЕСОГЛАСИЕ-ЗАПРЕТ - решительный отказ говорящего от намерения собеседника сделать что-л.:

и думать не смей (не можешь), и разговора (разговору) нет (не может быть)!, [только] через мой труп!

- Перестраивать дачу. Журавли-в-небе не дам! - сказал отец... - *Через мой труп!* (Смирнов, Кавалерный бунт) - Выходит, всю жизнь колхозу отдай, Авдотья Петровна Якутова, а о себе *подумать не можешь.* (Жестев, Земли живая душа)

Выделенные группы русских реплик-клише отличаются следующими особенностями: а) отдельные группы реплик-клише образуют фразеосемантические поля, ядром которых являются синонимические ряды фразем; б) многие реплики-клише являются многозначными фраземами и они могут выражать не только разную степень согласия или несогласия, но и как согласие, так и несогласие; их конкретное значение в таком случае определяется обстановкой речи и интонацией; в) некоторые реплики-клише являются омонимами фразеологических частиц, междометных и модальных фразем, т. е. фразем, выполняющих функцию отдельных членов предложения.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что реплики-клише выражают богатую шкалу значений между «да» и «нет» комбинацией интеллектуальной оценки сообщаемого с эмоциональными переживаниями говорящего, причем значения, выражающие несогласие, более членимы, нежели согласные значения. Многие реплики-клише полисемантчны и при определении их значения играет роль конкретная ситуация диалога и их интонационное оформление.

Использованная литература

- Исаченко, А. В.: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I*. Братислава, Издательство Словацкой Академии Наук 1954.
- Куныгина, О. В.: *Класс фразеологических частиц в современном русском языке*. Челябинск, Издательство ЧПГУ 2003.
- Русская грамматика*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, Издательство «Наука» 1980.
- Чепасова, А. М.: *Семантико-грамматические классы в современном русском языке*. Челябинск, Издательство ЧПГУ 1974.

Key words:

Russian phraseology, replies-clichés, expressions of approval and disapproval, scale of meanings between “yes” and “no”, basic groups of Russian replies-clichés

Summary

The authoress makes a research of replies-clichés in Russian phraseology. She focused on finding of expressions of approval and disapproval expressed by these phraseological models. She comes to a conclusion, that Russian replies-clichés express a rich scale of meanings between “yes” and “no”, while meanings expressing various degrees of disapproval prevail. The authoress defines 11 basic groups of Russian replies-clichés created by a combination of intellectual evaluation and emotional attitude of the speaker to the content of his statement. Many replies-clichés are characterized by their ambiguousness; in such case their meaning is determined by the specific situation in which the dialogue occurs, as well as the intonation in which the reply-cliché is pronounced.

E. KRONIKA

Personální stav katedry slavistiky:

Vedoucí katedry: doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.
(vedoucí sekce ruské filologie)

Zástupce vedoucí katedry: PhDr. Milena Machalová

Tajemník katedry: PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.
prof. Josef Anderš, DrSc.
(vedoucí sekce ukrajinské filologie)
PhDr. Ivana Dobrotová, Ph.D.
prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc.
(vedoucí lingvistického oddělení rusistiky)
Dr. Michal Hanczakowski, polský lektor
dr. Nataliya Malinevská, CSc.,
ukrajinská lektorka
Jekaterina Mikešová, ruská lektorka
Ulyana Kholod, ukrajinská lektorka
Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.
Mgr. Marie Kratochvilová
doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.
(vedoucí literárněvědného oddělení rusistiky)
Mgr. Jindřiška Pilátová, Ph.D.
prof. PhDr. Marie Sobotková, CSc.
(vedoucí sekce polské filologie)
doc. Ludmila Stěpanova, CSc.
doc. Zdeňka Vychodilová, CSc.
Mgr. Petra Zavřelová

Sekretářka katedry: Michaela Dadáková

Doktorandské studium
(interní):

Mgr. Bohdana Hégrová (od 1. 9. 2005)
Mgr. Naďa Brázdilová
Mgr. Iwona Burešová-Waniová
Mgr. Jan Gregor
Mgr. Lucie Junková

Mgr. Katarína Laučíková
Mgr. Jakub Paczesniak
Mgr. Kateřina Tichá

Externisté:

Mgr. Jarmila Potomková
prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc.
Mgr. Petra Rudinská

Diplomové práce obhájené na katedře rusistiky:

Vedoucí: prof. Josef Anderš, DrSc.

Diplomové práce:

Alexandra Březovská: Slang v ukrajinském uměleckém a publicistickém stylu

Petra Janoušková: Valence a intence přídavných jmen v ukrajinštině ve srovnání s češtinou

Vedoucí: PhDr. Ivana Dobrotová, Ph.D.

Bakalářské práce:

Eva Widenková: Cizí slova v polských publicistických textech

Helena Soukupová: Neologizmy v polských publicistických textech

Martina Binková: Dialektické prvky v Redlišského Konopielce.

Yveta Výrková: Žákovský slang – analýza dvou vydání slovníku Gwary uczniowskiej T. Smólkové

Marcel Hořák: anglicizmy v polské publicistice – procesy a stupeň adaptace

Tomáš Byrtus: Neofrazémy v polském tisku

Diplomové práce:

Radek Zogata: Expresivita v polské publicistice

Vedoucí: prof. PhDr. Helena Flidrová, CSc.

Bakalářské práce:

Jana Pilátová: Substantiva verbální ve funkci neshodného přívlastku v ruském odborném stylu a jejich převod do češtiny

Diplomové práce:

Bohdana Hégrová: Sintaksičeskije svjazi i formal'nyje sredstva ich vyraženiija

Adriana Makúchová: Význam slov „pravý“ a „levý“ v české a ruské lingvistické a kulturologické tradici

Vedoucí: Mgr. Ulyana Kholod

Bakalářská práce:

Eva Moškořová: Hryhorij Kvitka-Osnovjanenko jako zakladatel ukrajinské prózy

Gabina Hořínková: Téma „pokrytky“ v Ševčenkově „Kateryně“ ve srovnání s Osnovjanenkovou „Oksanou“

Vedoucí: Mgr. Jitka Komendová, PhD.

Bakalářská práce:

Petra Bašová: Strukturní analýza kouzelné pohádky v rusko-českém plánu

Michal Pižurin: Analýza paměti Iriny Ratušinské, Šedá je barva naděje

Diplomové práce

Simona Vožická: A. V. Florovskij v kontextu pražské ruské emigrace

Ondřej Václavský: Historická próza Valerije Brjusova

Vedoucí: Mgr. Marie Kratochvilová

Seminární práce:

Klára Iwanowská: Wpływy języka angielskiego na język polski

Irena Polaková: Afiksy obcego pochodzenia w języku polskim i czeskim

Vedoucí: PhDr. Milena Machalová

Bakalářská práce:

Petra Greslová: Komentovaný překlad ruského textu z oblasti cestovního ruchu

Vedoucí: Dr. Nataliya Malinevska, CSc.

Bakalářská práce:

Adéla Altereová: Synonyma v ukrajinském uměleckém stylu a jejich české ekvivalenty

Hana Kralová: Historizmy a archaizmy v současné ukrajinské próze (v porovnání z českým jazykem)

Eva Školová: Historizmy a archaizmy v současné ukrajinské poezii (Lina Kostenko) (v porovnání s českým jazykem)

Hana Černá: Synonyma v ukrajinské poetické tvorbě (Ivan Drač) v porovnání s českou poetikou

Jaromír Czmero: Problém ekvivalentnosti frazeologických jednotek v českém a ukrajinském jazyce

Jiří Hrbáček: Společensko-politické lexikum v jazyce ukrajinského tisku a jeho české ekvivalenty

Klára Javoříková: Ekonomické lexikum v publicistickém stylu a jeho české ekvivalenty

Diplomové práce:

Radana Semeráková: Termíny latinského původu v ukrajinských a českých lingvistických textech

Juraj Gigac: Antonyma a jejich užití v ukrajinských příslovích

Vedoucí: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Bakalářské práce:

Karel Dubišar: Prostor Dostojevského románu Zločin a trest a psychologický portrét Raskolnikova

Iva Imrichová: Biblický motiv v románu Mistr a Markétka

Diplomové práce:

Lenka Filipová: Fenomén osobnosti Alexandra Solženicyna ve 2. polovině 20. století.

Vedoucí: Mgr. Jindřiška Pilátová, Ph.D.

Bakalářská práce:

Michaela Vyhnálková: Zkratková slova v současné ruštině (тип госбюджет, Минфин, Роскомдрагмет)

Vedoucí: doc. Ludmila Stěpanova, CSc.

Diplomové práce:

Silvie Tvardíková: Problémy překladu textu z oblasti cestovního ruchu (na materiálech průvodce po Olomouci)

Hana Kotoulková: Современный русский словарный запас в текстах журналов мод

Vedoucí: PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Diplomové práce:

Petra Kotasová: Nové prostředky jazykové komunikace ve virtuálním prostředí internetu

Vedoucí: doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

Diplomové práce:

Elizaveta Besplachotná: Komentovaný překlad turistického průvodce po střední a jižní Moravě pro ruské turisty

Hana Horáčková: Komentovaný překlad odborného textu (na materiále publicistických textů s tematikou Volby)

Lenka Suchánková: Komentovaný překlad části románu „Белое на черном“ Rubena Davida Gonzálese-Gallega

Vítězslav Vilímek: Charakteristika ruské neverbální komunikace na srovnávacím materiálu česko-ruském

Vedoucí: doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.

Bakalářské práce:

Helena Malátová: Specifika komunikace v cestovním ruchu

Diplomové práce:

Iva Nožková: Text „černá kronika“ v ruském tisku (lexikálně-gramatická analýza, slovníček)

Vedoucí: prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc.

Diplomové práce:

Lucie Ratajová – Cyklizace povídek v ruské literatuře 1. poloviny 19. století

Vedoucí: Mgr. Petra Zavřelová

Seminární práce:

Markéta Baranová: Próba analýzy opowiadań Brunona Schulza z perspektywy rozwoju psychologicznego bohatera

Daniela Krautschneiderová: Mord Katyński w świetle dzieł literatury polskiej

Diplomové práce:

Edita Waclawczykova: Polski dramati i teatr przełomu wieków XX i XXI

Lucie Smrčková: Feminizm w polskiej literaturze współczesnej

Martina Bořilová: Recepce dzieła Witolda Gombrowicza w współczesnej prozie polskiej

Jan Jeništa: Dezerterzy społeczeństwa konsumpcji. Twórczość najmłodszej

generacji „roczników siedemdziesiątych“ na tle współczesnej polskiej kultury

Marcel Hořák: Duchowy świat dziesiętjzego człowieka na tle polskiej literatury współczesnej

Účast na mezinárodních a domácích konferencích:

prof. Josef Anderš, DrSc.

22.-24. 9. 2005, Kyjevská národní lingvistická univerzita, mezinárodní vědecká konference „Проблеми зіставної семантики“. Příspěvek: „Sémantický subjekt a jeho vyjádření v deagentních větách (ukrajinsko-český typologický plán)“.

PhDr. Ivana Dobrotová, Ph.D.

16.-18. 5. 2005, Szkoła Języka i Kultury Polskiej, Uniwersytet Śląski Katowice, „Literatura polska w świecie. Zagadnienia recepcji i odbioru.“, příspěvek „Recepcje polské literatury v českém prostředí“.

14.-16. 9. 2005, Technická univerzita v Liberci, mezinárodní konference Euro-litteraria a Eurolingua 2005, příspěvek: „O některých nových frazémeh v publicistických textech“.

11. 11. 2005, Ostravská univerzita, konference „Čeština – jazyk slovanský 2“, příspěvek: „Lista Wildsteina a Cibulkovy seznamy. Etiketa a politické diskuse v polském a českém internetu“.

12. 12. 2005, Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně.

Česká a slovenská slavistika na počátku 21. století (stav – metodologie – mezinárodní souvislosti); ref.: „slavic-net.upol.cz – Prezentace slovanských jazyků a kultur na internetu“ spolu s prof. Fialou a prof. M. Sobotkovou.

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc.

6.-8. 9. 2005, FF UP Olomouc, mezinárodní konference XVIII. ODR, příspěvek „O nekotorych osobnostjach naučnoj reči v oblasti sintaksisa prostogo predloženiya (v rusko-češskom sopostavitel'nom plane)“.

20. 10. 2005, FF UP Olomouc, konference k nedožitým 80. narozeninám prof. PhDr. R. Zimka, DrSc., příspěvek „Na okraj kategorie imperativnosti“.

Ulyana Kholod

17. 5. 2005, FF UP Olomouc, konference „Setkání mladých lingvistů“, příspěvek „Srovnávací přístup ke zkoumání příznakové a bezpříznakové modalit v češtině a ukrajinštině“.

Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

6.-8. 9. 2005, FF UP Olomouc, mezinárodní konference XVIII. ODR, příspěvek „К методологии изучения древнерусского жития (на материале Жития Стефана Пермского)“.

Dr. Natalija Malinevska, CSc.

28. 6 – 1. 7. 2005, Ukrajina, Donetská univerzita, 6. Mezinárodní Kongres ukrajinistů, přednáška „Kyrylycja i latynycja jak zasoby peredači fonetyčnoji systemy ukrajinskoji movy 17. – poč. 18. st.“.

Jekaterina Mikešová

12. 10. – 14. 10. 2005, Minsk (Bělorusko), VII. Mezinárodní konference Slovanské literatury v světovém kontextu, příspěvek „E. Jelinek a R. Denemarková: dva pohledy na (nejenom) ženský svět“.

doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

6.-8. 9. 2005, FF UP Olomouc, mezinárodní konference XVIII. ODR, příspěvek: Контексты интерпертации русской литературы. „Доктор Живаго“ Бориса Пастернака. Mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů, 6. 9. 2005

12.-16. 9. 2005, Boldino, Muzeum A. S. Puškina, Nižegorodskij gosudarstvennyj universitet im. Lobačevskogo. Mezinárodní vědecká konference „XXXIII Bol-dinskije čtenija“. Příspěvek: Vystrel A. S. Puškina.

Mgr. Jindřiška Pilátová, Ph.D.

16.-18. 5. 2005, katedra bohemistiky FF UP Olomouc, VI. mezinárodní konference mladých lingvistů „Funkce – funkčnost – funkcionalismus“, příspěvek: „Řekl, řekla, řekli – fungování sloves mluvení ve zpravodajském textu (čeština, ruština, angličtina)“

6.-8. 9. 2005, katedra slavistiky FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVIII. Olomoucké dny rusistů“, příspěvek – „Отражение общественно-политического события в русской и чешской газете“.

20. 10. 2005, katedra slavistiky FF UP Olomouc, konference k nedožitým 80. narozeninám prof. PhDr. R. Zimka, DrSc., příspěvek „Několik poznámek k vývoji kognitivní lingvistiky“.

prof. PhDr. Marie Sobotková, CSc.

16.-18. května 2005, Szkoła Języka i Kultury Polskiej, Uniwersytet Śląski Katowice, „Literatura polska w świecie. Zagadnienia recepcji i odbioru.“ Příspěvek „maslo.of.pl“ w wersji polskiej i czeskiej.

28.-29. 9. 2005, konference v rámci grantového projektu GA AV ČR *Žánrové metamorfózy ve středoevropském kontextu*; tematický okruh vystoupení: *Stabilita a labilita žánrů* - ref. „O internetových metamorfózách literárních textů a žánrů“ spolu s prof. J. Fialou.

12. 12. 2005, Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně. Česká a slovenská slavistika na počátku 21. století (stav - metodologie - mezinárodní souvislosti); ref.: „slavic-net.upol.cz - Prezentace slovanských jazyků a kultur na internetu“ spolu s prof. Fialou a dr. Dobrotovou.

doc. Ludmila Stěpanova, CSc.

2.-3. 9. 2005, Opolská univerzita, mezinárodní konference „Frazeologia i językowe obrazy świata przelomu wieków“, příspěvek „K dynamice frazeologického obrazu světa“.

6.-8. 9. 2005, UP, mezinárodní konference „Olomoucké dny rusistů“ příspěvek „Словарь М. И. Михельсона ‚Русская мысль и речь‘ как источник для исторического изучения фразеологии“.

PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

13.-15. 5. 2005, Ruské centrum vědy a kultury v Helsinkách, vědecko-metodická konference „Русский язык как иностранный: проблемы изучения, преподавания, оценки в свете общеевропейских компетенций владения иностранным языком“, příspěvek: „Опыт специальной программы по подготовке русистов-переводчиков и работников (тур-)бизнеса“

6.-8. 9. 2005, katedra slavistiky FF UP Olomouc, XVIII. Olomoucké dny rusistů, mezinárodní konference, příspěvek: „Категория каузативности и выражение причинно-следственной связи в русском и чешском языках“,

20. 10. 2005, katedra slavistiky FF UP Olomouc, Konference k 80. výročí nedožitých narozenin prof. PhDr. Rudolfa Zimka, DrSc., příspěvek: „K jazykovému vyjádření kauzality v ruštině a češtině (z hlediska syntaktické sémantiky)“.

PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

8. 4. 2005, Praha, Filozofická fakulta UK, Kolokvium Český překlad v letech 1945–2004. Příspěvek: Překlady z ruštiny v nakladatelství Votobia v posledním desetiletí,

12.–14. 10. 2005, Filologická fakulta Státní univerzity v Minsku (Bělorusko): VII. mezinárodní vědecká konference Slovánské literatury v kontextu literatury světové, příspěvek Z dějin překladu ruské literatury do češtiny: od epochy národního obrození do současnosti (předneseno v ruštině),

20. 10. 2005, Filozofická fakulta UP Olomouc: Pracovní setkání u příležitosti nedožitých 80. narozenin prof. PhDr. Rudolfa Zimka, DrSc., Příspěvek Osobnost profesora Zimka.

doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.

6.–8. 9. 2005, FF UP Olomouc, mezinárodní konference XVIII. ODR, příspěvek „Tlumočení jako mezikulturní komunikace“,

20. 10. 2005, FF UP Olomouc, konference k nedožitým 80. narozeninám prof. PhDr. R. Zimka, DrSc., příspěvek „Zimkův přínos rozvoji lingvodidaktiky ruštiny“.

prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc.

květen 2005, Piešťany, konf. MAPRJAL, příspěvek o nových trendech v ruské literatuře,

6.–8. 9. 2005, katedra slavistiky FF UP Olomouc, XVIII. Olomoucké dny rusistů, mezinárodní konference, příspěvek: Turgenjev očima F. X. Šaldy.

Jiné aktivity:

prof. Josef Anders, DrSc.

- předseda oborové rady pro obor ruský jazyk na FF UP
- člen oborové rady pro obor srovnávací slovanská filologie na FF UP
- člen oborové rady pro obor polský jazyk na FF Ostravské univerzity
- školitel doktorandů (E. Opletalová)
- člen Komise „Gramatická stavba slovanských jazyků“ při Mezinárodním komitétu slavistů
- člen výboru České asociace ukrajinistů (Praha)
- člen kolegia z oboru Filologie na FF UP

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc.

- předsedkyně komise pro zkoušky z ruštiny v rámci doktorského studijního programu UP
- členka oborové rady pro ruský jazyk na FF UP v Olomouci a FF MU v Brně
- členka oborové rady pro obor srovnávací slovanská filologie na FF UP
- členka oborové komise doktorského studia pro obor ruský jazyk na FF UKF v Nitře
- členka komise pro rigorózní zkoušky z oboru ruský jazyk na FF UP
- školitelka doktorandky Mgr. B. Hégrové

PhDr. Ivana Dobrotová, Ph.D.

- 18.-20. 3. 2005 Univerzita v Ljublaně, Slovinsko: pracovní jednání společného projektu Lingua 1 Project, Slavic Networking – Linguistic and Cultural Integration
- 29. 9. – 1. 10. 2005, pracovní jednání společného projektu Lingua 1 Project, Slavic Networking – Linguistic and Cultural Integration, Filozofická fakulta UK Bratislava
- 26. květen 2005: Praha, Mezinárodní seminář programu Sokrates: Prezentace programu – Lingua 1 Slavic Network
- 25.-31. 10. 2005, CEEPUS, Slezská univerzita v Katovicích, přednáškový pobyt
- Konzultant doktorských disertací:
doktorský studijní program Srovnávací slovanská filologie – polský jazyk
Ivona Wania: Jazykový obraz světa v polských časopisech pro ženy
Radek Zogata: Expresivita v polské publicistice

Ulyana Kholod

- FF UP Olomouc, katedra bohemistiky, kombinované doktorské studium, doktorská práce na téma: „Vyjadřování modalit v češtině a ukrajinštině (na základě textů krásné literatury)“
školitel doc. PhDr. Karel Hádek, CSc.
- účast v organizaci překladatelské soutěže na FF OU - 2005/2006
- účast v organizaci mezinárodního setkání mládeže UNITED GAMES of nations ČK. Olomouc 25. 8. - 31. 8. 2005

Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

- 1. 3. - 31. 3. 2005 CEEPUS: Institut für Slawistik, Karl-Franzens-Universität Graz, Rakousko

Mgr. Marie Kratochvílová

- Gdaňsk - doktorská stáž, Gdaňská univerzita, leden 2005, 4 týdny.
- doktorská příprava - FF UP Olomouc, obor polský jazyk,
školitel: prof. PhDr. Edward Lotko CSc.,
název: Neologizmy obcego pochodzenia w publicystyce polskiej
- Young Visegrad polonists - mezinárodní Višegrádský grant realizovaný spolu s M. Kratochvílovou v roce 2005. Grantový projekt byl zaměřen na spolupráci mladých polonistů z České republiky, Polska, Slovenska a Maďarska. Bude završen mezinárodní konferencí polonistů z Polska, Slovenska, Maďarska a České republiky. Tato konference proběhla v dubnu 2005 v Olomouci pod záštitou FF UP Olomouc a Mezinárodního Višegrádského fondu.

PhDr. Milena Machalová

- výuka v kursech češtiny pro cizince
- 24. 4. - 29. 4. 2005, Polsko, Wrocław, přednáškový pobyt v rámci SOCRATES - ERASMUS, přijímající instituce: Institut slovanské filologie Wroclawské univerzity,
- 5. 7. - 4. 8. 2005, Государственный институт русского языка им. Пушкина, Москва - Letní škola ruského jazyka

Jekaterina Mikešová

- 25. 7. - 19. 8. 2005 LŠSS, UP, výuka ruštiny
- říjen - prosinec 2005 - distanční kurz „Distanční vzdělávání“, uspořádaný CDiV UP v Olomouci, vysvědčení o absolvování

doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

- grantový projekt: Integrovaná skupina filologických oborů - „joint degree courses“
- člen Vědecké rady FF UP
- člen oborové rady FF UP a FF UK - slovanské literatury
- přednášky ze světové literatury pro kurs Další vzdělávání učitelů češtiny FF UP Olomouc
- 1. 2. - 28. 2. 2005 CEEPUS: Prof. Herbert Van Uffelen, Universität Wien, Institut für Germanistik/Nederlandistik
- 3. 5. - 11. 5. 2005 University Durham, Velká Británie. Sokrates.
- 12. 11. - 18. 11. 2005 Univerzita Charles-de-Gaulle Lille 3, Hoger Institut voor Vertalers and Tolken v Antverpy, Hogeschool Gent. Jednání o společném studijním programu
- účast na Výzkumném záměru: Pluralita kultury a demokracie.
Id. kód: MSM6198959211

Mgr. Jindřiška Pilátová, Ph.D.

- 20. 5. - 16. 6. 2005 - program CEEPUS: stáž na Katedře ruského jazyka Sofijské univerzity sv. Klimenta Ochridského, Bulharsko

prof. PhDr. Marie Sobotková, CSc.

- školitelka doktorských disertací:
 - a) doktorský studijní program Dějiny české literatury - česká literatura:
 1. Jekatěrina Stacenko (absolventka bohemistiky z Běloruska):
Místo tvorby Josefa Škvoreckého v současné české a běloruské literatuře
 2. Jana Znojilová (Vařeková):
Mariánský kult v moravské homiletice 18. století
 3. Magdalena Nobis (absolventka Slezské univerzity v Katovicích):
O jazyce současné české prózy
 4. Karla Vozáková:
Kroniky a paměti moravské provenience 17.-18. století
 - b) doktorský studijní program Srovnávací slovanská filologie - polská literatura
 1. Katarína Laučíková, absolventka FF Prešovské univerzity v Prešove;
téma disertační práce: Mýtus horala v polské, české a slovenské literatuře

2. Kateřina Tichá, absolventka FF UP v Olomouci; téma disertační práce *W śladach Tadeusza Micińskiego: Z mroku gwiazd do Złotego pałacu*. Apel do potomnych.
3. Jakub Pacześniak, absolvent Jagellonské univerzity Krakov; téma disertační práce *Obraz rzeczywistości w najnowszej literaturze polskiej i czeskiej, realizm, czy groteska? Przemiany po roku 1989*.
4. Juraj Gigac, absolvent FF UP v Olomouci; téma disertační práce: *Polská literatura v německy mluvících zemích*.
5. Kamila Woźniak, absolventka Vratislavské univerzity Vratislav; téma disertační práce: *Filozofické a mystické motivy v tvorbě St. Przybyszewského a L. Klímy*.

Cesty do zahraničí:

- 29. 9. – 1. 10. 2005, pracovní jednání společného projektu Lingua 1 Project, Slavic Networking – Linguistic and Cultural Integration, Filozofická fakulta UK Bratislava spolu s prof. Fialou a dr. Dobrotovou
- 18.–20. března 2005, pracovní jednání – Ljubljana, Lingua 1 – Slavic Networking spolu s dr. Dobrotovou
- 26. května 2005, prezentace LINGUA 1 – SLAVIC NETWORKING Praha spolu s prof. Fialou, dr. Dobrotovou a Mgr. Waniovou

SOCRATES – učitelská mobilita:

- 26. 6. – 3. 7. 2005 – přednáškový pobyt na Univerzität Leipzig
- 24. 10. – 28. 10. 2005 – Szkoła Języka i Kultury Polskiej, Uniwersytet Śląski

doc. Ludmila Stěpanova, CSc.

- vedení grantu z Fondu rozvoje vysokých škol „Ruské reálie – inovace předmětů stávajícího studijního programu“
- účast na zasedání Frazeologické komise Mezinárodního komitetu slavistů, 3.9.2005, Opole

PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

- Институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, letní jazykový kurz, červenec 2005

PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

- členka Jazykovědného sdružení ČR
- členka oborové rady pro ruský jazyk na FF UP
- členka komise pro státní rigorózní zkoušky z ruského jazyka na FF UP

- členka komise pro zkoušky z ruštiny v rámci doktorského studijního programu na UP
- školitelka interní doktorandky Nadi Brázdilové
- spoluřešitelka projektu FRVŠ Ruské reálie – inovace předmětů stávajícího studijního programu
- externí vyučující VOŠS sociální CARITAS v Olomouci
- výuka češtiny pro cizince pro Středisko distančního vzdělávání FF UP

Cesty do zahraničí:

- 24. 4. – 29. 4. 2005: Přednáškový pobyt v Institutu slovanské filologie Wroclawské univerzity, Wrocław (Polsko), – v rámci programu Socrates – Erasmus
- 30. 5. – 6. 6. Přednáškový pobyt na Institutu slavistiky Univerzity M. Arndta v Greifswaldu (Spolková republika Německo) v rámci programu Socrates – Erasmus
- 12.–14. 10. 2005, Filologická fakulta Státní univerzity v Minsku (Bělorusko): VII. mezinárodní vědecká konference Slovanské literatury v kontextu literatury světové

doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.

- předsedkyně oborové komise pro rigorózní řízení v oboru ruský jazyk na FF UP Olomouc
- členka oborové rady pro ruský jazyk na FF UP Olomouc
- členka komise pro zkoušky z ruštiny v rámci doktorského studijního programu na UP
- členka oborové rady pro lingvodidaktiku cizích jazyků na PdF UK Praha
- školitelka doktorandů Mgr. Jana Gregora, Mgr. Lucie Junkové
- členka předsednictva České asociace rusistů
- předsedkyně poroty celostátní studentské vědecké konference z ruského jazyka, PdF UK Praha, 21. 4. 2005
- členka recenzního výboru elektron. časopisu Lingua Viva

prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc.

- založení kolektivu pro vypracování Slovníku rusko-českých lit. vztahů (účast členů naší katedry a rusistů z Čes. Budějovic, Prahy, Hradce Králové, Plzně) v rámci grantu Translatologického ústavu UK Praha
- předseda komise pro st. závěr. zkoušky – červen 2005 – Pdf ZČU Plzeň

Mgr. Petra Zavřelová

- Gdaňsk – doktorská stáž, Gdaňská univerzita, leden 2005, 4 týdny.
- Doktorská příprava – MU Brno, Ústav slavistiky, obor polská literatura, školitelka: prof. PhDr. Krystyna Kardyni-Pelikánová DrSc., název: Proza polska w końcu drugiego tysiąclecia: próba kategoryzacji tematycznej i formalnej.
- Young Visegrad polonists – mezinárodní Višegradský grant realizovaný spolu s M. Kratochvílovou v roce 2005. Grantový projekt byl zaměřen na spolupráci mladých polonistů z České republiky, Polska, Slovenska a Maďarska. Bude završen mezinárodní konferencí polonistů z Polska, Slovenska, Maďarska a České republiky. Tato konference proběhla v dubnu 2005 v Olomouci pod záštitou FF UP Olomouc a Mezinárodního Višegradského fondu.
- Mezinárodní konference „Osudové náhody K. Kieślowského“: v rámci přehlídky filmové tvorby K. K. – 16.–19. 11. 2005. Spoluúčast při organizaci celé akce. Projekt se konal pod záštitou Sekce polonistiky KS FF UP a Pastiche filmz a Polského institutu v Praze.
- Miniprózy Nataszy Goerke: příprava a realizace literárně-hudebního veřejného čtení povídek N. Goerke v překladech studentů polonistiky v Polském institutu v Praze (30. 11. 2005).

Bibliografie publikační činnosti členů katedry slavistiky FF UP za rok 2003:

- a) vědeckovýzkumné stati a monografie
- b) odborné stati
- c) recenze vědeckých prací
- d) recenze literárních a jiných děl
- e) učebnice a skripta
- f) překlady
- g) zprávy a glosy v denním tisku
- h) ostatní
- ch) recenze na práce členů katedry, ohlasy

Josef Anderš

- a) 1. Sémantický subjekt a jeho vyjádření v deagentních větách (ukrajinsko-český typologický plán). In: Проблеми зіставної семантики. Випуск 7. Збірник наукових статей. Київ 2005, s. 366–370.

Helena Flídrová

- a) 1. Ruská zájmena v komunikačním aktu. In: Rossica Olomucensia XLIII (za rok 2004), Olomouc 2005, s. 47–53.
- 2. Ruské „что“ jako spojovací prostředek v souvětí a jeho české ekvivalenty. In: Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (2). Ústav slavistiky FF MU, Brno 2005, s. 15–20. ISBN 80-89183-15-8.
- c) 3. Oponentský posudek na rigorózní práci Mgr. J. Skácelové, Ph.D. „Adverbiální přívlastek v ruštině a češtině.
- e) 4. ... S. Žaža: Sintaksis ruskogo jazyka v sopostavlenii s češskim. UP, Olomouc 2005, 163 s., ISBN 80-244-1104-0

Ivana Dobrotová

- b) 1. Perspektivy olomoucké polonistiky. In: Práce z dějin slavistiky XIX. Koloquium k 80. výročí polonistiky na Univerzitě Karlově v Praze. Univerzita Karlova v Praze 2005, s. 25–30.
- c) 2. Czesko-polski słownik zdradliwych wyrazów i pułapek frazeologicznych, red. Teresa Zofia Orłoś, Krakov. In: Bohemistyka 2/2005, roč. V – ISSN 1642-9893, s. 146.

Ulyana Kholod

- a) 1. „Modalita jako jazyková kategorie“ in: Sborník příspěvků ze 4. mezinárodní konference Setkání mladých lingvistů, konané na FF UP v Olomouci ve dnech 12.–14. května 2003, Olomouc
- g) 2. Článek o oddělení ukrajinistiky na FF UP v Olomouci v časopisu „Visnyk universytetu“ Prykarpatské Národní Univerzity Srefanykove v Ivano-Frankivsku, Ukrajina, březen 2005.

Jitka Komendová

- a) 1. Středověká Rus a vnější svět. Olomouc, 2005. ISBN 80-244-1022-2.
- b) 2. Ruská literatura v edičním díle Josefa Floriana (spoluautor Jindra Pilátová). In: Český překlad 1945–2003, Praha 2005, ISBN 80-7308-083-4.
3. Obraz pohanů v Životě Stěfana Permského a ve svatovojtěšských legendách. In: Dialog kultur III. Sborník z příspěvků vědecké konference, Ústí nad Orlicí 2005. ISBN 80-86845-15-X, s. 185–190.
4. „И быше видети чудо в земли той“: Пермская земля в Житии Стефана Пермского. In: Swoje i cudze. Kategorie przestrzeni w literaturach i kulturach słowiańskich Tom 2: Słowiańszczyzna Wschodnia. Poznań 2005. ISBN: 83-232-1538-3, s. 49–55.
5. Čechov a ruská klasika ve staroříšském vydavatelství Josefa Floriana. In: Jak čteme ruské klasiky. Příspěvky z konference věnované 100. výročí úmrtí A. P. Čechova. Praha 2005. ISBN 80-7050-464-1, str. 153–157.
- c) 6. Aron Jakovlevič Gurevič: Istorija istorika (rec.), Dějiny – teorie – kritika 1/2005, s. 131–137. ISSN: 1214-7249

Marie Kratochvílová

- b) 1. Neologizmy obcego pochodzenia w publicystyce polskiej – metodologia badań (in:) Czterogłos polonistyczny/Polonistický čtyřhlas. Zeszyt z warsztaów polonistycznych/Sborník z polonistického workshopu, s. 11–21, Olomouc 2005.

Milena Machalová

- e) 1. ..., E. Vysloužilová: Cvičebnice překladu pro rusistiy II, Cestovní ruch, Turistika, Olomouc 2003, 274 s., ISBN 80-244-0700-0.

Nataliya Malinevská

- a) 1. monografie „Fonetický systém ukrajinského jazyka XVII. – poč. XVIII. st. a latinská grafika“, 124 s., ISBN 80-244-0969-0.

Jekaterina Mikešová

- a) 1. „Antonín Bajaja Zvlčení i Čingiz Ajtmatov Placha – dva romana o ljudjach i volkach“. Sborník příspěvků z vědecké konference Dialog kultur III. Hradec Králové 6. 10. 2004. 2005, s. 241–246.
2. „Vybrané aspekty problému transponování vyprávěcích forem do filmové podoby (romány J. Škvoreckého Tankový prapor a Prima sezóna)“. Sborník z mezinárodní konference o životě a díle Josefa Škvoreckého, Náchod, 22.–24. 9. 2004. Literární akademie, 2005, s. 309–315.
- f) 3. Jan Balabán: U kommunistov, Karuselj, Uršula, Gorjascheje ditja. Vse-mirnaja literatura, č. 10, 2005, s. 39–54.

Zdeněk Pechal

- a) 1. Жанр повести М. Горького и перегруженность личности. In: Literatura rosyjska przelomu XIX i XX wieku. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. Gdańsk 2005. s. 175–182. ISBN 83-7326-326-8.
2. Interpretační možnosti Čechovovy povídky Poprygun'ja. In: Jak čteme ruské klasiky. Praha 2005. s. 129–136. ISBN 80-7050-464-1.
3. Повесть «Котик Летаев» как полифония метаморфозы. In: Poetyki Bielego. Biblioteka Przeglądu Rusycystycznego. Nr 10. Katowice. 2005. s. 199–214. ISBN 83-7164-444-2.
- c) 4. Oponentský posudek na disertační práci Mgr. Jiřího Byčkova: Psychologie tvůrčí osobnosti Vladimira Nabokova, román „Gnostický mýtus“ jako nový fenomén románové poetiky evropské literatury.
5. Oponentský posudek na disertační práci Judit Katony: Moderní umělecké filozofie života v Buninově umění.

Jindřiška Pilátová

- b) 1. Komendová, J., Pilátová, J.: „Ruská literatura v edičním díle Josefa Floriana“. In: Český překlad 1945–2003. Sb. příspěvků ze symposia v Praze 11. 9. 2003. Ústav translatologie FF UK, Praha 2005. s. 103–109. ISBN 80-7308-083-4.
2. Pilátová, J.: „Volná přímá řeč v češtině, ruštině a angličtině“. In sb.: Jazyky v kontaktu, jazyky v konfliktu a evropský jazykový prostor. Sb. pří-

spěvků ze 4. mezinárodní konference Setkání mladých lingvistů (FF UP 12.-14. 5. 2003). Olomouc 2005. s. 226–230. ISBN 80-244-1027-3.

3. Pilátová, J.: „Неопределенно-личные предложения в современном русском и чешском языках.“ In sb.: В поисках эквивалентности II, Prešov (konference 17.-19. červen 2004), Prešov 2004 (vyšlo 2005), s. 164–173. ISBN 80-8068-314-X.
4. Pilátová, J.: „Ke zpracování substandardní slovní zásoby v současných ruských slovnících“ In sb.: Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (2), ed. J. Gazda. Ústav slavistiky FF MU, Brno 2005, s. 93–100. ISBN 80-89183-15-8.

Marie Sobotková

- b) 1. O polských textech z rakouského státního vězení v Olomouci a v Josefově na konci 18. století. In: Studia Moravica II, AUPO, Facultas Philosophica, Olomouc 2004. S. 77–87.
2. Česko-polské literární souvislosti v letech 1914–1944/45. In: Západoslovanské literatury v českém prostředí ve 20. století. Česko-západoslovanské pomezí. K recepci západoslovanských literatur a k tvorbě vybraných slovanských menšin v českém literárním procesu ve 20. století. Slovanský ústav AV ČR 2004. S. 49–105.
3. Ohlas válečných událostí 2. poloviny 17. století v zápiscích Mikuláše Františka Kerneria In: Studia Moravica III, AUPO, Facultas Philosophica, Olomouc 2005. S. 185–195.

Ludmila Stěpanova

- a) 1. Frazémy a dějiny. In: Verba et historia. Igoru Němcovi k 80. narozeninám. Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky. Praha, 2005. S. 345–350. ISBN 80-86496-20-1.
2. Принципы составления русско-чешского фразеологического словаря. In: Грани слова. Сб. научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. Москва: ООО „Издательство ЭЛПИС“, 2005. С. 145–151. ISBN 5-902872-01-4.
3. Frazéologie korespondence Zuzany Černínové z Harasova s jejím synem Humprechtem Janem Černínem z Chudenic. In: Jazyky a jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. PhDr. Františka Čermáka, DrSc. Praha, 2005. S. 99–109. ISBN 80-7308-0796.
4. Язык церкви и фразеология. In: Frazéologické štúdie IV. Bratislava, 2005. S. 318–324. ISBN 80-224-0865-4.

- e) 5. Русская фразеология для немцев. Санкт-Петербург, 2005. – 224 s. (Spolu s: Вальтер, Х., Малински, Т., Мокиенко, В.). ISBN 5-86547-322-0.
- h) 6. Словарь историко-этимологический. Русская фразеология. М.: 2005. – 928 с. (Spolu s: Бирих, А. К., Мокиенко, В. М.).
 - 7. Об Учителе. In: Грани слова. Сб. научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. Москва: ООО „Издательство ЭЛПИС“, 2005. С. 11–15. ISBN 5-902872-01-4. (Spolu s: Бирих А. К., Николаева Е. К.)

Ladislav Vobořil

- b) 1. Языковые особенности деловой переписки в свете двух критериев текста. In: Hľadanie ekvivalentnosti II. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov, ktorá sa konala dňa 17. až 19. júna v Prešove. Prešovská univerzita v Prešove, FF 2004, ISBN 80-8068-314-X.
- h) 2. Конференция славистов в польском Вроцлаве. In: Болгарская русистика 2004/3–4. Sofie 2004. s. 110–114. ISSN 0323-9160.

Zdeňka Vychodilová

- a) 1. Otto František Babler jako překladatel z ruštiny. In: Český překlad 1945–2003. Sborník příspěvků ze symposia, které se konalo v Ústavu translologie FF UK v rámci výzkumného záměru Srovnávací poetika v multikulturním světě. Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Praha 2005, s. 116–119. ISBN 80-7308-083-4.
- 2. Ruská literatura v moravských vydavatelstvích v období mezi dvěma světovými válkami. In: Dialog kultur III. Sborník příspěvků z vědecké konference s mezinárodní účastí pořádané ve spolupráci se Společností Franka Wollmana při FF MU v Brně a Českou asociací rusistů. Ústí nad Orlicí 2005, s. 191–196. ISBN 80-86-845-15-X.
- 3. Полифункциональность чешских местоименных лексем в сопоставлении с их русскими эквивалентами. In: Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 5. Opis, konfrontacja, przekład. (Red. M. Sarnowski i W. Wysoczański.). Acta Universitatis Wratislaviensis No 2747, Slavica Wratislaviensia CXXXIII, Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 2005, s. 403–409. ISBN 83-229-2641-3 ISSN 0239-6661, ISSN 0137-1150.

- c) 4. Oponentský posudek na rigorózní práci Mgr. Jany Skácelové, Ph.D., Adverbiální přívlastek v ruštině a v češtině (Olomouc 2005, 205 s.).
- 5. Oponentský posudek disertační práce PhDr. Ondřeje Bláhy Vyjadřování budoucnosti v současné češtině (se zřetelem k ostatním slovanským jazykům), Olomouc 2005, 230 stran.
- 6. Recenzní posudek na vš. skripta Heleny Flidrové a Stanislava Žaží Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским, Univerzita Palackého, Olomouc 2005.
- h) 7. ... - A. Brandner: Slavistická konference ve Vratislavi. Opera Slavica XV., č. 2, 2005, s. 35–38.

Eva Vysloužilová

- a) 1. Aktuální procesy v morfologickém systému ruštiny. In: Rossica Olomucensia XLIII (za rok 2004), Olomouc 2005, s. 125–130.
- 2. K jazykovým tendencím v projevu mluvčího (51–54), Sb. příspěvků z vědecké konference. Dialog kultur III, Hradec Králové 2004, vyšlo: Ústí nad Orlicí 2005, ISBN 80-86845-15-X.
- c) 3. Oponentský posudek na doktorskou práci Mgr. Hany Suchánkové „Využití typů paměti při osvojování slovní zásoby cizího jazyka“, Praha 2004, 214 s. + přílohy.
- 4. Posudek na Sborník příspěvků z mezinárodní konference na FEM UO Brno, 15. září 2005 „Odborný jazyk na vysokých školách nefilologického zaměření“, 150 s.
- 5. Posudek grantového úkolu 385/2005/A-PP „Videonahrávky v didaktice literatury“ (interní grant pro r. 2005). Řešitelé: Ondřej Hausenblas, Mgr. Ondřej Hník - oba PdF UK Praha.

Miroslav Zahrádka

- a) 1. Ruská literatura XIX. století v kontextu evropských literatur, Periplus, Olomouc 2005, 278 s.
- 2. O nazvanijach proizvedenij ruskoj prozy o Vtoroj mirovoj vojne (1941–2000). Sb. k 80-letiju V. M. Piskunova „Sovremennaja filologija: itogi i perspektivy. Moskva 2005, s. 293–309.
- 3. „Gorod“ i goroda v nazvanijach literaturnych proizvedenij (Tezisy i materialy k glave). Rossica Olomucensia XLII, Olomouc 2004, s. 265–274.
- d) 4. 4 recenze na divadelní premiéry

ch) Recenze na práce M. Zahrádky:

5. Recenze na Ruskou literaturu XX. století, Olomouc 2003, - Russkij jazyk v centr Jevropy 8, Banská Bystrica 2005, s. 169-272 - M. Sirat.

Petra Zavřelová

- b) 1. Eksperyment w współczesnej prozie polskiej, (in:) Czterogłos polonistyczny/Polonistický čtyřhlas. Zeszyt z warsztatów polonistycznych/Sborník z polonistického workshopu, s. 41-48, Olomouc 2005.
2. Perspektyvy olomoucké polonistiky, (in:) Práce z dějin slavistiky XIX. Kolokvium k 80. výročí polonistiky na Univerzitě Karlově v Praze, s. 25-30, Univerzita Karlova v Praze 2005 (spolu s I. Dobrotovou).
- f) 3. Redakce překladu knihy O. Tokarczukové: Hra na spoustu bubínků, Periplum, Olomouc 2005 (přel. Iveta Mikešová).

Přednášková činnost členů katedry slavistiky:

- a) přednášky vědeckovýzkumné a odborné
- b) vědeckopopulární
- c) ostatní

Josef Anderš

- a) 1. Sémantický subjekt a jeho vyjádření v deagentních větách (ukrajinsko-český typologický plán. Kýjevská národní lingvistická univerzita, 22. 9. 2005.

Ivana Dobrotová

- c) 1. CEEPUS: 25.-31. 10. 2005, Slezská univerzita v Katovicích, přednáškový pobyt, 8 hodin přednášek

Helena Flídrová

- a) 1. O nekotorych osobnostjach naučnoj reči v oblasti sintaksisa prostogo predloženiya. Referát na mezinárodní konferenci XVIII. ODR, FF UP Olomouc, 7. 9. 2005.
- 2. Na okraj kategorie imperativnosti. Referát na konferenci k nedožitým 80. narozeninám prof. PhDr. R. Zimka, DrSc., FF UP Olomouc, 20. 10. 2005.

Ulyana Kholod

- b) 1. Vědecko-populární přednáška na téma: Problémy překladu prvků obecné češtiny do ukrajinštiny (na materiálech Haškova Švejka a moderní české literatury), 23. 3. 2005 – oddělení slovanských jazyků FF Univerzity Stefanykove v Ivano-Frankivsku, Ukrajina.

Jitka Komendová

- a) 1. 16. 3. 2005 Institut für Slawistik, Karl-Franzens Universität Graz (Rakousko): Александр Невский: историческая личность и ее мифизация.

Nataliya Malinevska

- a) 1. 11. 5. 2005. Česká jazyková společnost, přednáška „Rukopisné sborníky jako jevy ukrajinské kultury a literárního jazyka 17. st. – počátku 18. st.“

Zdeněk Pechal

- a) 1. „Двойник“ Достоевского. 4. 5. 2005 University Durham, Velká Británie.
2. Роман „Мы“ Евгения Замятина. 9. 5. 2005 University Durham, Velká Británie.
3. Контексты интерпертации русской литературы. „Доктор Живаго“ Бориса Пастернака. Mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů, 6. 9. 2005.
4. Román V. Nabokova. Univerzita Hradec Králové. 12. 4. 2005.
5. Estetika ruské prózy. Literární Luhačovice. Luhačovice 4. 7. 2005.
6. „Выстрел“ А. С. Пушкина. Международная научная конференция XXXIII Болдинские чтения. Болдино 13. 9. 2005.

Jindřiška Pilátová

- a) 1. 2. 6. 2005 Sofie, Bulharsko (Katedra ruského jazyka Sofijské univerzity sv. Klimenta Ochridského, program СЕЕPUS), přednáška: „Субстандартизация в современном русском языке“.
2. 3. 6. 2005 Sofie, Bulharsko (Katedra ruského jazyka Sofijské univerzity sv. Klimenta Ochridského, program СЕЕPUS), přednáška: „Экспрессивные средства в газетном заголовке – русский, чешский и английский газетный материал“.
b) 3. 28. 11. 2005 Oddělení ruského jazyka, pedagogická fakulta Jihočeské univerzity, České Budějovice (jazykovědné sdružení ČR), přednáška: „Основная характеристика газетно-публицистического стиля, приемы экспрессии (на чешском, русском, английском материале)“.

Marie Sobotková

- c) 1. 26. 6. – 3. 7. 2005 – přednáškový pobyt na Univerzität Leipzig.
2. 24. 10. – 28. 10. 2005 – Szkoła Języka i Kultury Polskiej, Uniwersytet Śląski.

Ludmila Stěpanova

- a) 1. 7. 4. 2005 přednáška na V. konferenci vyučujících AJ, NJ, FJ a RJ na základních a středních školách, Gymnázium Zábřeh, na téma „Aktuální procesy v současné ruštině“ a přednáška na téma „Mluva současné ruské mládeže“.
- b) 2. 7. 4. 2005 přednáška na V. konferenci vyučujících AJ, NJ, FJ a RJ na základních a středních školách, Gymnázium Zábřeh, na téma „Petrohrad a jeho památky“.

Zdeňka Vychodilová

- a) 1. Habilitační přednáška Vývojové tendence v ruském lexiku od konce 80. let 20. století (ve srovnání se situací v současné češtině). Olomouc, Vědecká rada FF UP Olomouc, 9. 2. 2005.
2. Překlady z ruštiny v nakladatelství Votobia během posledního desetiletí. Kolokvium Český překlad v letech 1945–2005. Praha, Univerzita Karlova, 8. 4. 2005.
3. Старое и новое в системе современного русского языка на фоне развития Славии. Plenární referát na Olomouckých dnech rusistů 6. 9. 2005.
4. Přednášky: Жаргон современной русской молодежи; Процессы развития лексики и грамматики современного русского языка в течение последних двух десятилетий; Jak mluví současná česká mládež; Česká zájmena *ten a to* a jejich překlady do jiných jazyků. 24.–29. 4. 2005, Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytet Wrocławski, Wrocław (Polsko).
5. Лаконичность русской речи: синтаксический эллипсис и синтаксический нуль. 2. 6. 2005, Institut für Slawistik, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald (Německo).
6. Переводы русской литературы на чешский язык: с периода национального возрождения по наши дни. VII. mezinárodní vědecká konference Slovanské literatury v kontextu literatury světové. Filologická fakulta Státní univerzity v Minsku (Bělorusko), 12.–14. 10. 2005.
7. Osobnost prof. Zimka. Pracovní setkání u příležitosti nedožitých 80. narozenin prof. PhDr. Rudolfa Zimka, DrSc. Filozofická fakulta UP Olomouc, 20. 10. 2005.

Eva Vysloužilová

- a) 1. Tlumočení jako mezikulturní komunikace. Referát na mezinárodní konferenci XVIII. ODR, FF UP Olomouc, 7. 9. 2005.
2. Zimkův přínos rozvoji lingvodidaktiky ruštiny. Referát na konferenci k nedožitým 80. narozeninám prof. PhDr. R. Zimka, DrSc., FF UP Olomouc, 20. 10. 2005.

Miroslav Zahradka

- a) 1. Lysá nad Labem - rusistický seminář, téma: Turgeněv a evropský lit. kontext - 1. 10. 2005.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLIV

(ZA ROK 2005)

3. část

Výkonný redaktor: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technický redaktor: Jitka Bednaříková

Publikace neprošla ve vydavatelství jazykovou redakcí.

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci,

Křížkovského 8, 771 47 Olomouc

www.upol.cz/vup

e-mail: vup@upol.cz

Olomouc 2006

1. vydání

Ediční řada - *Sborníky*

ISBN 80-244-1313-2

ISSN 0139-9268